ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ВОЗДУШНЫЕ ДЕСАНТЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А. ЮВЕ Я. МАСАО ДЖ. ГЕЙВИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация: Книга "Парашютисты японского флота" является первой работой среди переводных зарубежных книг, изданных в Советском Союзе и посвященных бывшим воздушно-десантным войскам Японии. Она написана офицером-парашютистом военно-морского флота капитан-лейтенантом Ямабэ и вышла в свет в Японии в мае 1956 года. Автор до конца 1940 года, то есть до перевода его в морскую авиацию, был штурманом миноносца "Кидзи", участвовал в блокаде китайского побережья, а затем получил назначение в Йокосукский отряд морской авиации в качестве испытателя парашютов. До капитуляции Японии Ямабэ занимал различные должности в парашютных подразделениях военно-морского флота, участвовал в нескольких воздушно-десантных операциях, закончил войну в должности командира парашютного батальона и, как и многие другие офицеры японской армии, был осужден как военный преступник.

- Ямабэ М
  - Предисловие к русскому изданию
  - Период исканий
  - Период обучения
  - Наша мечта - сражаться в первом же бою
  - Операция по захвату Манадо[15]
  - Операция по овладению Купангом
  - Боевые действия по умиротворению. Переформирование
  - Попытка спасти остров Атту
  - Парашютный отряд, забытый в районе Южных морей
  - Разве нет возможности задержать продвижение противника?
  - Парашютисты, действующие с подводных лодок
  - Специальная подготовка к "операции S"
  - Неудавшийся налет на остров Моно
  - План контрвысадки на остров Сайпан
  - План воздушно-десантной операции на Марианских островах
  - Парашютный отряд на острове Сайпан
  - Приложение
  - Послесловие
- notes
  - 1
  - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29

Ямабэ М
Парашютисты японского флота

Предисловие к русскому изданию

Книга "Парашютисты японского флота" является первой работой среди переводных зарубежных книг, изданных в Советском Союзе и посвященных бывшим воздушно-десантным войскам Японии. Она написана офицером-парашютистом военно-морского флота капитан-лейтенантом Ямабэ и вышла в свет в Японии в мае 1956 года. Автор до конца 1940 года, то есть до перевода его в морскую авиацию, был штурманом миноносца "Кидзи", участвовал в блокаде китайского побережья, а затем получил назначение в Йокосукский отряд морской авиации в качестве испытателя парашютов. До капитуляции Японии Ямабэ занимал различные должности в парашютных подразделениях военно-морского флота, участвовал в нескольких воздушно-десантных операциях, закончил войну в должности командира парашютного батальона и, как и многие другие офицеры японской армии, был осужден как военный преступник.

Автор в своей работе стремился показать историю зарождения и боевого применения воздушно-десантных частей морского флота, особенно это касается подготовки парашютистов, их вооружения и снаряжения. Однако автор ничего не говорит в своей книге об организации и боевом применении воздушно-десантных частей ВВС сухопутных войск; ему также не удалось показать влияние парашютистов морского флота на ход выполнения той или иной морской десантной операции с участием воздушных десантов. Автор оказался также не в состоянии сделать выводы по вопросу применения воздушно-десантных войск в будущем. Опираясь только на свой личный опыт и на воспоминания отдельных парашютистов морского флота, он ограничился рассказом о специальной подготовке и боевом применении тех парашютных отрядов, в которых проходил службу.

Несомненно, читателю будет неясно из книги, как же вообще обстояло дело с воздушно-десантными войсками японской армии, их организацией и применением. В связи с этим нам представляется целесообразным сказать предварительно несколько слов по этому вопросу. Это тем более становится необходимым, так как в нашей военной печати трудно найти на него ответ.

До начала второй мировой войны Япония не имела в сухопутных войсках и военно-морском флоте каких-либо парашютно-десантных частей, за исключением небольших экспериментальных парашютных групп и отрядов. Прибытие

летом 1940 года немецких инструкторов парашютного дела значительно ускорило организацию и подготовку воздушно-десантных частей. Это позволило японскому командованию использовать в войне с Китаем в виде опыта небольшие парашютные группы. Так, например, в октябре 1941 года в операции под Чанша впервые были выброшены в тыл китайских войск три небольших парашютных десанта с тактическими и разведывательно-диверсионными целями.

С началом вторжения гитлеровской армии в Голландию и Бельгию, в котором, как известно, приняли широкое участие немецкие воздушно-десантные войска, японское командование принимает все меры к развертыванию своих воздушно-десантных частей не только в сухопутных войсках, но и в военно-морском флоте. Кроме того, в стране в это же время обращалось внимание на широкое развитие парашютного и планерного спорта, массовое строительство парашютных вышек и обязательное изучение парашютного и планерного дела в средних школах.

Подготовка парашютно-десантных частей проводилась в условиях глубокой секретности, и фактически до начала войны на Тихом океане о их существовании было мало кому известно даже в самой Японии. Эта секретность зашла так далеко, что сухопутные войска не знали об экспериментах, проводимых с парашютами в морском флоте, а флот не знал, что делается в этом отношении в армии. Опираясь на опыт немецких ВДВ, японское командование в 1942 году приступило к формированию воздушно-десантных частей. Почти все они входили в состав ВВС сухопутных войск. ВВС военно-морского флота имели собственных два парашютно-десантных отряда (батальона), которые предназначались для участия в морских десантных операциях, несения охранной и патрульной служб Японское командование рассматривало создаваемые воздушно-десантные части в армии и на флоте как высокоподвижное средство для захвата главным образом авиационных и военно-морских баз в островных районах Тихого океана.

В начале 1942 года парашютные части морского флота, сформированные из личного состава морской пехоты и береговой артиллерии, принимали участие в операциях на островах Голландской Индии. Позже, когда японцы вынуждены были оставлять захваченные опорные пункты в Тихом океане, остатки отрядов морских парашютистов были возвращены в Японию и объединены в парашютный полк.

К концу 1944 года все японские воздушно-десантные части сухопутных войск были сведены в воздушно-десантную, дивизию. Кроме того, к этому времени имелось несколько учебно-

тренировочных воздушно-десантных подразделений.

Помимо специальной боевой подготовки, в программу обучения десантника входило элементарное изучение языка той страны, где он должен был действовать. Парашютистов учили, как вести бой с ограниченным количеством легкого оружия и прокладывать с ним дорогу в боевых порядках противника к своему тяжелому оружию, которое по каким-либо причинам было сброшено не вместе с людьми. Особенно большое внимание уделялось использованию любого трофейного оружия противника и обучению вождению различных боевых и транспортных машин. Парашютисты также обучались практическим работам по минированию, разминированию и подрывным работам.

Подготовка парашютистов проводилась как в сухопутных войсках, так и в морском флоте, в парашютных школах и учебно-тренировочных центрах. Обучение парашютистов длилось около шести месяцев и разделялось на пять этапов. В течение первых четырех они изучали топографию, связь, наземные приемы прыжка с парашютом, материальную часть и укладку парашютов, производили "облет"-ознакомительные полеты на самолетах и тренировались в прыжках с парашютных вышек высотой до 130 м. Уделялось большое внимание физической закалке парашютистов.

На пятом, заключительном этапе обучения парашютисты совершали одиночные и групповые прыжки с самолетов, начиная с высоты 1200 м и ниже на скоростях полета самолета до 230 км/час. Высота выброски по мере того, как парашютист становился опытнее, значительно уменьшалась, а скорость полета самолета при выброске увеличивалась.

Отмечалось пренебрежительное и легкомысленное отношение к наземной подготовке, к укладке парашютов, к использованию запасных парашютов, что приводило к гибели парашютистов из-за отказа в работе материальной части.

Как сообщала зарубежная печать того времени, на одном из учений из 400 выброшенных с парашютами человек погибло 12, а на другом, в котором участвовало 360 человек, разбилось 7. Два парашютиста из 15 разбились еще на одних учениях.

Японские парашютисты имели вооружение и снаряжение, которое было максимально облегчено и укладывалось в контейнер, прикрепленный к парашютисту. Каждый парашютист имел при себе кинжал или нож, заряды ВВ и взрыватели. Часть парашютистов вооружалась ранцевыми огнеметами и противотанковыми минами.

Тяжелое вооружение и средства связи выбрасывались с цветными грузовыми парашютами, чтобы их легко и быстро можно было увидеть еще в воздухе.

Говоря об опыте применения японских воздушных десантов в минувшей войне, следует указать на тщательность их подготовки к десантированию и боевым действиям.

Перед десантированием парашютисты получали аэрофотоснимки тех районов или объектов, которые предполагалось атаковать. Снимки, как правило, снабжались легендой в объеме, необходимом для действий парашютиста. Непосредственно перед вылетом личный состав десантных частей тщательно инструктировался. В боевом приказе на операцию каждому подразделению ставились подробные задачи с указанием способов их выполнения. Все этапы операции тщательно планировались по времени.

Транспортные авиачасти, осуществлявшие десантирование войск, применяли следующие боевые порядки. При выброске парашютистов в дневное время эскадрилья, состоявшая из четырех звеньев (по три самолета в каждом), шла в строю "ромб" с интервалом в один размах крыльев самолета и дистанцией, равной двойной длине самолета между звеньями. В ночное время, а также при выброске парашютистов на площадки приземления ограниченных размеров эскадрилья применяла строй колонны звеньев. Самолеты первых трех звеньев имели на борту десантников, самолеты четвертого звена - их тяжелое вооружение.

Первый эшелон обычно состоял из парашютистов, захватывавших намеченные аэродромы, на которых производили высадку посадочно-десантные части. Парашютисты обычно выбрасывались с высоты 150-350 м и во время спуска вели огонь и создавали шум. Японцы избегали высадки воздушных десантов вблизи населенных пунктов, в лесных массивах, в болотистой и горной местности. Наиболее благоприятным временем для выброски считались предвечерние сумерки и рассвет, хотя на практике они высаживались и в дневное время. Часто японские парашютисты, высадившись в светлое время, переходили к обороне, а ночью проводили атаку объекта; это предпринималось главным образом в тех случаях, когда противник по своей численности превосходил высадившихся десантников.

Японцы считали необходимым создавать сильными первые эшелоны воздушного десанта. Этим, по их мнению, удавалось использовать преимущества внезапности. Непосредственно перед высадкой десанта бомбардировочная авиация подавляла средства ПВО противника в районах десантирования, причем парашютисты выбрасывались вслед за бомбардировочными ударами. Иногда при выброске парашютистов японцы применяли маскирующие дымы с целью скрыть состав и силу десанта и направление атаки.

Для оказания необходимой поддержки десантникам или для

их усиления предусматривался резерв парашютных частей, который находился на аэродромах исходного района в полной боевой готовности к десантированию.

После такого краткого вступления по вопросу организации и принципах использования японских воздушно-десантных войск в минувшей войне вернемся теперь к книге и ее автору,

Большая часть книги посвящена истории зарождения и организации первых отрядов парашютистов морского флота, испытаниям парашютов и другим вопросам боевой подготовки десантников.

Достаточное место в книге отведено применению воздушно-десантных частей в морских десантных операциях. В частности, автор рассматривает довольно подробно действия парашютистов по захвату аэродромов на островах Целебес и Тимор.

В январе 1942 года для расширения зоны действий японских бомбардировщиков морские парашютисты выбрасываются непосредственно на один из аэродромов острова Целебес, захватывают его и обеспечивают перебазирование своей авиации. Однако эта операция и самим автором признается по своей организации неудачной: отсутствовало взаимодействие с авиацией, сброшенное оружие оказалось далеко от приземлившихся парашютистов, не имея лопат, они вынуждены были окапываться под огнем противника при помощи ножей и касок; по данным разведки, аэродром никем не оборонялся, а в действительности же противник оказал сильное сопротивление и японцы понесли тяжелые потери. Здесь же автор приводит пример проведения с воздуха рекогносцировки или командирской разведки аэродрома, который предполагалось захватить, а именно случай, когда за сутки до операции командир парашютного батальона вместе с командирами рот летал на остров Целебес. Вряд ли целесообразно было проводить такую разведку - оборона аэродрома не была вскрыта, а риск потерять группу руководящих офицеров десанта и насторожить противника был громадный.

В феврале этого же года морские парашютисты проводят вторую и, по существу, последнюю операцию. И на этот раз им поручается захват аэродрома Купанг в юго-восточной части острова Тимор для перебазирования на него средних бомбардировщиков. Успешное решение этой задачи открывало возможность наносить бомбардировочные удары по собственно территории Австралии. Учитывая печальный опыт высадки парашютистов на остров Целебес, когда десантники не были поддержаны своей авиацией, в этой операции была обеспечена такая поддержка, но опять подвела разведка: " ...к чему были

нужны бомбардировка и обстрел из пулеметов района десантирования?-пишет автор.-Это была бесполезная трата боеприпасов" (стр. 99). Противника не было даже вблизи аэродрома или в районе десантирования.

Плохие действия разведки привели японцев к неправильному решению о месте выброски воздушного десанта. Опасаясь потерь при выброске десанта прямо на аэродром противника, так как предполагалось, что он сильно прикрыт средствами ПВО, парашютисты приземляются далеко в стороне от аэродрома. Однако, пока они совершали марш-подход для атаки аэродрома, японцы понесли тяжелые потери во встречных боях и стычках с противником. Так, например, рота, которой командовал автор, на марше потеряла половину своего состава и всех взводных офицеров.

Оба этих примера показывают, как важно иметь накануне десантирования достоверные данные об объекте атаки и системе его обороны, без чего трудно рассчитывать на успешное решение задачи воздушным десантом.

Оценивая проведенную операцию, автор с горечью отмечает: "Будь у нас на вооружении не устаревшее пехотное оружие, а новое автоматическое, с которым легко воевать в густых лесах, имей паша армия на вооружении портативные радиопередатчики - осе обстояло бы гораздо проще, мы, несомненно, выполнили бы задачу с меньшими потерями " (стр. 113),

В описании операции по захвату аэродрома на острове Тимор Ямабэ, очевидно, допускает ошибку, указывая высоту полета на десантирование 6000-7000 м. Вряд ли десантники могли находиться на такой высоте без кислородного питания и без длительной тренировки в специальной барокамере. Тут же автор приводит интересные данные о снаряжении парашютиста, его продовольственном рационе и боеприпасах, которые брались при десантировании каждым парашютистом.

Подводя итоги боевому применению парашютистов-десантников, автор справедливо указывает на допущенную ими ошибку, когда подразделения обслуживания не выбрасывались в тыл противника одновременно с боевыми подразделениями, а оставались на своих тыловых базах. Это приводило к необходимости привлекать для выноса раненых, доставки боеприпасов и т. п. личный состав из боевых подразделений, чем они значительно ослаблялись. Позже эта ошибка была устранена и подразделения обслуживания привлекались к десантированию в тыл противника.

По существу, разбором двух случаев боевого применения парашютистов морского флота автор и заканчивает описание

действий воздушно-десантных подразделений по своему прямому назначению. Затем Ямабэ рассказывает о дальнейших судьбах этих подразделений и неосуществленных замыслах.

Японским командованием было составлено много интересных планов применения воздушных десантов в морских десантных операциях и для самостоятельных действий, но все они оказались только на бумаге, главным образом, из-за отсутствия самолетов,

Несомненно, вызывает интерес у читателя описание применения морских парашютистов для действий с подводных лодок. В начале 1944 года из парашютистов был сформирован 101-й особый десантный отряд, имевший целью проведение диверсионно-разведывательных действий в тылу противника, используя подводные лодки как средство транспорта вместо самолетов.

Автор приводит некоторые сведения о подготовке и действиях этого отряда. Так, например, подводные лодки для высадки людей на берег несли на себе специальные штурмовые суда и могли совершать вместе с ними переходы в погруженном состоянии. Морская вода в двигатель такого судна не проникала. При подходе к берегу подводная лодка всплывала и десантники занимали места на штурмовом судне для самостоятельного движения к берегу.

Основными объектами действий особого отряда морских парашютистов были аэродромы, склады боеприпасов и ГСМ, электростанции, пункты управления и пр., по существу те же объекты, против которых действовали во второй мировой войне американские отряды "Рейнджерс" [1].Однако этим замыслам не суждено было в полной мере осуществиться. Они не могли изменить общую, неблагоприятную для японцев обстановку. Воздушно-десантные операции и разведывательно-диверсионные действия даже в широком плане вряд ли могли улучшить военно-политическое положение Японии во второй половине 1944 года.

Среди неосуществленных планов применения воздушных десантов до некоторой степени представляет интерес для сегодняшнего дня замысел главной ставки и морского генерального штаба Японии использовать парашютистов для уничтожения американской бомбардировочной авиации в районах ее базирования.

В конце 1944 года Япония оказалась в зоне действий американских бомбардировщиков В-29. Японская истребительная авиация была не в состоянии вести успешно борьбу с ними и вскоре была подавлена. Нужно было срочно изыскать новые средства борьбы с вражеской бомбардировочной авиацией. Так родилась идея проведения нескольких воздушно-десантных

операций с целью ослабления бомбардировочной группировки противника.

Автор приводит некоторые данные о подготовке подобных операций. По расчетам командования, как сообщает Ямабэ, уничтожение 1200 американских "летающих крепостей", базировавшихся на островах Сайпан, Тиниан и Гуам, избавило бы Японию от варварских бомбардировок на шесть месяцев, учитывая производственные возможности американской авиационной промышленности. При подготовке этих планов командование учитывало успешные действия парашютистов сухопутных войск по уничтожению авиации противника на аэродромах на островах Лейте и Окинава. Исходя из этого, оно считало, что уничтожение американских бомбардировщиков на Марианских островах силами воздушно-десантных частей было бы наиболее эффективным и единственно правильным решением применительно к обстановке тех лет.

Для практического осуществления планов воздушно-десантных операций с указанными целями формировалось по особым положениям несколько воздушно-десантных отрядов. Автор подробно разбирает их организацию и вооружение. Однако все замыслы по уничтожению американских бомбардировщиков так и остались невыполненными.

Свою книгу Ямабэ заканчивает довольно обширным приложением, посвященным специальным вопросам воздушно-десантной подготовки и истории парашютизма, которое представит некоторый интерес для специалистов-военных парашютистов. Он, надо отдать ему справедливость, вполне объективно оценивает роль Советского Союза в развитии массового парашютного спорта и воздушно-десантного дела, называя нашу страну "родиной парашюта". Вместе с тем он старается преувеличить роль немецких воздушно-десантных войск, которые, по его утверждению, были учителями японских парашютистов в минувшей войне.

Автор, как это видно из книги, обращается к японской молодежи, пытаясь возродить у нее воинственный "самурайский дух" на примерах действий в минувшей войне японских парашютистов - наиболее агрессивной силы бывшего военно-морского флота Японии. Он пытается представить японскую армию времен второй мировой войны как друга колониальных народов Азии. В этих целях он рисует отношение японских оккупантов к местному населению как рыцарское. Но это настолько противоречит историческим фактам, что он не может свести концы с концами и невольно признает, что эти "рыцари" рубили головы туземцам. Народы Азии, испытавшие на себе все

"прелести" японской оккупации, хорошо знают, чем в действительности были эти "рыцарские" отношения.

С чем нельзя не согласиться с автором-это с его замечанием о лицемерии правящих кругов США и Англии в отношении к колониальным и зависимым народам. Он пишет: "У всех у нас вызывало гнев лицемерие англосаксов, которые на словах стремятся показать себя друзьями восточных народов и много распространяются о демократии, а на деле считают за людей только себя" (стр. 142).

Особенно лицемерна политика англо-американцев в отношении колониальных и зависимых народов в настоящее время, когда Англия и другие колониальные страны, чтобы сохранить свое господство в колониях, прибегают к самым изощренным приемам маскировки, а когда это не помогает, обращаются к грубой силе. У всех на памяти разбойничье англо - французско-израильское нападение на Египет в 1956 году, провокации американцев против Сирии, англо-американская интервенция в Иордании и Ливане, продолжающиеся варварские бомбардировки англичанами Омана. США стали международным жандармом реакции, поддерживая все прогнившие реакционные режимы в различных частях света.

Неубедительно звучит заявление автора по вопросу о борьбе за мир. Он пишет: "В настоящее время, когда необходимо бороться за мир, когда мы должны молиться о спокойствии на Тихом океане, по-видимому, имеются люди, которые мечтают снова разжечь пожар войны" (стр. 190).

Здесь Ямабэ не решается откровенно сказать, кто же мечтает "снова разжечь пожар войны" в бассейне Тихого океана. Зачем где-то искать поджигателей войны - они у автора дома. На японской земле расположены десятки военных баз американцев, их солдаты топчут и отбирают у крестьян землю. Это они пытаются разжечь пожар войны, и это хорошо понимают все народы мира. И не молиться надо о спокойствии на Тихом океане, к чему призывает автор, а бороться за мир - и прежде всего в самой Японии.

Однако при всех этих и других недостатках книга представляет несомненный интерес для широкого круга советских военных читателей, и особенно для генералов, адмиралов и офицеров воздушно-десантных войск и военно-морского флота. Несомненно и то, что к ряду высказываний автора нужно отнестись критически, так как, не обладая широким оперативным кругозором и, очевидно, не располагая нужными материалами, он не смог показать полнее военно-политическую обстановку того времени в бассейне Тихого океана и осветить другие вопросы боевого применения воздушных десантов.

И. Лисов

Период исканий

Набор испытателей парашютов.

Шел 1940 год. Японо-китайская война была в самом разгаре, и не было видно ее конца. Все более стали обостряться отношения с Америкой: появилось сообщение о денонсации ею японо-американского торгового соглашения, прекратилось действие договора девяти держав[2]. Над просторами Тихого океана, отделяющего США от Японии, сгущались тучи, предвещавшие бурю.

Военно-морские силы Японии, как и вся страна, готовились к этой буре. Соединенный флот, в который входили первоклассные корабли, укомплектованные отборными моряками, усиленно готовился к военным действиям на Тихом океане. А флот в китайских водах, состоявший из устаревших и мелких кораблей, осуществлял блокаду всего побережья Китая.

Напряженное международное положение оказывало влияние и на ход боевой подготовки личного состава учебных заведений флота. Она стала более целеустремленной, приближенной к боевой обстановке. Курсанты были полны решимости успешно завершить курс обучения в военных школах.

Йокосукская артиллерийская школа ВМС в Касугаура[3] должна была готовить квалифицированные кадры артиллеристов для всего японского флота, и прежде всего для кораблей Соединенного флота, находившегося на передовой линии. В тот период, когда господствующим был принцип строить крупные боевые корабли с мощным артиллерийским вооружением, эта школа была гордостью флота, его основным учебным заведением, готовившим артиллеристов. Школа славилась еще и тем, что служила примером воинского воспитания и строгой дисциплины.

Перед выпуском молодым курсантам, а также и стажерам, проходящим в школе практику, преподаватели в частных беседах задавали довольно странный на первый взгляд вопрос:

- Хватит ли у вас мужества прыгнуть с большим зонтом с крыши двухэтажного дома, если этого потребуют интересы японского флота?

Такой вопрос, естественно, вызывал недоумение. Правда, некоторых он сразу же наводил на мысль о парашютных частях, игравших немаловажную роль в боевых действиях наших союзников немцев, уже покрывших себя славой.

Находились патриотически настроенные юноши, которые, как

попугаи, твердили:

- Всегда готов сделать это во имя нашей отчизны.

- Если надо, то обязательно возьмите меня...

В Китае не прекращался пожар войны. Большую тревогу у молодых, полных сил и здоровья курсантов школы вызывали и японо-американские отношения.

Эта тревога чувствовалась во всем. Даже в протяжной, торжественной мелодии песни "Хотару но хикари" [4], исполняемой по случаю очередного выпуска окончивших школу, проскальзывали нотки необычной, подчеркнутой строгости. В такой напряженной, полной неизвестности обстановке близился к концу 1940 год.

Йокосукский отряд морской авиации в Оппама, подобно морской артиллерийской школе, был первенцем японской морской авиации. Этот отряд имел на вооружении палубные и базовые штурмовики, бомбардировщики, истребители и другие типы самолетов морской авиации. Именно в этом отряде, где были собраны прославленные воздушные асы, нам посчастливилось в течение нескольких дней знакомиться с мастерством летчиков японской морской авиации.

В казармах отряда обособленно от других жила небольшая группа в 20 человек унтер-офицеров и рядовых, носивших особую эмблему (на фоне самолета-артиллерийское орудие). Личный состав отряда ничего не знал о том, для чего предназначаются эти люди. Они выглядели бодро, вели себя независимо и были очень осторожны в разговорах.

Кто же они? Загадочное поведение этих людей в отряде стало постепенно возбуждать к ним интерес.

Ежегодно в ноябре поступает приказ об очередном перемещении личного состава. Офицеры с саблями и унтер-офицеры с вещевыми мешками отправляются к местам нового назначения. Это, пожалуй, самое волнующее время: впереди что-то новое.

Перемещение по службе вызывало у людей и радость и тревогу. Среди офицеров, особенно холостяков, было широко распространено мнение, что для военнослужащего деньги - зло. Когда человек копит деньги, он начинает дрожать за свою шкуру. Много воинов с туго набитыми кошельками сложили свои головы на полях сражений в Южном Китае. Поэтому военнослужащие, считавшие деньги своим врагом, и особенно любители выпить, пропивали все жалование, полагая, что человеку с пустым карманом легче умирать. Вот почему перемещение для них было как бы спасением. Получив подъемные, можно было расплатиться с долгами в кабачке и купить себе хотя бы одну рубашку.

Некоторым приказ о перемещении приносил разочарование. Новым местом их службы иногда оказывался корабль, который стоял на якоре в соседнем порту. В этом случае им не полагалось подъемных; а без них они не могли расплатиться с долгами и вынуждены были вновь где-то брать взаймы.

Весь 1940 год мне как штурману миноносца "Кидзи", входившего в состав кораблей японского флота в китайских водах, пришлось участвовать главным образом в блокаде Чжилийского залива. Полностью господствуя на море, мы то гонялись за китайскими джонками, задерживая и обыскивая их, то доставляли вооружение и боеприпасы для наших войск, действовавших на полуострове Шаньдун. Такова была наша несложная служба.

Иногда мы высаживались на берег и подолгу любовались прекрасными видами китайского побережья, о чем я с удовольствием вспоминаю до сих пор.

В Чжилийском заливе я получил по телеграфу приказ отбыть на базу Йокосука. (В годы войны в японских вооруженных силах был принят порядок отзывать офицеров с фронта телеграммой на базу и там уже объявлять им приказ о новом назначении.) Таким образом, и я оказался в числе тех, кто получал перевод в другую часть.

Я не могу сказать, что в жизни мне не везло. Теперь мне предстояло совершить интересное путешествие по Маньчжурии; мне представлялась возможность увидеть новое, а что может быть лучше этого?

В японском флоте был принят определенный порядок перевода офицеров в морскую авиацию. Офицера могли перевести туда только после того, как он прослужит около года на кораблях флота.

Я давно изъявлял желание перейти в авиацию. Прошел уже год, как офицеры моего выпуска были отобраны и направлены в авиачасти. Теперь же, видимо, производился дополнительный набор. С надеждой, что наконец осуществится моя мечта, я прибыл в Японию и явился в морской клуб базы Йокосука.

Получив приказ от командира первого особого отряда морской пехоты при базе Йокосука, я поспешил к сослуживцам, мечтая о совершении подвига в будущем. Но мои надежды не оправдались: я был назначен на прославленный линейный корабль "Касуга" в подразделение Такэсита[5].

Однако спустя несколько дней мне вручили новый приказ, на этот раз от командира авиаотряда морской авиации базы Йокосука. И тогда мною с новой силой овладела заветная мечта-летать на самолете.

Меня разыскал заместитель командира подразделения некий Урабу и тихо на ухо сказал:

- Не упусти случая.

- Какого случая?

- Ходят слухи, что подыскивают офицера для проведения испытаний парашютов. Ты, кажется, первый кандидат. Будь наготове. Не упускай случая, ведь Йокосукском авиаотряде, помимо тебя много отважных парней.

Так мне суждено было попасть в Йокосукский авиаотряд в Оппама. Это произошло накануне Нового года. О своем прибытии я немедленно доложил дежурному

офицеру и вскоре оказался в кабинете командира отряда.

- Здравствуй, здравствуй. Садись вот сюда, поближе. С тобой предстоит важный разговор,- встретил меня командир. Между нами завязалась беседа.

- Холостяк?

- Да.

- Родители есть? Иждевенцы?

- Родители живы и здоровы, а иждивенцев нет. В семье я старший сын. С тех пор как поступил во флот, меня не обременяют заботы об оказании материально помощи семье.

После такой краткой беседы командир дал мне ознакомиться с секретным приказом военно-морского министра относительно испытания парашютов. При этом он заметил:

- Намечалось привлечь для этого летчиков, однако потом решили, что лучше будет отобрать кандидатов из числа молодых моряков. Ты одним из первых будешь испытывать парашюты. Это весьма трудное дело. Отнесись к нему со всей ответственностью.- При этом командир, уже пожилой человек, примерно одних лет с моим отцом, внимательно и ласково посмотрел на меня.

- Понимаю. Приказ для меня-все. Если потребуется, готов отдать жизнь,-без колебаний ответил я. На этом аудиенция закончилась.

Это было 15 ноября. В тот день я наценил знаки различия лейтенанта и, покинув ряды знаменитых воздушных охотников, с благодарностью принял назначение меня командиром группы испытателей парашютов. Мне было приказано пока держать в строгом секрете даже от личного состава отряда содержание моего разговора с командиром.

Уже начали прибывать унтер-офицеры и рядовые, отобранные из числа инструкторов и курсантов артиллерийской школы. Вскоре мне стало ясно, что судьба парней из группы, которая держалась особняком, будет аналогична моей дальнейшей судьбе, Эти парни были тщательно отобраны из членов общества

"Йокаса"[6].

В группу испытателей входили: преподаватель Йокосукской артиллерийской школы мичман Кавасима, инструктора школы старшины Такахаси и Уэхара, 8 помощников инструктора школы чином на одну ступень ниже и 11 унтер-офицеров и матросов, отобранных из экипажей других баз японского флота-всего 26 человек.

Так, в районе Сионан-Оппама, где мирно плещутся воды Токийского залива, вдали от посторонних глаз, создавался костяк парашютистов военно-морских сил Японии.

Некоторые из прибывших курсантов не получили в школе достаточных знаний, хотя и окончили ее с отличием, и их могли отправить назад. И вот целые дни напролет они просиживали с инструкторами на дополнительных занятиях и добивались зачисления в группу. Разве это не пример подлинного патриотизма?

Мне лично пришлось расстаться с мечтой стать летчиком. Теперь нас ожидала необычная и до того времени не известная нам работа. Однако пас это не огорчало. Все мы были молоды и в душе гордились тем, что нам поручили такое ответственное дело.

Секретный приказ военно-морского министерства

В секретном приказе военно-морского министерства говорилось: "В секретном порядке до марта 1941 года полностью завершить работу по изучению техники прыжков с парашютом, способов сбрасывания на парашютах оружия, а также испытать парашюты, вооружение и оснащение парашютистов и разработать принципы организации воздушно-десантных войск. Результаты доложить".

Этим мероприятиям было дано условное название "Экспериментальные исследования No 1001".

Срочно была создана специальная комиссия во главе с командиром авиаотряда Уэно.

Комиссия состояла из представителей военно-морского министерства, штаба военно-воздушных сил, управления кораблестроения, управления вооружений и боеприпасов, морского генерального штаба, авиаотряда, артиллерийской школы, авиационного арсенала и др. В начале декабря в обстановке предновогодней суеты состоялось первое заседание этой комиссии. Оно проходило в расположении отряда морской авиации при базе Йокосука.

Мы, 26 испытателей парашютов, начали подготовку к проведению испытаний.

Уже тогда говорили о том, что если Япония с ее скудными запасами нефти будет втянута в войну с США, то горючего для

военно-морского флота хватит только на один год. Следовательно, для того чтобы флот мог вести боевые действия в течение более длительного времени, прежде всего необходимо было захватить нефтепромыслы на острове Таракан, выбросив туда с этой целью воздушный десант. Кроме того, если при захвате острова Гуам в тылу противника не выбросить воздушный десант, то трудно будет рассчитывать на успех наступления с фронта.

Ходили слухи и о том, что в марте будущего года при проведении маневров Соединенного флота на острове Осима [7] намечено выбросить воздушный десант и что к этому времени мы непременно должны решить поставленную перед нами задачу.

Для участия н испытаниях было вызвано несколько опытных летчиков из различных авиационных частей. Среди испытателей происходили непрерывные споры, Наконец, были собраны и изучены различные точки зрения на теорию и практику прыжков с парашютом. Затем обсудили все связанные с этим вопросы и пришли к следующим выводам:

1. К сожалению, парашюты пока еще раскрываются далеко не всегда.

2. Имеется опасность, что во время свободного падения парашютист может потерять сознание.

Человек не теряет сознания при перегрузке 3-5 g. (При выброске из стремительно падающего самолета перегрузка увеличивается примерно до 4-7 g. Если человек весит 60 кг, перегрузка выразится в 240- 420 кг.)

3. Во время приземления парашютист может получить различные травмы, и в этом случае вряд ли он сможет сразу же свободно передвигаться. Были высказаны и другие соображения. До сего времени я имел возможность прочитать только одну работу по вопросам парашютного спорта. Это была советская брошюра о прыжках с парашютом, переведенная на японский язык. Я несколько раз возвращался к этой брошюре, но никак не мог найти ответ на интересующие меня вопросы. Я все более утверждался во мнении, что раз за границей освоены прыжки с парашютом, то и мы, японцы, сможем справиться с этим делом.

Нам хотелось воспользоваться опытом немцев в парашютном деле, но в Европе шла война. Кроме того, для испытания парашютов нам был дан очень жесткий срок.

Внимательно выслушав рассказы летчиков, я пришел к выводу, что, пожалуй, не следует особенно опасаться динамического удара в момент раскрытия парашюта и потери сознания в воздухе. Ведь чаще всего это происходит с людьми, у которых отсутствует внутренняя собранность, и эти случаи не

являются характерными.

Конечно, возможность потери сознания и получения травм при приземлении не исключена. Однако если парашютист совершает прыжок, сознавая всю ответственность и серьезность этого дела, то подобные случаи практически маловероятны.

Как-то нас пригласили на заседание комиссии. Начальник, физической подготовки артиллерийской школы капитан 2 ранга Оницука доказывал, что, поскольку динамический удар в момент раскрытия парашюта достигает большой силы, необходимо упорно и долго тренировать свое тело, занимаясь физкультурой, чтобы приучить организм переносить большие перегрузки.

Когда он закончил свое выступление, сидевший рядом со мной летчик слегка толкнул меня и с улыбкой проговорил:

- Да ну его, не обращай внимания. Этот физкультурный деятель слишком увлекся. Терпеть не могу его болтовни.

Тут поднялся председатель комиссии. Посмотрев в мою сторону, он сказал:

- Ямабэ! Я отвечаю за жизнь людей вашей группы, поэтому можете быть абсолютно спокойны. Правда, сейчас, к сожалению, парашюты раскрываются не всегда. Однако вначале мы испытаем парашюты на манекенах. Уже с завтрашнего дня мы начнем ежедневно сбрасывать около ста специальных манекенов, а потом уже попробуете прыгать вы сами.

Его слова были встречены аплодисментами всех присутствующих. Мною овладело такое приподнятое настроение, что я готов был совершить прыжок хоть завтра.

Когда совещание закончилось и люди начали расходиться, ко мне подошел один из недавно прибывших летчиков и, дружески похлопав по плечу, сказал:

- Будь осторожен! Желаю успехов! Эти ободряющие слова, сказанные от всего сердца, крепко и надолго запали мне в душу.

Парашюты не раскрываются

Мы, 26 молодых парней, были приписаны к первому отряду, которым командовал капитан 2 ранга Сонода. Организационно мы входили в звено подразделения капитана 3 ранга Хигу. Жили мы все в одной казарме и вместе проходили наземную подготовку.

По указанию капитана 3 ранга Сумида, который отвечал в отряде за проведение испытаний, мы начали готовиться к тренировочным прыжкам.

В учебном классе иногда вместе с инструктором появлялся принц Такамацу; присутствие этого высокопоставленного лица вдохновляло нас.

По обычаю, сложившемуся в японском флоте, весь суточный

наряд перед отъездом из части командира или высокопоставленных лиц, вроде принца Такамацу, выстраивался перед автомашинами для торжественных проводов.

Однако принц Такамацу не любил лишних церемоний. Иногда он просил своего шофера потихоньку выехать и подождать его где-нибудь на дороге, а сам незаметно удалялся из части, оставляя в недоумении дежурного офицера.

Правилам укладки парашютов нас обучали техники авиаотряда. Мы относились к занятиям исключительно добросовестно, и результаты не замедлили сказаться: за несколько дней мы научились мастерски укладывать парашют.

Затем мы, переодевшись в гражданское платье, группами по 5-6 человек стали ездить на тренировки в прыжках с парашютной вышки "Йомиури" в Никотамагава. Так как унтер-офицеры своей одежды не имели (им не полагалось носить гражданское платье), пришлось одолжить несколько комплектов у офицеров авиаотряда.

Я и раньше считал, что парашютная вышка-это чудо. Но я никак не мог представить себе, как она крайне необходима для учебных прыжков.

С радостью и с каким-то внутренним трепетом мы ожидали того дня, когда, наконец, можно начать прыжки с самолета. Нам казалось, что с самолета будет прыгать легче. Каждый из нас, несмотря на то, что имел уже на счету не один десяток прыжков с вышки, находясь на крыше высокого здания, представлял себе очередной прыжок с вышки страшнее прыжка с самолета, Наверное, причиной тому была близость окружающих предметов, создающая более осязаемое представление о высоте.

Чтобы сохранить в секрете проведение учебных прыжков, мы заканчивали их до подъема личного состава авиаотряда. На рукаве тужурки мы носили эмблему артиллерийской школы, а на фуражках красовался значок авиаотряда базы Йокосука. Эта необычная комбинация знаков различия привлекала внимание окружающих. Поэтому, когда мы находились за пределами части, нам приходилось изворачиваться всевозможными способами, давая объяснения.

Так, например, когда нас спрашивали, кто мы такие, мы говорили, что командированы в отряд из артиллерийской школы для изучения специального вооружения самолетов. Часто нам вообще запрещали выходить из расположения части. В авиаотряде нас называли "исследователями".

И вот в отряде, где днем стоял непрерывный гул моторов самолетов, поздним вечером наступала тишина. Слышались только шаги "исследователей", направляющихся с парашютами за

спиной к командному пункту.

На небе всходила луна. Начиналось наше время. Мы прикрепляли парашюты к специальным манекенам, погружали их в учебные самолеты образца 90[8] и заканчивали подготовку к сбрасыванию этих "парашютистов".

Наконец, мы садились в самолет. Рев мотора нарушал ночную тишину. Самолет делал разбег и взлетал. Набрав нужную высоту, машина делала круг и заходила на цели, специально отмеченные на аэродроме. На эти цели мы по очереди сбрасывали манекены. Так в строгом секрете от летчиков авиаотряда мы испытывали парашюты. Манекен представлял собой тугой тюк, внутрь которого зашит свинец. Весил такой тюк 60 кг. Парашют весил 10 кг. Таким образом, общий вес равнялся 70 кг. Мы очень привыкли к этим манекенам, вернее полюбили эти чучела и ласково называли их "дами" [9]. Много, много раз говорили мы спасибо "госпожам дами", которые вместо нас спускались с парашютами на землю.

Невзирая на ранги, мы все таскали и погружали в самолет 60-килограммовые чучела. Это была тяжелая работа.

Когда в авиаотряде раздавался сигнал подъема, мы, закончив к тому времени наши "опыты", шли в казарму, обливаясь потом, и только там переводили дух. Такая работа входила в распорядок нашего рабочего дня с момента начала испытаний. Она заканчивалась до завтрака в отряде.

В то время в морской авиации имелось две системы парашютов: для летчиков и для летчиков-наблюдателей.

Летчики обычно надевали парашют; в самолете его ранец служил подушкой сиденья. Это был так называемый парашют-сиденье. Летнабы, как правило, парашютов не надевали, чтобы они не мешали им передвигаться по самолету. Они складывали их в определенном месте в кабине. Это были так называемые носимые парашюты образца 89. В случае аварии летнаб надевает парашют и оставляет самолет; парашют раскрывается автоматически. Мы переоборудовали эти парашюты в ранцевые. Подвесная система такого парашюта крепилась к середине задней части "дами". Когда наши "дами" летели вниз, мы в душе молились о том, чтобы раскрывались все парашюты,

С нетерпением мы ожидали того дня, когда сами начнем тренировочные прыжки, но неожиданно в благополучном ходе нашей работы по проверке парашютов на раскрытие наступил перелом к худшему. Ежедневно стали отмечаться случаи нераскрытия парашютов. Манекены падали на землю с наполовину раскрывшимися парашютами. В твердом грунте аэродрома от удара образовывались углубления, которые эти

огромные куклы выбивали своими свинцовыми животами. Если бы на их месте были люди, то ежедневно погибало бы несколько человек.

Мы с грустью смотрели на манекены с вывороченным нутром, невольно представляя себя на их месте.

Заботливо подбирая с земли изуродованные чучела, внимательно изучая положение строп и купола, мы старались установить причину этих "несчастных" случаев. Затем устраняли неполадки. В этом заключалась наша подготовка к следующему дню. В чем же была причина неудачного раскрытия парашютов?

Раскрытие парашюта происходило следующим образом. Вначале вступал в действие маленький парашют, называемый вытяжным. Наполнившись воздухом, он тянул за собой основной парашют. (В то время в ВМФ все парашюты имели такие вытяжные парашютики.) Однако иногда вытяжной парашют под действием воздушного потока от винта самолета и в зависимости от положения манекена обвивался вокруг него или строп основного парашюта так, что купол не мог раскрыться полностью. Такие случаи бывали один раз из десяти.

Установив истинные причины отказа парашютов в работе, мы спешнопредприняли меры, чтобы подобные случаи не повторились, когда мы будем прыгать сами, В результате число случаев отказа парашютов в работе резко сократилось.

Большое внимание мы уделяли и физической подготовке. Дело в том, что подготовка организма к прыжками приземлению была нам необходима не только в связи с предстоявшими прыжками, но она также являлась одним из важных вопросов, подлежавших изучению. Поэтому требовалось выработать определенный комплекс гимнастических упражнений, нужный для подготовки парашютистов в большом масштабе.

Начальник отделения физической подготовки артиллерийской школы Оницука, преподаватели Минато и Тамокори приходили к нам каждый день, и мы свыше двух часов занимались физической подготовкой. Они главным образом обращали внимание на отработку приемов группировки тела в воздухе, на всестороннее физическое развитие мышечно-костной системы, на укрепление двигательных нервов.

Выбор пал на комплекс гимнастических упражнений, принятый в Дании. Характерными для этих гимнастических упражнений были сальто, при этом пользовались специальными матами и трамплинами, и вольные движения в течение часа для укрепления суставных связок.

Нам никогда не приходилось продолжительное время и так напряженно заниматься гимнастикой, поэтому через неделю я

почувствовал невыносимую боль во всем теле. Нельзя было, как говорится, ни сесть ни лечь, были даже отмечены случаи испражнений с кровью.

Однако тренировать тело надо было основательно, чтобы не стать жертвой какой-либо незначительной аварии. Вот почему я, не обращая внимания на боли в суставах, продолжал усиленно заниматься гимнастикой.

На дворе стоял декабрь, а мы занимались гимнастикой в одних трусах и, несмотря на это, через 10 минут после начала занятий уже обливались потом, и от этого на дощатом настиле появлялись влажные пятна. Зимней стужи мы не чувствовали. И по мере того, как крепли мускулы и тело приобретало гибкость, нам легче удавалось проделывать сальто и боль в мышцах пропадала. Таким образом, датский комплекс гимнастических упражнений постепенно отрабатывался.

О том, как нужно организовать физическую подготовку парашютистов, лучше судить специалистам, а не нам, простым любителям. Однако относительно гимнастики вообще у меня сложилось свое мнение. В начальной, средней и военной школах я в общей сложности занимался гимнастикой около пятнадцати лет. Гимнастика (спорт-другое дело) была для меня самым нелюбимым предметом, моим слабым местом. Но почему же я теперь полюбил гимнастику? Может быть, причиной этому послужила специальная задача, поставленная перед нами в связи с подготовкой к прыжкам с парашютом, или же специфика комплекса упражнений и методика проведения занятий - сказать трудно. Есть люди, которые не обладают качествами атлета, но есть и одаренные. Я не хочу дискутировать на эту тему. Могу сказать только одно. Если человека, который не имеет физической закалки, вдруг заставить прыгать с качелей и делать сальто в воздухе, то его постигнет неудача, он, конечно, почувствует боль, а то и получит травму; возможно, он даже вообще возненавидит гимнастику. Но разве можно в принципе считать такого человека неспособным к спорту?

Любой человек, желающий заниматься физической культурой, может добиться определенных успехов, если только его занятия будут проходить под соответствующим руководством. Гимнастика не должна быть уделом одиночек, мастеров-гимнастов, она должна носить массовый характер. Ее необходимо внедрять в массы и превращать в любимое и жизненно необходимое занятие каждого человека. Если думать только о результатах и игнорировать способы их достижения, то это приведет к тому, что гимнастику возненавидят. Прошу читателей не понять меня так, что я стремлюсь прочитать лекцию

любителям физкультуры. Нет. Я просто хочу этим сказать, что именно благодаря физкультуре я понял, как надо готовиться к прыжкам с парашютом. Я также пришел к выводу, что следует уделять больше внимания групповым занятиям гимнастикой, особенно в армии.

Ежедневно у нас в работе было свыше 20 парашютов. Это приводило к их изнашиванию, а на ремонт требовалось время. Масса времени затрачивалась на укладку. Для укладывания одного парашюта выделялось 3 человека, которые на эту операцию тратили от 45 минут до 1 часа. Так как требовалось уложить свыше 20 парашютов, то на это уходило несколько часов ежедневно.

Причины неполного раскрытия парашюта или отказа вообще мы, испытатели, анализировали тщательно, кропотливо, вкладывая в это дело все наши знания и умение. Нам необходимо было разработать и меры по устранению этих нежелательных случайностей. Наша работа сильно усложнялась и тем, что мы не могли ни с кем посоветоваться, кроме капитана 3 ранга Сумида. Плохо было еще и то, что фактическими свидетелями отказа в работе парашютов были только наши "дами". Мы ходили, опустив головы и думая о причинах отказа парашютов в работе.

Постоянно подбадривая друг друга, мы вкладывали в наше дело все свои духовные и физические силы и знания. "Стопроцентное раскрытие парашютов"! был наш лозунг. Мы работали с таким увлечением, что забывали даже о еде. Я всегда буду помнить коренастых, румяных ребят, которые неустанно трудились на аэродроме.

Таким образом, благодаря огромным усилиям с нашей стороны и деятельному участию летчиков нашей эскадрильи нам удалось добиться того, что парашюты стали раскрываться в 99 случаях из 100. Мы сбрасывали наших "дами" теперь уже 85 раз в день,

Испытания должны были завершиться до начала марта наступающей весны. Нужно было подготовить проект парашюта специально для использования в парашютно-десантных войсках. А это можно было сделать только после того, как мы проведем прыжки сами. В связи с этим комиссия решила, что нам пора прекратить сбрасывание манекенов и приступить к настоящим испытательным прыжкам.

Первые испытательные прыжки

Как можно представить себе чувство боязни, испытываемое в момент прыжка? Можно ли его сравнить с ощущением, которое бывает у человека во сне, когда ему кажется, что он проваливается в бездну? Прыгнувший с парашютом в воздухе

может потерять сознание, во время рывка при раскрытии купола он может повредить себе шейные позвонки. Когда мы слышали подобные разговоры среди летчиков, нам становилось не по себе.

Командир авиаотряда Уэно убеждал нас в том, что все в конечном счете зависит от того, как будет вести себя в воздухе парашютист. Даже закаленного человека, если он, идя на решительный поступок, не будет убежден в благополучном исходе дела, ждет неудача; не поможет ему тогда никакая закалка. Именно уверенность в успехе крайне необходима человеку, когда он идет на большое, ответственное дело.

Я готовился к первому прыжку, который должен был совершить на следующий день. Меня мучили сомнения:

"А что, если не получится прыжок?" Я не знал, как избавиться от этого неприятного чувства. Его могли побороть только выдержка и терпение. Именно терпение и выдержка дают человеку нужную закалку.

Итак, завтра прыжки, и каждый из нас думал только о них. Приближался час проверки нашей готовности - результатов всего того, что делалось до сего времени. Мысли каждого работали в одном направлении-благополучно совершить прыжок. И каждый старался не выдавать своего волнения. Выдержка была тем фактором, который обусловливал исход предстоявшего прыжка.

Мы положили на ночь в проверенные и подготовленные для прыжков парашюты бутылочки с сакэ [10] в качестве приношения богу и стали молить, чтобы он ниспослал нам хорошую погоду и благополучие. Некоторые перед тем, как лечь спать, еще раз тщательно проверили укладку парашюта.

Наконец, уставшие за день, но уверенные в завтрашнем успехе, мы погрузились в глубокий сон.

И вот наступило долгожданное утро 16 января 1941 года. Погода стояла чудесная. Дул слабый ветер. Мы с раннего утра были в приподнятом настроении.

Мне предстояло первым подняться в воздух на учебном самолете. И я гордился этим: это же был первый прыжок совсем еще молодых парашютных войск ВМФ.

Чтобы поднять дух испытателей, за штурвал самолета сел прославленный летчик Когава Сэйити, участник войны в Китае. Капитан-лейтенант Когава мастерски совершил вынужденную посадку на аэродроме Наньчан, неоднократно выбрасывался с парашютом из гибнущего самолета. Его специально вызвали из авиаотряда, базировавшегося на Кюсю.

Вот самолет уже набирает высоту, в поле зрения показывается величественная гора Фудзи. Ее заснеженная вершина как-то по-особенному блестит в ярких лучах

восходящего солнца, которое огненным шаром медленно выкатилось из-за волнистой кромки океана.

Я испытываю неописуемый душевный подъем; мне хочется прыгнуть и устремиться к излучающему особую теплоту сверкающему шару. Наконец, я прихожу в себя и отбрасываю это странное желание. И вот уже самолет над зданием командного пункта. Различаю группу стажеров, а поодаль, на вышке,- группу присутствующих на испытании высокопоставленных чиновников и офицеров, среди которых находится и командир базы Йокосука.

Самолет немного накреняется, делает разворот и ложится на заданный курс.

За спиной у меня парашют, которым пользуются паши летнабы.

Вскоре самолет делает круг и, оставляя сзади гору Фудзи, направляется в сторону океана. Впереди аэродром.

Летим со скоростью 130 км/час, высота-350 м. Подбадриваемый капитан-лейтенантом Когава, я подхожу к люку. Мичман Кавасима держит в руке белый сигнальный флажок, которым он по указанию летчика должен подать мне сигнал. Спускаюсь в узкий люк, держась обеими руками за края, опускаю ноги, и вот я наполовину вишу в воздухе. Стоит мне только ослабить пальцы рук, и я провалюсь в воздушную бездну, а она уже засасывает меня, тело охватывает стремительный поток холодного январского воздуха, по щекам пробегает легкая дрожь. Холодный ветер бьет в ноздри, захватывает дух.

Приближается граница аэродрома, вот мы уже над центром аэродрома, проходим над взлетно-посадочной полосой, подходим к расчетной точке отделения.

Взметнулся белый флажок-сигнал "Пошел!" Один миг, но как он мучителен, и я теряю контроль над собой. Тело вдруг делается легким. В воздухе пытаюсь управлять полетом. Что-то белое слегка касается меня. "Одна, две, три, четыре..." - считаю про себя секунды. Вдруг слышу хлопок, чувствую встряхивание, и надо мной появляется необыкновенный белый свод.

Парашют раскрылся! Вижу, как от купола ко мне тянется пучок строп.

Мне почему-то хочется подтянуться на стропах, но я подавляю это желание, боясь запутаться и навлечь беду.

Я чувствую себя самым счастливым человеком на свете. Так вот он каков прыжок с парашютом. Поистине не так страшен черт, как его малюют!

Смотрю в сторону командного пункта - мне аплодируют. Даю сигнал: "Динамический удар не страшен; все в порядке!"

Больше всего мы боялись того, что от динамического удара

может произойти повреждение шейных позвонков.

Группа испытателей бежит в мою сторону, меня приветствуют, слышатся возгласы одобрения. Внизу подо мной окаймленная зеленью взлетно-посадочная полоса. Она все стремительнее летит мне навстречу. Меня охватывает беспокойство: какая большая скорость спуска. И вот я почти касаюсь земли. Еще мгновение-и я падаю на песок, забыв от радости о правилах приземления. Все обошлось благополучно, без травм.

Вы не можете себе представить, в каком возбужденном состоянии я был.

На автомашине меня срочно доставляют на командный пункт для доклада.

Взгляды всех испытателей парашютов устремлены на меня. Слышу голоса:

- Молодец, командир! Вот это прыжок!

- Хорошо держался в воздухе! Замечательно!

Я в душе благодарю товарищей.

Что можно сказать об ощущении, которое испытываешь при спуске. Какое-то необыкновенно радостное чувство охватывает все твое существо. Кажется, что не ты летишь к земле, а, наоборот, земля летит тебе навстречу,

При динамическом ударе в момент раскрытия парашюта перегрузка достигает примерно 7 g. Такая перегрузка для моего натренированного тела не представляла особой опасности.

Правда, до наших прыжков выдвигалось предположение, что человек не теряет сознания и при перегрузке 10g.

Мы рады тому, что такое высказывание появилось до нашего первого прыжка. Однако надо заметить, что всякое, не подтвержденное практикой предположение для нас опасно. Особенно вредны для нас, практиков, пустые разговоры и дискуссии. Если бы мы, уподобившись зазнавшимся интеллигентам из среды ученых и студентов, захотели быстро устранить недостатки, не обращаясь к практике, то что бы из этого вышло?

Было решено, что вслед за мной прыгнут все 25 испытателей. (В случае нераскрытия моего парашюта испытания прекращались.)

Прыгали в следующем порядке: мичман Кавасима, старшины 1 статьи Такахаси, Уэхара, Ода и др.

Я каждый раз, держа в руках сигнальный флажок, садился в кабину вместе с очередным парашютистом. По взмаху флажка он оставлял самолет. Мне приходилось сильно высовываться из люка, чтобы наблюдать за спуском. Было хорошо видно, как

фигура парашютиста с огромной скоростью несется к земле. Когда прыгаешь сам, то этого не замечаешь, а прыжок других кажется чем-то героическим. Иногда он даже приводит в умиление, вызывает чувство восхищения.

Каждый раз, когда парашютист отделялся от самолета, я в душе молил бога о благополучном раскрытии парашюта. И парашюты раскрывались хорошо.

Но вот самолет покинул матрос 1 класса Араи. Он стремительно летит вниз, кувыркается в воздухе и скоро уже кажется черным комочком. Вот он пролетает 100, 150 м, а парашют не раскрывается. Я отсчитываю секунды. Парашютист продолжает камнем лететь вниз. Невольно закрываю глаза. Неужели катастрофа? Когда до земли остается метров 50, вырывается белый купол парашюта, а через секунду Араи уже на земле. Но мне пока еще не ясно, что произошло. Тревожно ноет сердце.

Сразу же после приземления самолета стрелой лечу к группе испытателей. Вижу сияющее лицо Араи. У меня становится легче на душе. Почти 250 м Араи камнем летел вниз с нераскрывшимся парашютом. Парашют раскрылся только у самой земли. Испытатель едва избежал трагического конца.

Только тогда я понял, что прыжки с такими парашютами, какие имели тогда у нас на флоте летнабы,-чрезвычайно опасное и рискованное дело. В соответствии с результатами нашей экспериментальной работы немедленно приступили к совершенствованию парашютов.

Итак, первый испытательный прыжок нашей группы в 26 человек окончился благополучно. Радости нашей не было границ, но успокаиваться на достигнутом мы не имели права.

Второй этап испытаний

За первым успешным прыжком последовал второй. На этот раз парашютисты прыгали с парашютами образца 97, которыми тогда пользовались наши летчики.

Самочувствие во время второго прыжка с другим парашютом было значительно лучше, чем при первом прыжке. У этого парашюта стропы разделялись на два плеча, и тело парашютиста имело как бы две опоры, поэтому мы его называли "двухопорным". У парашюта образца 89 все стропы сходились к одному свободному концу подвесной системы, что уменьшало маневренность при спуске. Однако скорость спуска с парашютом

нового образца была очень большой. Так, например, матрос 1 класса Асида с такой силой ударился затылком о твердое покрытие взлетно-посадочной полосы, что получил сотрясение мозга. Поэтому такой парашют не годился для парашютных войск.

В целях уменьшения силы динамического удара в момент раскрытия парашюта постепенно начали увеличивать скорость самолета [11].

Вначале мы прыгали с учебных самолетов образца 90, затем перешли на транспортные самолеты "Дуглас" и средние бомбардировщики образца 96, приспособленные для наших целей.

Вскоре мы приступили к групповым прыжкам, так как нам предстояло в будущем выбрасываться десантом.

Здесь перед нами встали новые трудности. В частности, нам пришлось задуматься над тем, как обеспечить быстрый вывод парашютистов через люк. Дело в том, что вытяжная веревка, проходившая через люк, мешала прыгать очередному парашютисту; ее приходилось перед прыжком отводить в сторону.

Ежедневно совершая полеты, я думал об этом неудобстве. Через несколько дней оно было устранено. Возле люка между потолком и полом кабины укрепили специальный шест. Действие этого простого приспособления, конечно, трудно объяснить словами - необходимо все это видеть своими глазами. Соответственно на авиационном заводе компании "Фудзикура" выпускаемые парашюты подверглись некоторой модернизации.

Закончив испытания парашютов до утренней побудки летчиков авиаотряда, мы незаметно доставляли эти парашюты в наш отряд.

Местные жители давно уже знали о наших прыжках с парашютом. Причем это были главным образом крестьяне из окрестных деревень района Оппама, которые на рассвете выходили на полевые работы. Так что в дальнейшем проводить занятия скрытно, ночью уже не имело смысла. К тому же времени оставалось мало, а сделать нам предстояло еще очень много, и мы решили проводить прыжки днем.

Изучая способы выполнения прыжков с оружием, мы вначале брали с собой карабины, которые крепились к ноге. И это не влияло на раскрытие парашюта, однако двигаться в самолете было затруднительно, особенно при групповом прыжке. Да и вообще карабин в таком положении сковывал движения парашютиста.

Наконец решили, что лучше всего карабины закреплять спереди, на груди. Однако при этом появилась необходимость

уменьшить длину оружия, сделав его разборным или складным.

Одиночные прыжки были завершены, и теперь необходимо было переходить к групповым прыжкам. Для этого решили увеличить штат испытателей.

Был произведен строгий отбор из числа молодых стажеров, выпускников Йокосукской артиллерийской школы. Группа в 32 человека 22 февраля прибыла к нам в отряд. Несколько ранее к нам прибыло пополнение из экипажей кораблей, базировавшихся в Йокосука. Всего прибыло 66 отборных парней. Таким образом, теперь наша группа испытателей уже насчитывала 92 человека.

Мы назывались испытателями 1-го набора, а вновь прибывшие-испытателями 2-го набора. Под нашим руководством последние стали проходить усиленную подготовку. Уже через две педели они стали совершать первые прыжки. С 6 по 9 марта все испытатели 2-го набора совершили самостоятельные прыжки. В течение 25 и 26 марта были совершены групповые прыжки, в которых участвовал весь личный состав испытателей.

Во время этих испытаний мы использовали двухопорный парашют образца 97. Из всего личного состава четверо или пятеро получили вывихи и растяжения связок в момент динамического удара при раскрытии купола.

Матрос 1 класса Акита и старшина 1 статьи Кода, у которых парашюты открылись почти перед самым приземлением, получили переломы нижних конечностей, Они пролежали в госпитале около шести месяцев.

Парашютиста Симаками отнесло ветром в море, и он опустился на воду, правда, примерно на высоте 10 м от воды он успел освободиться от подвесной системы. Его благополучно вытащили. Пять или шесть других испытателей, получив различные травмы в момент приземления, выбыли из строя на один-два месяца.

Трагическая гибель матроса 3 класса Цутитама

Настало 27 марта 1941 года. В целях завершения испытаний необходимо было провести групповой учебный прыжок испытателей 1-го набора на полигоне бомбардировочной авиации ВМФ Касима (префектура Ибараки).

Накануне прошел ливень, и мы думали, что прыжки не состоятся, однако утром дождя не было, через просветы в облаках проглядывало солнце. Скорость ветра у земли снизилась с 15-16 до 10 м/сек, что вполне позволяло прыгать с парашютом[12]. Нам

было известно, что на полигоне должны были присутствовать представители высшего командования во главе с начальником морского генерального штаба.

Когда все было готово, средние бомбардировщики образца 96, на борту которых находились мы, испытатели, поднялись в воздух с аэродрома Йокосукского авиаотряда и взяли курс на Касима.

Мы в полете. Перед глазами проносятся с огромной скоростью клочья дождевых, облаков. Самолет сильно болтает. Мы чувствуем себя неважно, мешает парашют за спиной, который весит 10 кг, пошевелиться совершенно невозможно.

Когда в самолете на человека действует большая перегрузка, он становится беспомощным. В момент раскрытия парашюта перегрузка достигает примерно 6, а иногда и 10-кратной величины. Человек выдерживает такую перегрузку только благодаря тому, что она действует кратковременно. Иногда человеку, летящему в самолете, который попал в сильную болтанку, очень трудно подготовиться к прыжку. Его то с силой прижимает к сиденью, то отрывает от него. В такие минуты очень трудно выбраться через люк из самолета и отделиться от него для прыжка с парашютом. Мы сидели в кабине, пристегнувшись ремнями в целях безопасности.

К счастью, над Касима мы попали в зону затишья, постепенно самолет перестал проваливаться, болтанка прекратилась.

Самолет делает большой круг над полигоном Касима; наблюдаем за землей.

Высланный вперед отряд аэродромного обслуживания зажигает дымовые шашки. По отклонению дыма можно судить о скорости и направлении ветра. Дым плавно стелется над землей. Я громко кричу ребятам:

- Скорость ветра вполне нормальная!

- Хорошо, начнем! - отвечают они.

Испытатели приободрились и по одному направились к люку, готовясь к прыжку.

Мне в этот день предстояло прыгнуть с высоты 1000 м, проверить раскрытие запасного парашюта, а до этого руководить групповым прыжком.

Прыгают по 10 человек. Натренированные испытатели парашютов по сигналу зуммера отталкиваются от края люка и устремляются вниз. Один, два, три... Уходящая под крылом земля как бы притягивает к себе черные фигурки парашютистов. На миг над такой фигуркой сверкнет белая шелковая лента и тут же превратится в огромный купол парашюта, и он, медленно покачиваясь, плывет среди облаков.

Смело оттолкнулся от самолета самый молодой из нас матрос 3 класса Цутитама. Он прыгал самым последним.

Я, высунувшись из люка, наблюдаю за его падением, про себя отсчитывая секунды: одна, две, три... Показывается белое полотнище парашюта, вот оно отклоняется в сторону, купола нет, и Цутитама продолжает падать. Я невольно весь как-то съеживаюсь от волнения и кричу:

- Раскрывай! Цутитама!

Вот до земли остается 50, 30, 20 метров... О ужас! Я зажмуриваюсь, но через секунду открываю глаза и вижу, как по земле стелется белое полотнище парашюта, прикрывая, словно саваном, матроса Цутитама.

"Неужели разбился?" - с ужасом думаю я. Но с самолета точно это определить невозможно. Тяжелое, удручающее чувство сжимает сердце.

Остался мой последний и самый ответственный прыжок. Самолет делает разворот, набирает высоту 1000 м. Перед глазами стремительно проносятся рваные облака, трудно различать наземные ориентиры. Сегодня у меня два парашюта: один-на спине, другой-на груди. Нагрудный считается запасным. Если не раскроется основной, то необходимо прибегнуть к запасному.

Мне необходимо было проверить, откроется ли запасной парашют на спуске при раскрытом уже основном парашюте.

Вот самолет ложится на курс и приближается к расчетной точке сбрасывания; летнаб подходит к люку и кричит:

- Лейтенант Ямабэ, прыгать будете?

- Конечно! - отвечаю я.

В то время я не знал, что по радио с земли уже был передан приказ командира Уэно о прекращении прыжков.

Я прыгаю в белую пучину облаков. Раскрывается основной парашют, и начинается спуск,- Меня сильно болтает. Я попал в сильный воздушный поток. Меня бросает то вниз, то вверх примерно метров на 30. Ощущение от болтанки при спуске на парашюте почти такое же, как в самолете. В такую сильную болтанку я попал впервые.

Воздушный поток продолжает относить меня в сторону моря. Отчетливо вижу берег. Подо мной медленно проплывает сосновая аллея. Скоро я окажусь над самым берегом. Вот я уже вижу огромные сердитые волны с белыми барашками. От непрерывного раскачивания меня тошнит. Стиснув зубы и обливаясь холодным потом от напряжения, я креплюсь.

Наконец делаю над собой усилие и выдергиваю шнур запасного парашюта. Полотнище купола вырывается из ранца, но стропы зацепились за ногу, и парашют не наполняется воздухом.

Запасной парашют не сработал.

Скорость спуска с парашютом практически составляет примерно 6 м/сек. Таким образом, с высоты 1000 м, я должен был пробыть в воздухе примерно 2 мин 50 сек.

Приземлился я на песчаной отмели Мацухара в 1 км от намеченного пункта приземления. Пришлось управлять парашютом путем подтягивания строп, чтобы не попасть на сосны.

Оказавшись на земле, я заметил, что на одной ноге нет ботинка: я его потерял во время рывка при раскрытии парашюта. Припадая на босую ногу, с парашютом под мышкой, я побрел к командному пункту, возле которого собралось начальство.

Меня встретили пять-шесть человек испытателей, которые очень беспокоились за меня, наблюдая с земли за прыжком.

- Командир! ...- обратился было ко мне старший, но внезапно хлынувшие из глаз слезы не дали ему говорить. Однако он тут же взял себя в руки и доложил мне, что матрос 3 класса Цутитама разбился.

Сдерживая слезы, молча выслушал я это сообщение. Сердце мне подсказывало: "Здесь, перед подчиненными, ты не должен плакать". И я крепился. Я живо себе представил образ матроса Цутитама - бледнолицего двадцатилетнего юноши, который сидел рядом со мной в кабине, когда мы, поднявшись с аэродрома Йокосука, пролетали над Касима и любовались видами, открывавшимися под крыльями самолета. "Почему погиб самый молодой из нас? Почему не меня постигла его участь?"-спрашивал я самого себя.

- Бегом туда, где лежит Цутитама! - приказал я испытателям, и мы поспешили к месту катастрофы.

На широком полигоне Касима, в самом центре, в рыхлом песчаном грунте образовалось углубление шириной 1,5 м, из которого выглядывало тело Цутитама, наполовину засыпанное песком. Изо рта погибшего, который был раскрыт, словно в улыбке, сочилась алая кровь.

- Эх, Цутитама, Цутитама...- прошептал я, обращаясь к безжизненному телу. Увидев меня на месте катастрофы, ответственный за испытательные прыжки капитан 3 ранга Сумида приказал испытателям очистить тело Цутитама от песка. Они аккуратно смахнули песок с лица и одежды погибшего.

В случае аварии никто не имел права ни к чему прикасаться до тех пор, пока я не прибуду на место происшествия, так как на мне лежала обязанность тщательно устанавливать причину каждого несчастного случая и немедленно принимать меры к тому, чтобы подобные случаи больше не повторялись.

Прыжки не возобновлялись до тех пор, пока не устанавливали причину аварии и не находили меры к устранению ее в будущем.

Я немедленно приступил к осмотру парашюта. Причину катастрофы установить удалось быстро. Большая часть полотнища основного парашюта вышла из ранца полностью, однако край вытяжного парашюта защемило между спиной парашютиста и ранцем парашюта. Вот почему купол основного парашюта переломился пополам и не мог наполниться воздухом.

Врач осмотрел труп, который представлял собой буквально мешок с костями.

Мы бережно перенесли тело погибшего на машину скорой помощи и проводили его в Йокосукский авиаотряд.

"Спи спокойно, герой, матрос 3 класса Цутитама".

"Мы никогда не забудем тебя. Мы приложим все силы, а если потребуется отдадим и наши жизни, чтобы создать парашютные части". Такова была наша клятва над прахом товарища.

Невзирая на жертвы

29 марта состоялись торжественные похороны. Смерть Цутитама наполнила наши сердца каким-то щемящим чувством обреченности.

Однако мы не должны были отчаиваться. До окончания пашей работы было еще далеко; Предстояли пройти трудный, полный неожиданностей и опасностей путь, суливший новые испытания; Мы ясно представляли себе, как мы будем постепенно, шаг за шагом преодолевать трудности, двигаясь к намеченной цели. А трудности начинались уже завтра.

Возьмите хотя бы укладку парашютов и подготовку их к прыжкам, на что приходилось тратить несколько часов. Причем эта работа требовала особого внимания и тщательности. А во что нам обходилась возня с 60-килограммовыми манекенами "дами". Пот лил ручьями с испытателей, когда они погружали их в самолет, а потом сбрасывали их на цели на аэродроме. И такая работа повторялась изо дня в день. Нелегкой была и физическая подготовка по датскому комплексу гимнастических упражнений для парашютистов. Кроме того, мы тренировались на специальных качелях, устроенных в ангаре. Испытатели должны были учиться на лету соскакивать с качелей в различных положениях и правильно приземляться.

И каким чудесным занятием по сравнению со всей этой тяжелой черновой работой казались прыжки с парашютом, когда в небе, словно огромные хризантемы, раскрывались белоснежные купола парашютов.

Наконец, наступил день окончания испытаний,

установленный приказом военно-морского министра. Однако считать нашу работу законченной было нельзя. Приступать к созданию парашютной части можно было лишь в том случае, если бы нам удалось освоить прыжки с оружием, пользуясь парашютами образца 89. Приказ военно-морского министра отражал примитивные взгляды отдельных руководителей, которые считали возможным ограничиться освоением прыжков без оружия. Стало очевидным, что этот приказ - всего лишь академический проект, составленный людьми, которые совершенно не знают эту новую область военного дела. Мы же считали, что нашу экспериментальную работу следует проводить более серьезно, с учетом подготовки к трудной, затяжной войне.

Комиссия изменила свое решение об использовании в ВМФ парашютов старого образца, найдя целесообразным заказать новые парашюты, которые по способу раскрытия совершенно отличались от тех, что были прежде на флоте. А мы, испытатели, которые были призваны проверить их на практике, продолжали проводить испытательные прыжки.

Вскоре мы оставили прежние парашюты, которые раскрывались ручным способом, и начали испытывать новый парашют с принудительным способом раскрытия. Без устали укладывали мы парашюты, прыгали, устраняли недоделки и снова прыгали. И так повторялось изо дня в день.

В то время как раз проводились испытания новых истребителей "Дзэро". Помню, как 17 апреля, в полдень, произошла катастрофа в воздухе. Самолет взорвался, и летчика, капитан-лейтенанта Мотокава, буквально разнесло на куски. Обломки машины и останки летчика упали в море.

Тогда же пропал без вести еще один самолет, совершавший ночной полет,

Таким образом, жертвы были, как видите, не только среди нас, испытателей парашютов, но и среди личного состава авиационного отряда. Каждый отлично сознавал, что в авиационных частях жертвы неизбежны. Поэтому личный состав, занятый испытательской работой, относился к своим обязанностям со всей ответственностью, и эта работа у нас, испытателей парашютов, двигалась гораздо быстрее, чем у летчиков.

Один знакомый летчик рассказал мне, как на очередном совещании испытателей, где присутствовали представители артиллерийской школы и авиаотряда, обсуждался вопрос об эффективности авиаторпеды. Мнения артиллеристов и летчиков разошлись, причем первые говорили, что торпеда не способна потопить линейный корабль, а вторые доказывали обратное.

Страсти так разгорелись, что спор чуть не перешел в рукопашную схватку. Ни одна сторона не хотела уступать. Тогда этот летчик заявил, что он сам сядет в боевой отсек торпеды и своими руками станет направлять ее на корабль. Пусть он тогда отвечает из своих орудий главного калибра. Но и этот довод не убедил упрямых артиллеристов, стоявших на своем.

Командир авиаотряда откровенно заявил:

- Хорошо, что мне удалось стать настоящим летчиком. Если бы мне пришлось пополнить компанию этих упрямых артиллеристов, то, пожалуй, я бы давно уже чувствовал неприязнь к флоту.

Короче говоря, отношения между летчиками и артиллеристами напоминали отношения между кошкой и собакой. А какую же позицию должны были занять мы? Ведь большинство из нас, испытателей, были воспитанниками артиллерийской школы. Опроси нас в то время, мне кажется, мы все же встали бы на сторону авиации. За это говорит уже одно то, что наша работа была сопряжена с большой опасностью и находила понимание среди летчиков.

Таково было настроение у испытателей. Лично я думал, что в период формирования первых воздушно-десантных частей, пожалуй, лучше, чтобы они принадлежали именно к авиации. Парашютисты и летчики быстро находят общий язык, и сама работа, связанная с испытаниями, ускоряется.

Испытательные прыжки с новыми парашютами принудительного способа раскрытия проходили успешно. Наиболее опытные испытатели 1-го набора, в том числе и я, совершили с ними по несколько прыжков.

Мы называли эти парашюты по-своему-привязными. В отличие от прежних парашютов они не имели вытяжных парашютиков. Этот парашют приводится в действие с помощью вытяжной веревки. Отделяясь от самолета, парашютист тяжестью своего тела заставляет стропу вытягивать из ранца купол и стропы. Когда купол и стропы полностью выйдут из ранца, соединительная стропа (она рассчитана на определенную нагрузку) обрывается, и парашютист уже ничем не связан с самолетом. Купол быстро наполняется воздухом, и начинается спуск.

Новый парашют раскрывался после 60 м свободного падения, тогда как со старым парашютом до полного раскрытия купола требовалось пролететь 100, а то и 250 м. Это вызывало беспокойство у испытателей.

Заменив парашюты, мы постарались упростить наше снаряжение, тщательно проверили одежду и обувь, убрали с них

все лишние детали, за которые могли бы зацепиться купол парашюта или стропы. Например, на комбинезонах все пуговицы и застежки сделали только внутренними. У касок срезали выступающие края.

Комиссия и отдельные ее члены во всем шли нам навстречу, незамедлительно удовлетворяя требования нашей группы испытателей, к тому же все это делалось очень быстро, что, несомненно, способствовало подъему нашего морального состояния.

Прошла зима. Весна вступила в свои права. Холодные дни остались позади. Вот на аэродроме уже побежали ручейки, и сердца испытателей наполнились весенней радостью.

Мы по-прежнему ежедневно занимались испытанием парашютов. Сбрасывали манекены, прыгали сами. Мы радовались успехам испытательных прыжков с парашютами новой системы. И это была особенная радость, недоступная другим.

Небольшой аэродром Йокосукского авиаотряда, где летный состав проходил напряженную, боевую подготовку на различных самолетах: истребителях, палубных штурмовиках, бомбардировщиках,-стал опасен и неудобен для совершения тренировочных прыжков с парашютом.

Так, например, испытатель 1-го набора матрос 1 класса Кобаяси пролетел почти над самым винтом самолета, делавшего разворот, и это чуть не стоило ему жизни.

В связи с этим мы стали проводить тренировочные прыжки на аэродроме авиаотряда в Кисарадзу.

К тому времени новые парашюты уже зарекомендовали себя, поэтому мы стали прыгать с высоты 120 м. Эта высота является как бы боевой в том смысле, что она сокращает потери парашютистов в воздухе при обстреле десанта.

Правда, всем прыгать с такой малой высоты было опасно, поэтому обычно тренировочные прыжки проводились на высоте не ниже 300 м.

Проводились и ночные тренировочные прыжки, во время которых особенно трудно было определить расстояние до земли. Поскольку приземление ночью сопряжено с большой опасностью, то к такого рода прыжкам пока не допускали слабо подготовленных.

Я и еще несколько хорошо подготовленных парашютистов 1-го набора пробовали приземляться при скорости ветра 15 м/сек, что также является очень опасным делом, поэтому в такую погоду тренировочные прыжки прекращали. Обычно парашютисты тренировались при максимальной силе ветра около 9 м/сек. Наиболее подходящей для прыжков считалась скорость ветра

примерно 3-4 м/сек. При отсутствии ветра трудно бывает управлять парашютом для выхода на цель. Были случаи, когда в безветренную погоду отдельные парашютисты из-за невнимательности приземлялись неудачно: одни ударялись о землю задом, другие затылком, получая сотрясение мозга.

Для сбрасывания оружия мы применяли контейнеры. Вначале они изготовлялись из дюралюминия, но затем в целях экономии этого дефицитного металла их стали изготовлять из фибры. Было изготовлено пять различных типов грузовых парашютов под грузы разных габаритов и веса.

Итак, наши испытательные прыжки подходили к концу. На заводе компании "Фудзикура" было налажено массовое производство парашютов нового типа. (Вскоре их стали именовать "парашютами образца I", а официально они назывались "парашютами для сбрасывания оружия".)

20 мая мы проводили последний тренировочный прыжок по программе "Экспериментальных исследований No 1001".

В этот день мы совершили групповой прыжок с использованием новых парашютов на аэродроме Йокосукского авиаотряда. С военных кораблей, стоявших на рейде, за этим прыжком наблюдало много моряков.

Подошла моя очередь прыгать. Я, как обычно, отделился от самолета, но во время раскрытия парашюта почувствовал резкую боль в нравом плече и на какое-то мгновение потерял сознание. Придя в себя, я попытался поднять правую руку, но не смог. Одна стропа парашюта зацепилась за правое плечо и в момент рывка при раскрытии купола вызвала растяжение сухожилий.

После приземления я попытался уложить парашют, чтобы подготовить его к новому прыжку во второй половине дня, но сильная боль в плече, распространившаяся на всю руку, не позволила мне даже дотронуться до парашюта. Пришлось поручить укладку другому испытателю.

Однако в целом групповой прыжок прошел успешно. Нас посадили в шесть бомбардировщиков образца 96, и впервые за все время наших испытаний мы, приоткрыв "завесу тайны", свободно поднялись в воздушное пространство над Касумигаура.

Кругом все сияло в ярких ласкающих лучах весеннего солнца. И вот в чистом весеннем небе вдруг сразу расцвело множество белоснежных куполов.

Наблюдавшие с кораблей восторженно аплодировали нам. Однако члены экипажей молчали. Уже потом, когда мы собрались после окончания учений, один из летчиков подошел ко мне и с раздражением проговорил:

"Им, дуракам, весело: они чувствуют себя как в цирке". Его

настроение могут понять лишь настоящие покорители неба.

Вскоре пришел приказ о нашей передислокации снова в артиллерийскую школу ВМФ в Татэяма, и мы покинули Йокосукский авиаотряд.

Это произошло 1 июня 1941 года.

Период обучения

Рождение парашютно-десантных войск военно-морского флота

Еще в период завершения испытательных прыжков в Йокосукском авиаотряде был проведен опрос всего личного состава с целью выявить желающих занять командные должности в будущих парашютных частях. Было решено отобрать для этого только добровольцев.

За исключением некоторых испытателей, которым не позволяли семейные обстоятельства или другие причины, все решили остаться в парашютных войсках и продолжать испытательные прыжки. Из 92 человек осталось 75.

Пятнадцать человек выбыли из наших рядов в результате катастроф и аварий, а остальные - по собственному желанию. Нас зачислили в списки личного состава школы. Появилась новая военно-учетная специальность-хикотокугихэй (авиадесантник). Так стали называть парашютистов.

Теперь основное внимание было обращено на изучение пехотного оружия и на общевойсковую подготовку, которой мы не могли заниматься в период испытаний парашютов. Тренировочные прыжки мы стали проводить в морском авиаотряде, который располагался в 30 минутах езды на автомашине от школы.

Формирование парашютно-десантных войск решили проводить следующим образом: с каждым набором в военно-морскую артиллерийскую школу зачислять по нескольку сот человек в качестве обычных курсантов. Там они должны были проходить обучение прыжкам с парашютом, чтобы пополнять будущие парашютные войска.

В период маневров сухопутных войск парашютистам выдавали сухой пятидневный паек и забрасывали их в "тыл противника". Во время одних таких учений парашютист Ито повредил себе глаз учебным патроном от легкого пулемета, который он имел при себе, и чуть не потерял зрение. (Причиной этого происшествия явилось отсутствие должных мер по обеспечению безопасности прыжков с оружием.)

В первой декаде сентября для обучения нового пополнения прыжкам мы были переведены в морской авиаотряд Татэяма, Вскоре за этим последовал приказ военно-морского министра:

Срочно сформировать и подготовить два парашютных

подразделения [13] численностью 750 человек каждое. Подготовку подразделений закончить к 1 декабря 1941 года".

Для нас, испытателей парашютов, живших в условиях строгой конспирации, этот приказ означал многое. Нас поражал слишком малый срок для выполнения задания. Необходимо было в течение всего трех месяцев подготовить два батальона парашютистов общей численностью 1500 человек. Кроме того, их надо было хорошо обучить приемам общевойскового боя.

"Какой странный приказ. Наверное, скоро война начнется",- так думали многие из нас.

Разумеется, поскольку эти подразделения готовились для нанесения молниеносного удара, то следовало спешить.

Однако я никак не мог себе представить, как можно в такой короткий срок подготовить 1500 человек. Мне казалось, что у нас не хватит возможностей для того, чтобы каждый из них сделал минимум по одному-два первых прыжка.

По решению командования весь первый специальный набор в школу был влит в состав формируемых парашютных подразделений.

Военно-морская артиллерийская школа в Татэяма получила название "школы морской пехоты". Она около года назад выделилась из Йокосукской артиллерийской школы ВМФ с целью подготовки специалистов - морских пехотинцев и артиллеристов наземных частей ПВО.

20-сентября было объявлено о создании парашютно-десантной части. Она получила название "Первый особый воздушно-десантный отряд базы Йокосука". Командиром этого отряда был назначен капитан 2 ранга Хориути, признанный мастер спорта на флоте. В отряд начали прибывать курсанты школы в Татэяма, а также откомандированные из экипажей военно-морских баз и кораблей. На авиабазу в Татэяма для нас стали поступать транспортные самолеты, переделанные из средних бомбардировщиков образца 96.

Авиабаза Татэяма, омываемая тихими водами залива Татэяма, становилась все оживленнее по мере прибытия туда новых контингентов будущих парашютистов и транспортных самолетов.

Здесь в этом тихом уголке Японии формировалась первая парашютно-десантная часть ВМФ общей численностью 1500 человек. После завершения тренировочных прыжков весь личный состав предстояло разбить на два батальона. Предполагалось, что командиром одного батальона будет капитан 3 ранга Фукуми, прославленный герой, участник войны в Китае.

Невозможно было разработать удовлетворительную программу массовой подготовки парашютистов, рассчитанную всего на два месяца. Составленный план обучения концентрировал все внимание на проведении тренировочных прыжков с парашютами. Тактику наземного боя решили изучать в свободное от прыжков время, причем каждое подразделение проводило такие занятия по своему усмотрению.

26 и 27 сентября мы, бывшие испытатели парашютов, в количестве 75 человек совершили групповые прыжки. Одновременно с нами к прыжкам приступили курсанты 1-го набора артиллерийской школы ВМФ в Татэяма, которые уже завершали наземную подготовку к прыжкам с парашютом.

Было решено нас, 75 человек, назначить инструкторами, образовав десять команд, которые должны были проводить обучение вновь прибывающих. Совершившие по нескольку прыжков из числа новичков поступали в наше распоряжение как помощники инструкторов.

К тому времени в нашем распоряжении было всего лишь 150 парашютистов. По заказу штаба военно-воздушных сил и управления вооружения и боеприпасов на авиационном заводе компании "Фудзикура" срочно изготовляли парашюты, и они партиями на транспортных самолетах доставлялись к нам.

Основная подготовка к прыжкам с парашютом вновь поступающего включала: двухчасовую наземную тренировку по датской системе. Одночасовое занятие на качелях и прыжки, три часа-укладка парашюта, один час-групповой полет, один час-изучение самолета и материальной части парашюта.

На следующий же день после прибытия новички под руководством инструкторов приступали к тренировкам.

После завершения этой наземной подготовки каждый самостоятельно укладывал свой парашют, прикреплял его к манекену и сбрасывал с самолета. Это была проверка парашютов на раскрытие.

Отряд взял на себя испытание новых парашютов. Он это сделал по двум причинам. Во-первых, потому, что поставщик, авиационный завод компании "Фудзикура", которому был дан жесткий срок, не успевал это делать сам (по правилам парашюты считались пригодными для отправки в часть только после заводских испытаний и приемки их нашим представителем), во-вторых, парашют являлся для парашютиста такой важной принадлежностью, от которой зависела его жизнь, поэтому собственноручное испытание парашюта вселяло в будущего

парашютиста уверенность, которая очень необходима при свершении первых самостоятельных прыжков.

Первый прыжок парашютист совершал на следующий день после проверки парашюта на раскрытие с помощью манекена.

Парашют для парашютиста все. После отделения от самолета он полагается только на парашют. Ночью перед первым прыжком некоторые молодые парашютисты спали в обнимку с парашютом, а любители спиртного даже не прикасались накануне к чарке и на ночь ставили бутылочку сакэ на ранец с парашютом в качестве приношения богу, который должен был ниспослать им удачу.

Никому не хотелось погибать зря в период обучения. Нашей первоочередной задачей как инструкторов было прежде всего сохранение жизней будущих парашютистов. Нашим девизом при обучении новичков прыжкам с парашютом были слова: "осторожность", "точность", "решительность".

Аэродром авиаотряда Татэяма длиной 1500 и шириной 1000 м был несколько тесен для тренировок в выброске парашютного десанта. К тому же этот аэродром с трех сторон окружен водой. Неопытный парашютист мог упасть на крыши домов или в море. Однако, учитывая то, что предполагаемая территория противника, где нам придется приземляться, могла оказаться еще более тесной, все же этот аэродром был достаточно большим участком, не имеющим к тому же особых препятствий для десантирования.

Перед командным пунктом строго в линию выстроились новички. Отдается приказ: "Ветер норд норд-вест. Скорость - 5 м/сек. Прыжок с высоты 300 м. Заход с запада, со стороны моря. По машинам!"

Со строгими, сосредоточенными лицами парашютисты занимают места в самолете. Для того чтобы парашютисты приземлились кучнее, самолет заходит против ветра, вот он делает круг и пролетает над аэродромом. Совершающие первый прыжок парашютисты по одному покидают самолет. (На первый прыжок требовалось много времени. Так, например, если бы 1500 человек сбрасывать только с десяти самолетов, то каждому самолету нужно было бы пройти над аэродромом 150 раз. Для очередного захода требовалось несколько минут. Общее время можно было бы значительно сократить, сбрасывая сразу по нескольку человек. Но для этого требовался более широкий аэродром.)

Раздаются два протяжных сигнала зуммера, которые означают, что надо подготовиться к прыжку. Самолет ложится на курс сбрасывания, все готовятся к прыжку.

Скоро аэродром. Через некоторое время слышится новый

сигнал зуммера: "Внимание!" У всех на мгновение от напряжения перехватывает дыхание. Наконец следует сигнал; "Пошел!"

И вот, описывая параболы, летят вниз черными комочками парашютисты. Над ними извивающейся белой лентой показываются полотнища парашютов.

Парашютист свободно падает около 60 м. Затем он слышит над собой характерный хлопок, и над ним, словно огромный белый цветок, раскрывается купол парашюта. Парашютист движением рук и ног в воздухе стремится расправить закрутившиеся стропы.

А с земли в мегафон кричит инструктор: "Поворачиваться спиной к ветру! Ноги держать вместе!"

Распугивая красных стрекоз, тучами носящихся в ясном осеннем небе, парашютист приземляется.

Прыжок окончен. "Все в порядке!"-докладывают бодрым, слегка дрожащим от волнения голосом парашютисты инструктору о своем первом прыжке. В руках они держат парашюты. Настроение у всех приподнятое. Парашютисты уже не чувствуют боли в суставах и мышцах после утомительной наземной подготовки, продолжавшейся непрерывно в течение двух недель. После удачного прыжка всю боль как рукой сняло.

Так как времени на подготовку оставалось очень мало, то пришлось при первых тренировочных прыжках за один заход самолета сбрасывать не одного, а сразу. трех парашютистов.

Парашютисты, совершившие первый прыжок, в дальнейшем прыгали группами по 6-12 человек. На этой стадии обучения уже легко было обеспечить до 300 прыжков в день.

Таким образом, над базой Татэяма весь день в воздухе парили белые купола парашютов. Это было красивое, но пока еще мирное зрелище.

При таком темпе подготовки нам стало казаться возможным завершить работу к назначенному в приказе сроку.

8 октября. Трава на летном поле еще не высохла от недавно прошедшего мелкого осеннего дождя, но прыжки все же было решено проводить. Уложив парашюты, которыми мы пользовались для тренировок в первой половине дня, мы после обеда возобновляем прыжки. И вот над Татэяма снова белеют купола парашютов. Один, два, три... Между ними сохраняется интервал около 50 м. Все больше и больше появляется в небе белых облачков, превращающихся в купола, словно бутоны в огромные цветы.

Но вот одно облачко вытягивается в извивающуюся ленту и начинает быстро снижаться, обгоняя другие. "Что за странное явление",- думаю я, внимательно следя за ним. Парашютист

продолжает падать. Я начинаю нервничать. "Раскройся!"-наконец, кричу я, топая ногами от волнения. С земли кажется, что парашютист падает с ужасной скоростью. Он судорожно болтает ногами и руками-значит, не потерял сознания. Но помочь ему уже ничем нельзя. У меня сердце готово остановиться, я весь съеживаюсь. Вот до земли остается 50, 30, 20 м! Беда! В какое-то мгновение мне кажется, что я слышу звук удара парашютиста о землю. Я закрываю глаза: "Разбился!"

Даже по радио с земли уже невозможно хоть на время остановить выброску парашютистов. А транспортные самолеты непрерывно продолжают выбрасывать парашютистов, и они, легко покачиваясь в воздухе, медленно приближаются к земле. Их несколько десятков. Вот опять появляется длинная белая лента. Неужели опять не раскроется? До земли остается 60, 50, 40... 30 м. О ужас! Раскройся же! Парашют раскрылся почти в тот момент, когда парашютист ударился о землю. Он остается лежать на месте в таком же положении, как упал. К месту падения бежит инструктор, вокруг собирается толпа. Я тоже, пробираясь сквозь толпу, спешу к месту катастрофы.

Подбегаю и вижу, что на земле лежит уже мертвый матрос 1 класса Тиба. Новички, еще не знавшие всех правил, пытаются начать сборку парашюта Тиба. Я их останавливаю, чтобы выяснить, правильно ли была произведена укладка парашюта до этого.

Осмотрев внимательно все части парашюта, убеждаемся, что укладка была сделана нормально. Но почему же не раскрылся парашют?

Причина отказа парашюта в работе остается неизвестной. Я страшно переживаю. Это первый случай, когда мне не удается установить причину катастрофы. Какие же принимать меры? Чувствую, что парашютисты волнуются.

Однако война на носу и раздумывать нет времени. Пока делаем предположение, что парашют, видимо, отсырел во время вчерашнего дождя, поэтому и отказал в работе.

- Убрать труп, продолжать учебные прыжки! - отдаю я распоряжение.

Я был главным инструктором по учебным прыжкам и сам совершал ежедневно один прыжок. После этого случая я специально прыгнул первым.

На следующий день, 9 октября, мы встречали принца Такамацу, прибывшего инспектировать наш отряд.

Снова оживление в воздухе. В небе белеют купола парашютов. Несколько сот человек приземляются благополучно. Но вот опять белое облачко одного парашюта вытягивается в ленту и, опережая

другие, стремительно приближается к земле-точное повторение вчерашнего,

Еще один молодой парень гибнет при исполнении служебных обязанностей. Сажусь в стоящую наготове машину и спешу на место падения.

Охваченные тревогой за судьбу остальных 1500 парашютистов, исследуем парашют, перебирая стропу за стропой, и приходим к выводу, что причина отказа лежит в самой конструкции парашюта.

Командование авиаотряда, командир нашей парашютной части Хориути и ответственный за испытания парашютов Сумида, несмотря на то, что время было очень напряженное (война с Америкой могла вот-вот разразиться), решают пока отказаться от проведения тренировок. Следует команда: "Прекратить учебные прыжки!"

Теперь мне хочется кратко объяснить причины этих трагических случаев.

У парашюта принудительного действия, которым мы пользовались, площадь купола составляла примерно 35 м2. Он имел 20 или 24 стропы. Обрывная стропа разрушалась только тогда, когда купол и стропы, выйдя из ранца, вытягивались в одну линию. Иногда случалось так, что под действием воздушной струи, создаваемой пропеллером, стропы и полотнище купола скручивались жгутом подобно мокрому полотенцу, и при наблюдении с земли такой парашют напоминал узкую ленту, развевающуюся как вымпел. Что же придумать? Надо было что-то изменить, чтобы парашют не скручивался. Имелось несколько предложений на этот счет, но времени на переделку не было, война приближалась.

Наконец, после упорного труда специалистов появился усовершенствованный парашют с внутренним "парашютиком". Его назвали "Особый парашют образца I".

По словам инженеров авиазавода компании "Фудзикура", даже и сейчас парашюты такой системы не уступают американским. Устройство этого внутреннего парашютика напоминает собой ветровой конус. Если поток воздуха не попадет внутрь купола, он не наполняется. В центре купола устроено полюсное отверстие диаметром примерно 20 см. По краям этого отверстия было вмонтировано довольно упругое резиновое кольцо, поэтому оно является саморегулирующимся: при раскрытии парашюта его диаметр увеличивается примерно до 80 см, что смягчает динамический удар. Так был усовершенствован парашют.

В нашем только что сформированном отряде было много

неясных вопросов, требовавших разрешения. Однако все наши труды оказались бы напрасными, если бы нас в случае войны нельзя было использовать как особую ударную часть. Быстрота на войне - самое главное.

Я срочно вылетел на авиазавод компании "Фудзикура", чтобы ускорить производство запасных парашютов, в которых мы теперь нуждались. Примерно через десять дней после катастрофы запасные парашюты были готовы.

Получив их, мы с 21 октября возобновили учебные прыжки. Теперь в случае нераскрытия основного парашюта можно было ввести в действие запасной. Увеличили и высоту, с которой производились тренировочные прыжки.

Вскоре у одного парашютиста опять парашют в воздухе свернулся жгутом. Но на этот раз его выручил запасной парашют. Прыжок совершал матрос 3 класса Арами.

Итак, запасные парашюты позволили надеяться на 100-процентное раскрытие парашютов в воздухе. Теперь настроение у парашютистов поднялось. Все внутренне подбадривали себя, помня о том, что в нашем трудном деле нас не должны останавливать никакие жертвы. Личный состав отряда предчувствовал близость войны и понимал, что она сопряжена с еще большими испытаниями. У парашютистов крепла решимость преодолеть все невзгоды, которые встретятся на пути. В этом их укрепляло сознание того, что они служат в 1-м парашютно-десантном отряде военно-морского флота.

И какие бы меры предосторожности мы ни предпринимали, нас постоянно подстерегала опасность. Мы не могли избежать несчастных случаев из-за непредвиденных случайностей или ошибок в результате недостаточного внимания.

Однажды транспортный самолет с парашютистами, едва отделившись от стартовой дорожки, упал в море.

- О, всевышний Будда, спаси нас,- молились парашютисты, закрыв глаза от ужаса. Однако, придя в себя, они с удивлением увидели, что самолет мирно покачивается на волнах и не тонет, и что к нему уже спешит спасательный катер.

Позже выяснилось, что от удара при падении у самолета оторвались оба мотора, поэтому, значительно облегченный, он сразу не пошел ко дну. Спасательный катер подобрал всех, за исключением одного парашютиста, который находился в самом дальнем углу кабины и не успел выскочить, так как вода просочилась в самолет и он затонул. Потребовалось два дня, чтобы поднять его со дна моря.

Еще один трагический случай произошел 28 октября. Транспортный самолет летел над заливом. Вдруг от самолета

начали отделяться черные точки. Одна, две, три... шесть. У всех шестерых парашюты раскрылись над морем. Послышались возгласы:

- Они же над морем, что они делают, срочно спасательный катер!

- Но почему они это сделали?

Экипаж спасательного катера был озадачен и растерянно наблюдал за парашютистами, недоумевая, что их заставило прыгать над морем. Мотор, как часто бывает в таких случаях, не заводился, и команда беспомощно металась по судну.

- Бросайте запасной парашют, отстегивайте подвесную систему перед погружением в воду! Можете запутаться в стропах! - до хрипоты кричали мы парашютистам, но наши слова не долетали до них. Вместе с парашютами они скрылись в морской пучине.

Когда на место прибыл спасательный катер, было уже поздно. Едва можно было различить в воде белые полотнища парашютов. Один парашют заметили на глубине 10 м. Хотели его достать бамбуковым шестом, но не смогли. Шест был короток. Скоро все парашюты исчезли во мраке морских глубин.

Что же произошло? Оказалось, что виноват во всем был летнаб. Он случайно рукой нажал на кнопку зуммера, раздался сигнал. Парашютист, сидевший около люка, принял его за сигнал "Пошел!" и выпрыгнул, а за ним автоматически последовали еще 5 человек. Они, видимо, не знали, что самолет в то время находился над морем. Экипаж, услышав страшный топот и возню в кабине, хотел было остановить парашютистов, но было уже поздно.

Для того чтобы предотвратить повторение такой ошибки, на первое место возле люка стали сажать самого подготовленного парашютиста. Однако и после этого имел место аналогичный случай, в результате которого погиб матрос 3 класса Мэгуми.

Море в районе Татэяма кажется спокойным. Но в глубине, почти по самому дну несет свои воды коварное теплое течение Куросиво. Неподалеку от Татэяма есть прекрасный морской пляж Суноура. Местные рыбаки говорят так: "Если попал в воду, старайся плыть в сторону открытого моря. Поплывешь к берегу, затянет на дно.

Течение Куросиво, берущее начало у экватора, проходит через моря и океан на протяжении нескольких тысяч миль. На своем пути оно накапливает огромную энергию и со страшной силой обрушивается на полуостров Босо. Отражаясь от него, мощный поток устремляется по дну в открытый океан. И уж если этот поток захватит вас в свои объятия, то прощайтесь с жизнью.

Я не собираюсь рассказывать дальше о прихотях океана. Давайте лучше оденем ранец с парашютом, сядем в самолет, поднимемся в воздух и посмотрим оттуда на землю. Какое лучше выбрать место для приземления? "Место с ровной поверхностью",- скажете вы, если вам удалось совершить один или два прыжка. Уже инстинкт самосохранения подсказывает человеку, что даже в случае аварии падать всегда выгоднее в такое место, где можно избежать удара о твердые и острые предметы. Поищем такое место.

Присмотримся к тому, что нас окружает. Вот аэродром. Годится ли он для приземления? Нет. Грунт там очень твердый. Вон вдали виднеется лесок. Он, словно разостланный ковер, невольно привлекает вас своей кажущейся мягкостью. А вот море. Его поверхность ровна как скатерть. Но ведь это вода, хотя она и мягкая.

И наконец, когда вы избрали себе место для приземления, вы быстро отрываетесь от самолета. Приземляться нужно обязательно на обе ноги. Если вам предложат перепрыгнуть сразу через 12 ступенек лестницы с приземлением на одну ногу, вы откажетесь, так как это опасно. Когда вы приземляетесь с парашютом, то вам необходимо обязательно коснуться земли двумя ногами. Но при спуске с парашютом вы все время раскачиваетесь в разные стороны. Чтобы добиться устойчивого положения в воздухе в момент приземления, вы машинально разводите ноги в стороны, поэтому не исключена возможность приземления на одну ногу, что так же опасно, как и при прыжке сразу через 12 ступенек лестницы.

Когда я еще учился в Йокосукской артиллерийской школе, преподаватель физической подготовки как-то рассказывал нам о приемах, которыми пользуются воры для спрыгивания с поезда на ходу. Вор обычно заранее намечает место, где ему следует выпрыгнуть из идущего на полной скорости поезда. Это место выбирается на насыпи, боковая поверхность которой находится примерно под углом 30° к полотну железной дороги. Когда поезд приближается к этому месту, он рассчитывает по телеграфным столбам момент прыжка и прыгает. Причем ноги он старается держать вместе, а сам сжимается в комок. Этот комок катится по наклонной поверхности насыпи и не получает повреждений.

Разумеется, мы учились технике приземления не у воров, но в принципе в их способе спрыгивать на ходу с поезда есть много общего с приемами приземления с парашютом.

Я немного отошел от основной темы. Итак, при первых тренировочных прыжках с парашютом парашютист в значительной степени находится во власти инстинкта

самосохранения и инстинкта устойчивости [термин мой. - М.Я.]. Действие этого инстинкта мгновенно, оно неповторимо, кажется, что парашютист делает все как бы бессознательно.

Даже теперь, когда мне снова приходится пролетать над лесом, он мне кажется таким заманчиво мягким ковром, что невольно хочется в этот момент прыгнуть с парашютом. Этот инстинкт кажущегося самосохранения иногда очень опасен. Припоминаю такой случай. Во время напряженных маневров флота под конец вахты один машинист поднялся из жаркого машинного отделения на бронированную палубу корабля и бросился в манящую своей прохладой сильную струю от винтов за кормой. Разумеется, он погиб. Даже сердитое море иногда обладает дьявольской притягательной силой.

1 ноября. Все инструктора совершили групповой прыжок, который должен был служить образцом для личного состава отряда. Время летело со страшной быстротой. Вот уже 16 ноября. Мы проводили учения. Была поставлена задача: "Сбросить десант с целью овладения базой авиаотряда Касумигаура". Группа в 30 с лишним самолетов с отрядом парашютистов ВМФ взяла курс на Касумигаура. В небе раздавался мерный рокот моторов. Скоро началась выброска одновременно нескольких сотен парашютистов, это было красивое зрелище.

По вине летнабов, которые ошиблись в поправке на ветер, часть парашютистов приземлилась не там, где следовало. Одних парашютистов отнесло на бамбуковые заросли около строений, другие приземлились на заливные поля, и завязли в липкой грязи. Среди них оказались и пострадавшие. Тем не менее "ожесточенный бой" между наступающей и обороняющейся сторонами разгорелся вовсю. В районе "боя" приземлился транспортный самолет "Дуглас" с противотанковыми пушками.

На этих учениях я командовал штурмовым отделением авангарда. Стояла поздняя осень. Небо было ясное. Я лежал на траве и наблюдал за ходом учений. Приятно было видеть, как умело и отважно действовали парашютисты.

Это было последнее учение парашютно-десантной части ВМФ на территории Японии в присутствии начальника морского генерального штаба. Во время формирования и подготовки мы, парашютисты ВМФ, представляли собой одну организованную единицу, состоящую из двух подразделений (батальонов) по 750 человек. Это были первые особые парашютно-десантные подразделения. Одним из них командовал Хориути, а другим - Фукуми.

Наша мечта - сражаться в первом же бою

26 ноября 1941 года лайнер "Синда-мару", на борту которого находился наш отряд, глубокой ночью вышел из Токийского залива в океан.

От южной оконечности острова Кюсю лайнер взял курс на остров Тайвань. И только здесь мы узнали, что высадка будет на Тайване,

Позади трудное время учебы и тренировок, когда парашютисты вставали и ложились, думая только о прыжках с парашютом. Развалясь на койке в каюте я погрузился в воспоминания. У меня всплыли в памяти образы молодого, не достигшего еще двадцатилетнего возраста матроса 3 класса Цутитама, погибшего во время испытаний парашюта, матроса 1 класса Тиба, разбившегося во время ускоренной подготовки на базе Татэяма. "Отомщу врагу за них, непременно!" даю себе клятву и чувствую прилив воодушевления.

Узкая полоска побережья Кюсю постепенно исчезла из виду, я еще раз взглянул в сторону родных берегов, и сердце наполнилось горечью разлуки.

Однако в целом нам было на судне не скучно. "Синда-мару", недавно спущенный на воду пассажирский лайнер, был предоставлен в наше распоряжение в знак признания нашей особой миссии. Парашютисты разместились в каютах первого и второго классов. Обслуживание было поставлено по американскому образцу. Чтобы не было скучно, мы занимались фехтованием. В нашем отряде было много известных фехтовальщиков, и в том числе чемпион флота по фехтованию мичман Сэнно. Некоторые учились передавать сигналы по флажному семафору, не умеющие плавать-обучались плаванию в бассейне и т. п.

1 декабря завершилось наше веселое морское путешествие, и мы пошли в тайваньский порт Гаосюн (Такао). На рейде стояли транспортные и эскортные корабли, в порту находились части сухопутных войск. Все окружающее говорило о приближении войны.

В целях сохранения тайны парашютистов высадили на берег ночью и доставили на авиабазу сухопутных войск, расположенную в пригороде Каги. На базе не было ни одного солдата. Сразу же за нами на базу прибыл отряд транспортных самолетов, которым командовал капитан 3 ранга Мори.

Нашему парашютно-десантному отряду, сформированному недавно, необходимо было перед отправкой на выполнение боевой задачи заняться повышением боевой подготовки. С этой целью днем мы обычно тренировались в прыжках, а ночью отрабатывали приемы общевойскового боя.

Тренировочные прыжки проводились в условиях, приближенных к боевой обстановке. Основное внимание обращалось на взаимодействие парашютистов с отрядом транспортных самолетов. В целях сокращения потерь при выброске парашютистов и матчасти с парашютами самолет перед выброской переходил на планирующий полет, чтобы, теряя высоту, тем самым затруднять прицеливание зенитчикам. Парашютисты прыгали в полном вооружении и в стальных касках.

Вокруг аэродрома Каги площадью, как мне показалось, около 4 км 2 простирались бесконечные заросли сахарного тростника. Привыкшим видеть в Японии узкие, тесные аэродромы военно-морского флота, нам этот простор напоминал Маньчжурию. Как здесь легко и свободно дышалось; парашютисту не надо было беспокоиться о том, что его ветром унесет в море. Однако здесь была другая опасность. Стоило парашютисту приземлиться в тростниковых зарослях, как он сразу терял ориентировку. Выбирался он оттуда не скоро, словно побитый, с расцарапанным до крови лицом.

- О, дьявол, даже корни у тростника колючие!..- ругались парашютисты, когда, обливаясь потом, выбирались из непролазных зарослей.

Южное солнце светило особенно ярко. Ежедневно в небе над Каги парили белые купола парашютов.

И вот однажды произошло несчастье: в воздухе среди куполов появилась длинная, узкая белая лента нераскрывшегося парашюта и стремительно понеслась к земле. Парашютист разбился.

В тот период батальоны Хориути и Фукуми проводили тренировочные прыжки поочередно. Несчастье случилось в тот день, когда тренировался личный состав батальона Хориути. Я, в то время как командир 1-й роты, отрабатывал с десантниками задачу: "Ведение боя после приземления". Узнав о случившемся, я поспешил к месту происшествия. Увидев разбившегося парашютиста, я спросил:

- А где же запасной парашют?

- Он не надевал его, ведь скоро выступаем,- был ответ.

- Дурачье,- в сердцах выругался я, но потом остыл.

Как я говорил выше, уже первый удачный прыжок заставляет думать парашютиста о том, что "не так страшен черт, как его

малюют". А после 5-6 прыжков он начинает вообще относиться к ним иногда просто легкомысленно.

Я всегда подчеркивал опасность таких настроений, но некоторые из слишком высокомерных офицеров строили гримасу во время моих замечаний и пропускали сказанное мною мимо ушей. Для них все было нипочем. Это меня порою приводило буквально в ярость. Я ведь, не щадя себя, делал все для предотвращения несчастных случаев. (К тому времени на моем счету было уже 50 прыжков, что являлось рекордом в военно-морском флоте. Тогда рекордом считалось даже меньшее количество прыжков. При этом нельзя забывать, что тогда парашюты раскрывались далеко не всегда.)

Уже год, как я имел дело с парашютами. На моих глазах было совершено около 10000 прыжков с парашютом. Окружающие, видимо, смотрели на меня как на весьма ограниченного человека, который, кроме парашютов, ничего не знает. Среди летчиков, моих предшественников, был один веселый парень, который иногда, остановив кого-нибудь, спрашивал: "Послушай, у меня, должно быть, глупый вид? С утра до вечера я, как дурак, сижу за пультом, управления и таращу глаза на приборы".

Я и сейчас вспоминаю об этом. Действительно, и я был в таком положении. Пусть мое поведение казалось тогда людям дурацким, однако именно я понимал истинные причины наших неудач. Вероятно, только поэтому, когда все были подавлены тяжелым чувством во время несчастных случаев, я особенно не боялся. И, напротив, когда все радовались тому, что все парашюты раскрывались и происшествий не случалось, меня охватывало чувство какого-то страха и опасения за то, что радоваться еще не время.

В то время моим искренним желанием было убедить руководящих офицеров в том, что радоваться успехам еще рано, так как надо вообще ликвидировать трагические случаи, связанные с потерей драгоценных нам людей в период обучения. Но мои старания не давали большого эффекта.

Я твердо знал, что недавно созданный парашютный отряд нуждается в очень серьезной подготовке, и целиком отдавался этому делу. Однако каждый человек имеет свои возможности, и вскоре жестокая действительность сделала все мои благие намерения ненужными. Наш парашютно-десантный отряд в то время напоминал цыпленка, только что вылупившегося из яйца, причем единственного во флоте. Но этот, совсем еще не оперившийся цыпленок готов был наброситься на орла. Полные боевого задора, но не знавшие действительности парашютисты проявляли большую опрометчивость. И вот близился час, когда

они должны были вступить в бой.

Вскоре я узнал от командира отряда содержание секретного приказа, в котором говорилось о том, что Япония вступила в войну с Америкой. Наступал решительный момент, когда нация Ямато мощным ударом в самое сердце должна, была отомстить ненавистным англосаксам, которые в стремлении захватить весь мир, стали распоряжаться на Тихом океане.

Поистине было досадно то, что как раз в это время пришлось отправить в Японию 10 парашютистов, получивших травмы во время тренировочных прыжков, а также прах одного погибшего.

Две раза в неделю в свободное от занятий время нам разрешалось уходить из расположения части, и мы старались как можно веселее провести это время. В многочисленных лавчонках, устроенных прямо на улице, в изобилии продавалась всякая снедь, овощи, фрукты - выбирай и ешь, что хочешь. Мы очень обрадовались, так как в Японии в этом отношении было трудно. В хорошем расположении духа под влиянием перемены обстановки мы ждали "дня Х". Мы надеялись и верили в то, что войну начнем именно мы, что нас сначала перебросят на Филиппины, а затем на остров Таракан.

8 декабря 1941 года. Рано утром в казармах раздался сигнал "Тревога!" Командиры отрядов объявили:

"День Х" наступил, к югу от Японии, в районе Тихого океана, начались военные действия".

Вот и пришло, наконец, время, которого мы так ждали. Именно ради этого дня я пришел в военно-морской флот и преодолел столько трудностей.

Последовал приказ, который гласил: "Выделить из состава парашютно-десантного отряда два парашютных взвода и немедленно выслать их для овладения островом Батан с целью обеспечения подготовки аварийных посадочных площадок для самолетов, действующих против Филиппин ".

В соответствии с этим приказом два взвода под командованием лейтенанта Такэноути немедленно и с большим подъемом отправились на выполнение задания.

Вскоре совершенно неожиданно командир отряда сообщил личному составу о том, что наши самолеты сегодня на рассвете внезапно атаковали Гавайские острова [14]. Криками "Свершилось! Банзай! Банзай!" было встречено это сообщение парашютистами, многие из которых от радости прослезились. Всюду зазвучал знакомый мотив патриотической песни, всех охватило какое-то особенное волнение.

Однако очень скоро ликование сменили мрачные настроения. Отряд не получал приказа о выступлении. Все горели желанием

сражаться, рвались в бой, а приказа не поступало. Среди парашютистов стали расти упаднические настроения. Командование успокаивало нас:

"Парашют - это терпение". И мы должны были выслушать эти горькие для нас слова в самом начале войны.

Операция по захвату Манадо [15]

Путь на Давао

С началом военных действий в районе Филиппин наш парашютно-десантный отряд, находившийся на авиабазе Каги, в оперативном отношении был подчинен 11-й воздушной эскадре.

В конце декабря 1941 года батальону Хориути было приказано отбыть на Филиппины, в Давао. Провожаемый парашютистами остающегося на месте батальона Фукуми батальон Хориути покинул авиабазу и отправился в путь.

Для общего руководства воздушно-десантной операцией из Йокосукского авиационного отряда к нам был направлен из штаба капитан 3 ранга Сумида-тот самый Сумида, который с первых дней был ответственным за испытательные и тренировочные прыжки парашютистов еще в Йокосукском отряде. Побывав на авиабазе Каги, он вылетел самолетом в Давао.

Я был в то время командиром роты в батальоне Фукуми и одновременно руководил тренировочными прыжками обоих подразделений. Поэтому, как руководитель, боевой подготовки всего отряда, я тем же самолетом направился в штаб 11-й воздушной эскадры в Давао.

Судно, на котором подразделение Хориути отплыло из порта Такао, в пути попало в шторм, но до Давао подразделение добралось благополучно. Штаб батальона обосновался в здании японской начальной школы. На него было возложено несение караульной службы.

Местность в районе расположения батальона имела зловещий вид. Недалеко от берега сидело на мели брошенное врагом судно, в стороне от города горела кокосовая роща, распространяя по окрестности едкий дым. Кругом валялись разлагающиеся трупы, над которыми роились тучи мух. Трупный запах был настолько сильным, что захватывало дыхание. Вот что мы услышали от японских резидентов.

Как только началась война, всех японских поселенцев насильно согнали в одно место и создали лагерь. Каждую ночь туда приходили солдаты филиппинской армии. Они уводили с собой японских девушек и замужних женщин и издевались над ними. Некоторые женщины после этого кончали жизнь самоубийством. Мужья, стремясь спасти своих жен, нападали на филиппинские казармы и гибли под пулями. Дома японцев сжигали, а их имущество расхищали.

И вот теперь соотечественники, спасенные японской армией, сквозь слезы рассказывали нам о пережитом, пробуждая у молодых парашютистов жгучую ненависть к врагу. У них крепла решимость драться до полной победы.

Нести караульную службу было нелегко, особенно ночью. Часовые страдали от укусов скорпионов и москитов, их часто пугали дикие кабаны и буйволы, забредавшие из лесной чащи. Большие хлопоты парашютистам доставляло то, что не было подходящего места для просушки и укладки парашютов. Парашютисты вынуждены были занять для этой цели кинотеатр и дома китайских резидентов. В результате прибытие парашютного подразделения в Давао не могло оставаться тайной для противника.

Тем временем штаб эскадры и офицеры нашего подразделения разрабатывали план внезапного захвата аэродрома Какас (Лангоан) в районе Манадо на острове Целебес.

10 января 1942 года. Командир батальона Хориути с командирами рот вылетел на разведку в район аэродрома Какас. В донесении о результатах этой разведки говорилось, что "противника на аэродроме или каких-либо других препятствий для захвата аэродрома не обнаружено".

По радио с нашей подводной лодки, находившейся недалеко от Манадо, была получена сводка погоды в районе аэродрома. Погода была ясная, ветер слабый.

Это сообщение ободрило нас, так как условия погоды благоприятствовали прыжкам с парашютами.

В этот же день вечером в здании школы, где временно размещался штаб нашего подразделения, был собран весь личный состав. Командир подразделения Хориути ветеран войны, прошедший долгий боевой путь, общепризнанный "бог гимнастики" на флоте - твердым голосом зачитал следующий приказ: "Приказ батальону.

1. Противник, обороняющий аэродром Лангоан в районе высоты Минахаса на острове Целебес, имеет танки и другую боевую технику.

2. Задача батальона - завтра на рассвете выбросить парашютный десант у аэродрома Лангоан в районе господствующей над местностью высоты Минахаса. Во взаимодействии с комбинированным десантным отрядом военно-морской базы Сасэбо, высаживающимся под прикрытием наших надводных кораблей в районе Манадо и порта Кема, уничтожить противостоящего противника, овладеть аэродромом и прилегающим к нему районом и тем самым облегчить боевые действия нашей авиации.

3. 1-й роте по овладении аэродромом быстро занять Лангоан и, если позволит обстановка, удерживать важные объекты на дороге, идущей к Манадо.

4. 2-й роте выйти с востока к дороге, идущей на Какас, овладеть гидродромом Какас и, удерживая его, обеспечить связь с нашими гидросамолетами. Выслать офицеров для разведки обстановки и положения войск противника в районе города Дондано.

5. 3-я рота находится в резерве.

6. Пароль и отзыв-"Гора-река". Я вместе с взводом управления буду находиться с 1-й ротой. Командирам рот, взводов, отделений разъяснить каждому парашютисту содержание приказа и план завтрашнего боя. Сегодня в течение дня подготовить вооооруженне и погрузить его на транспортные самолеты".

Подготовка была закончена к вечеру, но в самолеты предстояло садиться только на рассвете.

Ночью соединение бомбардировщиков В-17 совершило налет на наши тяжелые крейсера в заливе Давао.

В помещении, где располагалась моя рота, стояла страшная духота, так как окна и двери были закрыты наглухо в целях светомаскировки. Парашютисты готовились к выступлению. Одни, отмахиваясь от комаров, пили пиво за успех в предстоящем бою, другие с этой целью закладывали бутылочки сакэ в парашюты в качестве приношения богу. В эту ночь уже не нужно было стоять на часах и беспокоиться о том, что лицо опять распухнет от укусов назойливых москитов. Караульную службу вместо нас несли матросы с кораблей, стоявших в порту.

Я улегся спать рано, но долго не мог заснуть из-за духоты. Обливаясь потом, я лежал на койке, отдавшись воспоминаниям. Вспомнил сквозь сон родину, девушку, которую видел в порту. Уже поздно потушили свет, и потекла трудная, бессонная ночь перед боем.

Наша цель - горы Минахаса

Миновала беспокойная ночь, настало утро. 11 января 1942 года. Парашютисты проснулись очень рано.

Моросил дождь, на сердце было неспокойно. Прощаясь под пальмами со своими соотечественниками, парашютисты садились в автомашины, которые доставят их на аэродром. Там они получат последние указания от командира эскадрильи Цукахара и вместе с экипажами сядут в самолеты.

Вот они уже и на аэродроме. Раздалась команда; рев запускаемых моторов нарушил предрассветную тишину. Транспортные самолеты с парашютистами, по 20 человек в каждом, с вооружением и боеприпасами один за другим начали выруливать на взлетно-посадочную полосу. Машины делали разбег и, с трудом отрываясь от земли, начинали медленно набирать высоту.

Все, сняв головные уборы, посылали земле прощальный привет, некоторые махали платками из окошек кабины. Тяжело нагруженные машины одна за другой, потушив бортовые огни, продолжали набирать высоту. Рев моторов, подобно раскатам грома, сотрясал свежий утренний воздух. Тридцать транспортных самолетов в строгом строю растворялись в синей дымке.

(Последующее описание боев за Манадо я даю на основании статей, присланных в редакцию участником этих боев Араки Тадао, а также отчета о боевых действиях парашютно-десантного отряда, представленного после завершения операции.)

Итак, до свидания, друзья!

Парашютисты продолжали махать платками до тех пор, пока не скрылись из виду фигуры провожающих.

Под крыльями самолета проплыли кокосовые рощи, в стороне остался залив Давао. Машины набирали высоту, пробиваясь сквозь облака. И вот они уже над облаками. Под нами разлилось волнистое облачное море. Стало холоднее.

Постепенно в кабине сделалось тише, был слышен только ровный гул мотора и дребезжащий звук вибрирующей антенны. Некоторые парашютисты закрыли глаза и о чем-то задумались. Я смотрел на самого молодого из них, еще совсем юнца, которому едва исполнилось восемнадцать лет, и мое сердце наполнялось трогательным чувством отеческой заботы о нем.

Через несколько часов эти молодые парни будут драться, возможно, некоторые погибнут. Как ни опечалятся родители, получив извещение о гибели своих сыновей, все же они будут горды тем, что их дети погибли, сражаясь в первых рядах парашютно-десантного отряда.

Вдруг самолет внезапно вошел в грозовую зону. Сверкнула молния, полил дождь. Вода начала проникать через окна в кабину. Парашютисты, опасаясь как бы не намокли парашюты, от которых теперь зависела их жизнь, стали закрывать своими телами ранцы с парашютами. Их беспокоило то, что такая же скверная погода может застать десант в районе выброски.

Теперь уже самолеты летели над самой поверхностью моря, казалось, что белые гребешки волн касаются плоскостей. Все молили бога о том, чтобы гроза скорей прекратилась. А вот и

желанные разрывы в облаках, показалось ясное синее небо. Грозовая зона осталась позади. Самолеты вновь стали набирать высоту.

Внизу под ними, разрезая волны, в кильватерном строю шло соединение миноносцев. Оно держало курс на остров Целебес. Это была часть кораблей поддержки, которые должны были обеспечивать высадку нашего десанта. Парашютисты смотрели на летчика, который уверенно держал штурвал самолета. Он жестом показывал им, чтобы они не робели.

Над проливом Целебес все лакомились печеньем, запивая его водой. За борт в воду летели пустые пакетики". До чего же приятно выпить несколько глотков прохладной воды здесь, в воздухе.

Наконец, штурман подал сигнал правой рукой: "Приближаемся к острову".

Парашютисты начали снимать спасательные жилеты, доставать парашюты и надевать их, поправляя друг у друга ремни подвесной системы.

Нас атакуют свои.

Неожиданно летчики заволновались:

- Самолеты противника!

И вот самолет No 5 уже открыл пулеметный огонь.

Внезапно по правому борту нашей машины скользнула огромной птицей тень самолета. Спустя некоторое время этот же самолет развернулся и снова пошел в атаку.

Та-та-та... та, строчил пулемет. Звук пулеметной очереди с вражеского самолета показался очень знакомым.

- Да это же наш самолет, нас обстреляли с японского самолета! - крикнул кто-то.

Летчик, посмотрев направо, увидел разворачивавшийся морской разведчик "Дзэро" с поплавками.

- Дурачье, словно малые дети,-закричали в один голос возмущенные члены экипажа и парашютисты.

Момент был опасный. Вот уже самолет No 5, выбрасывая черные клубы дыма из выхлопных труб, постепенно стал терять высоту.

- Крепись, скоро земля,- пытались ободрить бедствующий самолет парашютисты.

Но разве мог летчик самолета No 5 услышать их слова. Вдруг оба мотора самолета вспыхнули. В это же время открылся люк и из него начали выпрыгивать парашютисты. Однако от сильного огня вытяжные веревки мгновенно перегорают, и парашютисты с нераскрывшимися парашютами камнем летят вниз.

Высота была примерно 6000 м; парашютисты быстро

превратились в маленькие черные точки, и скоро мы их потеряли из виду.

"Сейчас взорвемся..." - таково было последнее сообщение по радио с горящего самолета. Объятый пламенем, он падал в море.

На самолете взорвались бензобаки, когда до воды оставалось около 1000 м. От взрыва тут же загорелись один за другим пять появившихся в этот момент куполов парашютов. Парашютисты стали падать в море. Однако их обогнала горящая машина, за которой тянулся шлейф черного дыма. Она перевернулась через крыло и рухнула в море. За ней упал в море еще один наш подожженный самолет.

Один эсминец, заметив дым, поспешил на помощь. Некоторое время на воде плавали белые полотнища парашютов, но потом скрылись в морской пучине.

В транспортном самолете No 5 находилось 24 парашютиста 3-го взвода 2-й роты. Разве могли они подумать, что им суждено погибнуть перед самым боем, да еще от руки своих. Сердце защемило у нас от обиды, на глаза навернулись слезы. Почти над самыми позициями врага парашютисты поклялись сражаться до последней капли крови во имя павших товарищей из 3-го взвода 2-й роты и экипажей транспортных самолетов.

Бой за аэродром Лангоан

Транспортные самолеты уже над Манадо. Порты Манадо и Кема, обстрелянные кораблями поддержки с моря, охвачены огнем пожаров. Высоко в небо поднимаются столбы черного дыма.

На песчаный берег тихо и мирно накатываются волны, широким ковром раскинулась зеленая кокосовая роща, она будто погрузилась в спокойный долгий сон. Кажется, что природа равнодушна ко всему, ее не трогает огонь войны.

Пролетаем над вулканом Клабат. Он ассоциируется у нас с родной горой Фудзияма. Парашютисты называют Клабат по-своему: "Фудзияма острова Целебес" или "Манадо-Фудзи".

Транспортные самолеты перестраиваются и принимают боевой порядок.

1-е звено самолетов, на которых летит штаб парашютного отряда, следует далеко внизу, за ним идут самолеты 2-го и 3-го звеньев, на которых летит 1-я рота, замыкающим является 4-е звено, на котором находится Араки Тадао со 2-й ротой. Дистанция между звеньями- 1000 м. Самолеты идут на снижение. В ушах гул моторов. Фюзеляж вибрирует. Сидящий у люка старшина Иваока открывает люк. Внизу показывается озеро Тондано. Все встают, готовят парашюты, закрепляют вытяжные веревки парашютов.

С воздуха горы на западе острова, поросшие густым лесом, кажутся выше, чем они есть в действительности.

Два протяжных сигнала зуммера. Самолет ложится на курс для выброски десанта. Высота 100-150 м.

Лица парашютистов бледны от напряжения. Самолет переходит на горизонтальный полет.

Тон-тон-тон-раздается новый сигнал зуммера. Он означает, что надо сбрасывать контейнеры с оружием. Когда оружие сброшено, первым подходит к люку и просовывается в него старшина Иваока, и сразу же следует протяжный сигнал зуммера: "Пошел!"

За командиром отделения Иваока прыгают остальные.

Под тяжестью стальных касок парашютисты переворачиваются в воздухе и летят вниз головой. Показываются белые ленты полотнищ парашютов, а затем они превращаются в купола. Парашютисты принимают нормальное положение.

Первое препятствие преодолено. Спускаемся восточнее взлетно-посадочной полосы. Парашют сильно раскачивает, земля то уходит куда-то в сторону, то снова возвращается.

Бьют вражеские пулеметы, визжат пули. Они прошивают купола парашютов. На взлетно-посадочной полосе множество заграждений из колючей проволоки и рогаток. А разведка вчера сообщала, что на аэродроме никаких препятствий нет. "Не попали ли мы в ловушку",- мелькает в голове. Но вокруг аэродрома уже идет беспорядочный бой.

С пулеметными очередями сливаются частые выстрелы с той и другой стороны. Рвутся ручные гранаты.

Над аэродромом проносится на бреющем полете истребитель "Дзэро", но он не может вести огонь из своих пулеметов, так как невозможно понять, где свои и где чужие.

9 час. 44 мин. утра. Наш штаб приземлился всего в 30 м от укрепленной точки противника. У противника в западной части аэродрома было оборудовано восемь укрепленных точек, откуда парашютистов поливали пулеметным огнем.

Пулеметы били с близкой дистанции, пули пролетали низко над землей, скашивая траву, ударяясь в рогатки заграждений. Местность была очень ровная. Парашютисты лежали, прижавшись к земле, и не могли продвинуться ни на шаг, так как им мешали рогатки и проволочные заграждения. Контейнеры с оружием оказались далеко от места приземления, парашютисты имели при себе только ручные гранаты и пистолеты. Повсюду белели испачканные в грязи полотнища парашютов, изрешеченные пулями врага; на них проступали темно-красные пятна крови. (После боя в парашюте одного парашютиста взвода управления

батальона, который летел на самолете 1-го звена, насчитали 96 пробоин.)

Больше половины парашютистов, приземлившихся на взлетно-посадочную полосу, было скошено пулеметным огнем. Оставшиеся в живых широкими складными ножами и касками старались окапываться, чтобы спрятать хотя бы голову. Всегда веселый, полный энергии адъютант командира батальона капитан-лейтенант Сомэтани встал во весь рост с гранатой в руке и, выкрикивая ругательства, бросился на дула вражеских пулеметов, но тут же был сражен вражеской пулей.

- Держись, адъютант! - крикнул находившийся всего в 30 м от вражеского пулемета командир батальона Хориути, который был прижат к земле огнем и буквально не мог пошевельнуться.

Командир 1-й роты лейтенант Мутагути и ординарец, летевшие на самолете 2-го звена, во время сбрасывания оружия в спешке сами были увлечены тяжелыми контейнерами и вывалились через люк. Высота была 120 м, они не успели опомниться и раскрыть парашюты. Оба, превратившись в живые снаряды, упали перед самой вражеской огневой точкой, подняв облако пыли.

Со стороны возвышенности на южной оконечности аэродрома появились вражеские танки и открыли огонь по нашему десанту.

С севера, по дороге на Какас в сторону аэродрома, на полной скорости мчались бронетранспортеры противника, поливая десантников пулеметным огнем.

Передовая часть десанта почти полностью оказалась в окружении и совершенно не могла продвигаться вперед из-за сильного огня.

Младший унтер-офицер взвода управления Камида, шутник, душа всего батальона, на глазах у противника добрался до контейнера с оружием, но огонь был настолько сильным, что он не мог открыть его и взять оружие. Тогда он прибегнул к хитрости. Маскируясь контейнером, он накрыл его парашютом и под его покровом распаковал контейнер и установил пулемет. Убедившись в том, что противник его не видит, Камида спокойно взял на мушку вражеского пулеметчика и открыл огонь. Пулемет врага замолчал. Камида был, пожалуй, первым, кому на глазах у противника удалось достать из контейнера оружие и привести его в действие.

Младший унтер-офицер Миямото еще в воздухе получил пулю в бедро. Хотя он кое-как приземлился, но двигаться не мог. Он лежал на взлетно-посадочной полосе, которая казалась ему горячей, обливаясь кровью, по его щекам текли слезы. Миямото, как во сне, слышал пулеметную стрельбу, крики своих товарищей,

которые вели жаркий бой; скоро он потерял сознание.

Потери росли с каждой минутой. Вскоре был убит еще один офицер батальона; тяжелое ранение получил командир взвода управления. Затем был убит командир 1-го взвода 2-й роты младший лейтенант Миура. Он наблюдал за противником в бинокль примерно в 100 м от огневой точки. Пуля разбила бинокль и поразила Миура в голову.

После него был сражен ординарец старший матрос Сакума; пуля угодила ему в щеку. Другой ординарец, младший унтер-офицер Такаки, бросился к нему на помощь, стреляя из пулемета на ходу, но тоже был ранен и упал на горячую землю. На помощь командиру взвода управления поспешил мастер дзюдо старшина Араки, который позже в схватке заколол голландского офицера. Однако он ничего не мог сделать. По-видимому, снайперы противника специально охотились за нашими офицерами и расстреливали их с близкой дистанции.

Положение было отчаянное. Парашютисты лежали, прижатые огнем к земле, боясь пошевелиться. Каждое движение привлекало внимание врага, и он открывал еще более ожесточенный огонь. Десантникам оставалось надеяться только на то, что авось у врага кончатся боеприпасы или к ним прибудет подкрепление. А пока они лежали и молчали. Некоторые ухитрились даже закурить.

Еще в начале боя унтер-офицер Носисаки заметил молодого восемнадцатилетнего матроса 3 класса, который с пистолетом в руках метался в центре аэродрома, делая короткие перебежки.

- Ложись! Что ты делаешь? - крикнул Носисаки.

- Я разыскиваю контейнер с оружием! - ответил матрос.

Носисаки сделал рывок вперед, сбил матроса с ног и вместе с ним залег. Пули пролетали во всех направлениях, и трудно было определить, где свои и где враг. Выбрав направление, они стали ползком передвигаться в сторону огневых точек противника, но в конце концов оба были убиты.

Не думали десантники, что они в первом же бою попадут под такой жестокий обстрел. Однако постепенно огонь ослаб, и парашютисты, подобравшись к контейнерам с оружием, начали брать в кольцо вражеские пулеметные точки. Около них стали рваться снаряды, поднимая фонтаны земли. Прибыло подкрепление. В тылу укрепленных точек и над ними были сброшены парашютисты, прибывшие на самолетах 6-го и 7-го звеньев.

Когда старший матрос Харада спускался с парашютом, купол парашюта то и дело пробивали пули. Он приготовил пистолет к бою, но не мог понять, откуда в него стреляли. Под ним были кокосовые пальмы. Подтягивая стропы парашюта, он лавировал,

чтобы не попасть на деревья, но все же угодил на кокосовую пальму.

Спустившись по стволу дерева на землю, Харада увидел, что он приземлился в непосредственной близости от пулеметной точки противника. Рядом стояла вражеская автомашина. Пулеметчики вели огонь и не заметили парашютиста. Вместе с другим парашютистом, приземлившимся поблизости, Харада решил напасть с тыла на укрепленную точку. Он выстрелил в мотор машины и бросился на врага. Вражеские солдаты, застигнутые врасплох, вышли из-за укрытия с поднятыми руками и были застрелены.

Другой эпизод. Молодой парашютист приземлился прямо на покрытие укрепленной точки. В это время десантники, поднявшись в атаку, двигались по взлетно-посадочной полосе. Парашютист, обеспокоенный тем, что его могут убить свои, недолго думая, бросил ручную гранату в укрытие, быстро достал из кармана японский флаг и стал им размахивать. Наступавшие, увидев его, стремительным броском достигли укрепленной точки.

- Молодец, здорово придумал!-похвалил его командир.

Внутри укрепленной точки валялось около десятка убитых солдат противника.

А вот еще эпизод. Матрос 3 класса Оцура, приземляясь, очутился на спине коровы, которая паслась южнее аэродрома. Корова, не ожидавшая такого седока, очень испугалась и начала метаться. Оцура упал. Когда он, освободившись от парашюта, поднялся, корова уже лежала без движения, сраженная пулей. Через некоторое время послышался рокот мотора вражеского танка. Оцура, приготовив гранату, укрылся за трупом коровы. Но гул постепенно удалился, видимо, танк прошел мимо.

В результате удара с тыла скоро еще одна укрепленная точка была захвачена парашютистами. Пулеметная стрельба постепенно затихла.

Почувствовав это, командир 2-й роты лейтенант Сайто с мечом в руке поднялся и увлек за собой в атаку оставшихся в живых парашютистов. Впервые на аэродроме раздался сигнал трубы: "Атака!" Десантники устремились на укрепленную точку, вот они уже достигли мертвого пространства, стреляя на ходу по амбразурам. В амбразуры бросили гранаты. Взрыв! В узком каземате укрепления разрушительное действие гранаты особенно велико. Смерть врагу! Пытавшиеся спастись бегством были застрелены.

Повсюду уже шел бой на позициях противника. Постепенно все укрепленные точки врага в западной части были уничтожены. В результате положение десантников изменилось к лучшему.

Противник, находившийся в укреплениях на южной окраине аэродрома, спасался, удирая на автомашинах через густой лес. Преследуя его, парашютисты вели по отступавшим огонь.

Вражеские танки и бронетранспортеры в результате нашей стремительной атаки тоже начали отходить.

- Эх, теперь бы скорострельную пушечку! - чуть не плача от досады сказал 19-летний матрос. Он лежал на земле, сжимая в руке бронебойный снаряд, и наблюдал за вражескими машинами.

Частью уничтоженный, частью рассеянный отряд противника уже не представлял опасности для превосходивших его во сто крат в храбрости парашютистов. Скоро аэродром оказался полностью в их руках. Десантники выносили тяжелораненых, оказывали им первую помощь. Над ними роились тучи мух.

Командир 1-й роты был тяжело ранен в голову. Командование ротой взял на себя решительный и смелый командир 1-го взвода младший лейтенант Комэхара. Рота ворвалась в город Лангоан и полностью овладела им.

2-я рота под командованием лейтенанта Сайто, продвигаясь в восточном направлении, по дороге на Какас, вышла для захвата базы гидросамолетов Какас, которая еще оставалась в руках противника.

Младший унтер-офицер Кобаяси, высланный от взвода управления батальона в дозор в направлении на Какас, встретил бронетранспортер противника и вступил с ним в схватку. Бронетранспортер открыл ожесточенный огонь. Кобаяси, стиснув зубы, упорно держался и вел огонь по смотровым щелям. Убив водителя транспортера, он расправился с остальными членами экипажа. Бронетранспортер достался нам в полной исправности и пополнил нашу боевую технику.

Во второй половине дня 2-я рота была уже на подступах к Какасу. По десантникам вели пулеметный огонь из поспешно сооруженной огневой точки. Для ее подавления был выдвинут тяжелый пулемет образца 92.

Вскоре засевшая там группа солдат противника обратилась в бегство.

Неожиданно по авангарду, продвигавшемуся но шоссе к Какасу, начали стрелять из дома, стоявшего в густом лесу в 30 м правее дороги. Младший унтер-офицер Исии и матрос 3 класса Коутияма, пораженные пулями в грудь, упали замертво. Младший унтер-офицер Араки и старший матрос Фукубу открыли огонь из легкого пулемета. С деревьев посыпались скошенные пулеметной очередью листья. Противник обратился в бегство. По нему одновременно открыли огонь четыре наших тяжелых гранатомета. Вдали послышались разрывы мин.

По приказу командира роты лейтенанта Сайто десантники начали бой по очистке города от противника. В этом приказе говорилось: "Внимательно следить за действиями наших войск, чтобы не поразить своих. На перекрестках держать всестороннюю связь".

Части противника, поспешно отходившие в восточном направлении, продолжали оказывать сопротивление; в городе вспыхнули пожары. В небо высоко поднимались столбы черного дыма - горели казарма, школа, склад боеприпасов, потом запылали цистерны с горючим, манговые и кокосовые деревья.

Дорога, идущая вдоль противоположного берега озера Тондано, была забита вражескими грузовиками, автобусами, легковыми автомашинами - все это в беспорядке двигалось в направлении горного района. В городе царил страшный хаос. Всюду метались свиньи, куры, брошенные своими хозяевами. В такой обстановке 2-я рота овладела Какасом и базой гидросамолетов на озере Тондано.

Над базой взвился флаг японского военно-морского флота.

Вскоре на озере совершили посадку два японских гидросамолета, которые доставили артиллеристов, медиков и корреспондентов.

Потери у нас были большие, поэтому командир батальона сразу же установил связь с гидросамолетами на предмет эвакуации раненых.

Над городом сгущались сумерки, высота Минахаса постепенно исчезала из поля зрения.

Ночью ожидали непременной контратаки противника. Была отдана команда укрепиться и выставить усиленное охранение. Из подручных материалов были сооружены временные укрепления, затем были определены сектора обстрела и выставлены часовые.

Бой прекратился. Ужасный день закончился. Только время от времени раздавались одиночные выстрелы, нарушая тишину южной ночи. Видимо, противник пытался вести разведку. Ночь на высоте в 700 м была довольно прохладной. Уставшие десантники дрожали от холода. Думая о том, как бы выпить немного сакэ, чтобы согреться, они не могли избавиться от навязчивой мысли о погибших боевых товарищах. Каждый в душе давал клятву отомстить за них своим врагам.

На следующий день, 12 января, транспортные самолеты доставили подкрепление, был сброшен еще один десант. "Манадо-Фудзи" в этот день была поистине великолепна. Мы встретились с передовым танковым подразделением нашего комбинированного десанта, который после высадки в районе портов Кема и Манадо стал преследовать отступающего противника. Так, парашютный

батальон, наконец, установил тесный контакт с частями наших вооруженных сил. Было решено во что бы то ни стало овладеть северо-западной частью острова Целебес.

Вечером того же дня на аэродроме Лангоан приземлились наши штурмовики.

"На белом коне Бог приедет с севера, чтобы освободить нас!"

Всю ночь мы сжигали трупы погибших товарищей, и пламя костров до самого рассвета ярко освещало кокосовые пальмы.

Утром 13 января местные жители начали на повозках постепенно возвращаться в город, правда, пока это были в большинстве своем старики и старухи. Но вскоре местное население показало, что оно благожелательно относится к японцам. Однажды, когда младший унтер-офицер Араки был в карауле вместе с матросами 3 класса Исии и Сугавара, перед ним остановилась пролетка, с которой сошли интеллигентные на вид индонезийцы. Они боязливо приблизились к часовым. Один из них, теребя пальцами кожу на своем лице, проговорил по-малайски: "У нас такой же цвет кожи, как и у господ японцев". После этого он стал щупать кожу на руке Араки. Араки, догадавшись в чем дело, с каким-то особым чувством вынул из кармана малайский словарь, отыскал нужную фразу и ответил ему на малайском языке: "Японские солдаты считают вас своими друзьями!" Они, довольные, уехали. Вскоре почти все беженцы возвратились к своим очагам.

В первой декаде февраля в городе временами внезапно появлялись и исчезали вражеские лазутчики и совершали террористические акты против прояпонски настроенных местных жителей и влиятельных людей города, поэтому командир батальона Хориути с помощью своих агентов из числа гражданского населения стремился выловить лазутчиков.

Через некоторое время в горах восточное Какаса были обнаружены замаскированные вражеские казармы. Из штаба батальона пришел приказ захватить в плен вражеских солдат, и, чтобы предотвратить действие контрразведки противника, ночью из состава 2-й роты была выслана вперед небольшая группа. Впереди шел проводник из местных жителей. Опасаясь, как бы он не сбежал, его привязали на веревку, конец которой крепко держал в своих руках один из парашютистов.

Вскоре группа, двигаясь по горной дороге, вошла в густой лес. В темноте порхали светлячки, кричали неизвестные птицы, в траве шуршали ящерицы. Все кругом было таинственно и загадочно.

В два часа ночи, разделившись на две части, группа окружила две временные казармы противника и бесшумно начала

подбираться к ним. Вдруг послышался лай сторожевых собак; их, видимо, было три. "Неужели нас обнаружили",- мелькнуло у каждого. Парашютисты стремительно ворвались в первую казарму, впереди был мичман Иваока. Быстро обезоружили и связали спавших с женщинами вражеских солдат, которые спросонок не могли понять, что произошло.

Другая группа, в которой были старшина Араки и младший унтер-офицер Араки, устремилась к следующей казарме.

Неожиданно застрочил пулемет, в темноте были видны язычки пламени, вырывавшиеся из дула пулемета. В тот же миг парашютисты попадали на землю примерно в десяти метрах от пулеметчика, а затем отползли и укрылись за стволами ближайших деревьев. Только старшина Араки не мог удержаться на крутом спуске и скатился прямо на голландского офицера. Началась ожесточенная рукопашная схватка. Они, вцепившись друг в друга, клубком покатились по склону. Мастерски владея приемами дзюдо, сильный Араки сдавил голову врага и заколол его штыком.

Солдаты противника отчаянно защищались, видимо, потому, что с ними, как и в первой казарме, были женщины.

Командир взвода Такахаси собрал вокруг себя 10 парашютистов и приказал подготовить ручные гранаты. Скоро они одна за другой полетели в сторону казармы. Послышались взрывы, взвились столбы пламени. Противник сразу прекратил стрельбу.

- В атаку! - раздалась команда. Парашютисты ринулись на ошеломленного врага. Часть вражеских солдат была взята в плен, остальные, прыгнув с крутого обрыва, обратились в бегство, выкрикивая что-то на ходу.

Десантники подожгли строения и отправились в расположение батальона. Так закончился этот налет.

Десантники впоследствии выловили и захватили в плен много солдат противника. К этому времени увеличились потери и среди парашютистов. 13 марта остатки разгромленной вражеской части появились в деревне Тонпасо, расположенной к западу от аэродрома Лангоан, вражеские солдаты грабили местных жителей, убивали их, поджигали дома. Местное население обратилось к нам за помощью.

Немедленно было выделено два отделения из 2-й роты, которые выехали на грузовой автомашине в указанный район. По дороге, проходящей у подножия горы Амуранг, парашютисты встретили группу солдат противника, обратили ее в бегство и начали преследовать. Когда машина оказалась в долине, с гор по ней был открыт сильный огонь. Старший матрос Сасаки был

ранен в голову и тут же умер. Парашютистов это не обескуражило, они контратаковали врага, захватили несколько человек в плен, а остальных уничтожили. На следующую же ночь один из захваченных в плен голландцев убил своего раненого товарища, который добровольно сдался в плен, а сам повесился. Мы похоронили их как храбрых воинов, несмотря на то, что они были нашими врагами.

У некоторых погибших в боях с нами солдат из местного населения остались жены. Теперь они стали вдовами. Парашютисты, видя, как тосковали эти молодые женщины, иногда забывали, что их мужья были врагами. Особенно этим отличался старший матрос Сасаки. Это был очень серьезный, необыкновенно серьезный двадцатилетний парень. В Йокосука он бывало занимался даже в те дни, когда разрешалось увольнение в город. Скрытно от друзей он хранил у себя на груди, фотокарточку семнадцатилетней девушки из Иокогама, с которой был помолвлен. Он очень тосковал по ней, и поэтому ему была близка и понятна тоска молодых вдов по своим мужьям. У него, как и у многих других парашютистов, возникало чувство отвращения к кровавой резне, которая происходила в связи с очисткой местности от противника, появлялось даже чувство жалости к убитым солдатам противника, однако он не мог избежать и тех романтических настроений, которые, естественно, возникают у молодых людей.

В результате между парашютистами и молодыми индонезийскими женщинами завязалась дружба, очень похожая на любовь.

Девушки с гор Минахаса так же прекрасны, как японские девушки, у них привлекательные лица и такой же цвет кожи, как у японок. Они носят платье, однако ходят босиком почти всю неделю, кроме субботы; в 15- 16 лет-это уже взрослые женщины.

Молодые японцы питали к ним хорошие чувства, женщины отвечали тем же. Не раз 18-19-летние девушки без стеснения говорили 20-летним японским парням "я люблю тебя", чем иногда приводили их в смущение. Когда парашютисты покидали Целебес, чтобы наводить порядок на Малых Зондских островах, они с плачем цеплялись за машины, не желая расставаться с теми, кто им пришелся по сердцу. Это выглядело поистине романтично. Следует сказать, что в этих краях принято почитать женщину. Они здесь ходят гордо подняв голову. Среди них были и такие, которые не здоровались при встрече с японскими часовыми. На этой почве были даже инциденты. Так, младший унтер-офицер Араки то ли от высокомерия, то ли от того, что у него было ранение в голову, ударил двух-трех женщин за

непочтительное отношение к нему и тем самым испортил себе репутацию. Его стали называть "скверным Араки". Однако Араки решил исправиться. Он стал во время воскресного богослужения раздавать беднякам деньги, присутствовать на похоронах убитых местных жителей, возлагать цветы на могилы погибших солдат противника. И скоро жители Какаса заговорили об Араки совершенно по-другому, как о добродетельном и справедливом человеке. Когда он проходил по улицам города, с ним вежливо здоровались, приглашали в дом и угощали.

Парашютисты создали юношескую организацию из местной молодежи. С индонезийскими мальчиками и девочками они разучивали японские песни, учили детей японскому языку. Председателем этой организации был юноша Хертон, а его заместителем-девочка Нумари. С утра до вечера в окрестных деревушках распевали японские песни. Девушки с огромными букетами цветов навещали раненых парашютистов, которые лежали в полевом госпитале. На могилах погибших воинов свежие цветы не переводились.

В горы Минахаса и их окрестности пришли мир и счастье. На северной окраине аэродрома Лангоан были оборудованы братские могилы, состоялась торжественная церемония увековечивания памяти погибших воинов. На надгробных надписях звания погибших воинов специально были указаны на один-два ранга выше.

На аэродроме день и ночь ревели моторы. Строгими рядами стояли там, сверкая серебристыми крыльями, бомбардировщики и истребители. Кокосовые пальмы были спилены, на их месте стояли палатки. Трудно было поверить, что здесь происходили ожесточенные бои.

Местные жители с живым интересом наблюдали за всем происходящим. Смешно показывая большой палец, они приговаривали на своем языке: "Дзиюнпору тоан" (великолепно!).

По субботам местные юноши и девушки собирались на площади, пели песни, танцевали. Индонезийцы Целебеса пели песню о независимой Индонезии. Они заставляли парашютистов разучивать эту песню на индонезийском языке.

Смысл этой песни сводится к следующему:

"На белом коне Бог приедет с севера, чтобы освободить нас!"

Конечно, в этой песне есть элементы суеверия: под белой лошадью подразумевается неизвестно кто. Но зато ясно одно - стремление угнетенного колониального народа к независимости.

Операция по овладению Купангом

Штаб эскадры не решается на проведение воздушно-десантной операции

С тех пор как появилось выражение "осада с воздуха", когда войну стали вести в трех измерениях, прошло не мало времени. Преимущества такой "осады" вполне очевидны. Высадка десанта прямо перед позициями противника, вполне естественно, связана с огромными потерями. Отсюда - необходимость прибегать к обходу позиций противника с флангов, к предварительному захвату и удержанию плацдармов там, где оборона не так крепка, или к другим способам. Одним из таких способов и является "осада с воздуха", которую осуществляют живой силой. Причем многие уже давно считают этот способ наиболее подходящим и эффективным. В связи с этим и возникла необходимость в парашютных войсках и планерных частях. Но использовать их в широком масштабе в самом начале войны командование пока еще боялось. Тогда господствовало мнение, что морские десантные операции будут наиболее успешными и что японские войска почти не встретят сопротивления противника.

К великому сожалению, наши потери во время выброски парашютного десанта в районе Манадо были очень большими. Поэтому командующий высказался следующим образом: "Так как достигнуть поставленных целей можно только при помощи высадки десантов с моря непосредственно перед оборонительными позициями противника, то можно не прибегать к выброске воздушных десантов, которая связана с большими потерями".

Я в то время находился в госпитале в Давао. Слова командующего меня очень обеспокоили. Я полагал, что они могли плохо повлиять и на боевой дух парашютистов. Мне хотелось, чтобы это мнение не выходило за пределы частной беседы. Война ведь только начиналась, и было пока неизвестно, какие события ожидают нас впереди. Еще много неожиданностей было у парашютных войск на пути их развития. Обдумав все как следует, я подал в штаб эскадры рапорт с просьбой как можно скорее использовать парашютистов в любой из боевых операций. Затем я возвратился на базу Каги.

В середине января наш батальон под командованием Фукуми на пароходе "Асама-мару" отбыл к острову Таракан, только что захваченному нашими войсками. В порту всюду плавали

набухшие от воды трупы наших и вражеских солдат.

Противник в форту вывесил белый флаг о капитуляции, поэтому наш эскадренный миноносец, прекратив обстрел побережья, приблизился к берегу. Однако из форта по миноносцу открыли огонь, и корабль затонул с командой на борту.

В городе пахло пороховым дымом, в пригороде горели склады горючего, которые поджег противник, и черные клубы дыма высоко поднимались в небо. Глядя на это, парашютисты думали: "Неужели наш флот нуждающийся в горючем, не сможет воспользоваться нефтяными промыслами?" Они втайне лелеяли надежду, что последует приказ о выброске парашютного десанта в нефтяные районы Баликпапана или Банджермасина.

Здесь мы обнаружили довольно интересный плакат, изданный голландской армией. Плакат состоял из трех картин. На первой была изображена индонезийская женщина с ребенком за спиной, внимательно наблюдающая за спуском парашютистов японской армии, на второй картине женщина сообщает об этом командованию голландской армии и, наконец, на третьей - танковое подразделение голландской армии окружает японских парашютистов.

По этому факту можно было судить о том, как тщательно голландская армия, на собственном опыте убедившаяся во время наступления немцев в силе ударов немецких парашютистов, готовилась к действиям против парашютно-десантных войск японской армии.

Впредь нам было необходимо всегда помнить о такого рода подготовке врага. И нам пришлось серьезно готовиться к предстоящим боям, чтобы не повторилась та печальная картина, которая была при высадке парашютного десанта в районе Манадо.

Ожидали, что нашему батальону придется участвовать в захвате Баликпапана. Но оказалось, что 24 января наши сухопутные части, продолжавшие стремительное наступление, уже овладели этим пунктом, и нам оставалось только сожалеть о том, что не пришлось участвовать в этом бою. Но впереди еще одна операция-захват нефтяного района Банджермасин. С мыслями об этой операции мы в конце января покинули остров Таракан и прибыли на авиабазу Кендари, на острове Целебес, только что захваченном нашими войсками.

Авиабаза Кендари

Из порта мы примерно час ехали на грузовиках под палящими лучами южного солнца по дороге, проходящей через кокосовую рощу. Замечательная природа, зелень деревьев - все вокруг напоминало нам о тихой, мирной жизни. Настроение было такое, словно мы ехали на пикник, а не на выполнение боевого задания.

База Кендари представляла собой огромное, покрытое чудесным травяным ковром поле в уединенном уголке острова. Штаб батальона расположился в особняке, построенном в голландском стиле, недалеко от аэродрома. Парашютисты были расквартированы в домиках местных жителей, напоминавших хижины отшельников, и в дощатых, построенных наспех бараках. Немедленно по прибытии приступили к подготовке к предстоящей операции. Часть батальона Хориути, закончившего боевые действия в Манадо, была выделена для охраны аэродрома.

Сначала обстановка на авиабазе показалась нам спокойной, как будто бы война проходила где-то стороной. Однако скоро сквозь эту завесу внешнего спокойствия стали все яснее проступать черты жестокой воздушной войны. Возвращавшиеся на базу с задания штурмовики имели множество пробоин. Порой самолет едва дотягивал на одном моторе до аэродрома. Случалось так, что мотор отказывал перед самой посадкой. У одного самолета заклинилось шасси, на другом из всего экипажа остался в живых один летчик.

В душе парашютисты уважали летчиков, которые становились основной силой в войне, за их ратные, боевые дела. Заслуживали их благодарность и члены строительного отряда ВМФ, состоявшего из вольнонаемных, которые прибыли на авиабазу почти с пустыми руками и в поте лица трудились на строительстве аэродрома.

Вскоре батальон Фукуми получил приказ захватить с помощью воздушного десанта аэродром Купанг на острове Тимор, который являлся передовым опорным пунктом на подступах к Австралии.

Парашютисты развесили на кокосовых пальмах парашюты для просушки, затем разостлали брезент и на открытом воздухе произвели укладку парашютов. На транспортных самолетах делали специальные приспособления для сбрасывания контейнеров с оружием, которых не было у нас при высадке парашютного десанта в районе Манадо. Решено было легкие пулеметы не сбрасывать в контейнерах, а брать с собой.

Десантники приступили к изучению опыта боев за Манадо и усиленно стали готовиться к предстоящим боям с тем, чтобы не повторить ошибок, допущенных в первой воздушно-десантной

операции.

О положении противника к тому времени в общих чертах было известно следующее:

1. Остров Тимор-передовой опорный пункт на подступах к Австралии обороняли голландские и австралийские войска общей численностью около 3000 человек.

2. Предполагалось, что за последнее время на этот остров, являвшийся голландской территорией, из Австралии поступило подкрепление, в связи с чем оборонительные сооружения укреплялись с каждым днем.

3. На аэродроме Купанг временами появлялись самолеты противника,

Учитывая боевой опыт проведения операции по выброске парашютного десанта в Манадо, было решено сбросить парашютистов не на аэродром, а на луг в 40 км совсро-восточнее аэродрома Купанг, чтобы оттуда ударить по аэродрому с тыла и овладеть им. Чтобы противник не мог раскрыть наши намерения относительно проведения авиадесантной операции, командование решило принять меры предосторожности в ведении воздушной разведки, в частности оно решило не проводить разведку основного места десантирования накануне проведения операции.

Боевой порядок на десантирование был следующий:

первый эшелон (около 450 человек) состоял из авангарда (1-я рота) и ядра (штаб батальона и 3-я рота);

второй эшелон (около 250 человек) в составе 2-й роты и части сил 3-й роты;

морской десантный отряд в составе двух взводов под командованием мичмана Накао, а также медицинского, интендантского, транспортного и строительного подразделений.

На каждый самолет образца 96 садилось по 12, а на самолет образца 1 - по 18 парашютистов.

Был установлен порядок выброски с самолетов, согласно которому командиры рот и взводов прыгали вместе со своим личным составом с тем, чтобы немедленно после приземления непосредственно руководить боем. Первыми прыгали наиболее подготовленные парашютисты.

Из вооружения при себе десантники имели: пистолеты, ручные гранаты, тяжелые гранатометы, несколько ручных пулеметов в разобранном виде. Остальное вооружение было уложено в контейнеры и в таком виде должно было сбрасываться с парашютами.

Запас продовольствия десантников был рассчитан на трое суток. "Нигиримэси" (рисовые колобки) были завернуты в

целлофан и обработаны антисептиком в целях предохранения от порчи.

Накануне вылета парашютисты целый день были заняты завершением всех приготовлений. Это был очень напряженный день.

Вслед за огневым валом

Мы чувствовали, насколько опасным будет взлет перегруженных до предела самолетов с неровного, покрытого травой аэродрома Кендари, поэтому было решено сажать на самолеты не по 12, а по 11 человек.

Контейнеры с оружием и бомбы были подвешены к бомбодержателям под крыльями и фюзеляжем.

Перед стартом, чтобы уменьшить нагрузку на хвостовую часть самолета и тем самым облегчить отрыв от взлетной дорожки, десантники переместились временно к кабинам летчиков и ждали сигнала. Аэродром был окутан легким предрассветным туманом. Нас вышли провожать обслуживающий персонал базы и парашютисты из батальона Хориути.

Вот первый самолет начал разбег. Постепенно развив скорость, он оторвался от земли и взлетел. Подпрыгивая на неровностях, один за другим оторвались от земли и уходили в небо остальные машины. Ревели моторы, воздух содрогался от мощных винтов. Самолеты подстроились к головной машине.

Когда самолеты выстроились и легли на заданный курс, было уже совсем светло, наступил день. Это было 20 февраля 1942 года. Я, как командир авангарда парашютного десанта, летел с одиннадцатью парашютистами на головной машине, которую вел командир отряда транспортных самолетов капитан 3 ранга Мори. Машины взяли курс на аэродром Купанг на острове Тимор - своеобразные ворота в Австралию, которые надо было захватить. Предстояло пролететь над океанскими просторами около 400 морских миль.

Скоро вдали скрылись очертания острова Целебес. Под нами простиралась подернутая дымкой темная, спокойная гладь океана.

Далеко впереди показались гряды белых грозовых облаков, которые свойственны южным экваториальным широтам. Словно огромные вершины гор, они поднимались высоко в небо. Группа в 30 с лишним самолетов летела все дальше и дальше, приспосабливаясь к этим облакам. Высота достигала 6000-7000м.

Погода стояла хорошая. Светило солнце, дул легкий ветерок. Условия были вполне подходящие для выброски десанта.

Впереди транспортных самолетов летели средние бомбардировщики. Истребители "Дзэро", следуя параллельным курсом, прикрывали нас. Во всем сказывалась тщательная подготовка.

Парашютисты от скуки переговаривались жестами с товарищами, летевшими на соседних самолетах:

- Эй, ты что-то побледнел!

- Не смейся, погляди на себя, на тебе вообще лица нет!

Посасывая карамельки и стараясь перекричать шум моторов, парашютисты отпускали шутки по адресу товарищей, летевших в соседнем самолете. В многочисленных карманах комбинезонов парашютистов были рассованы пакеты с сухим пайком, фляжки с водой. Некоторые захватили с собой немного сушеной макрели, очищенную селедку, соль. В небольшой вещевой мешок кое-как были всунуты бинты, стерильные тампоны, настойка йода и бутылка виски. Боковые карманы комбинезона как у рядовых, так и у офицеров оттягивали браунинги или пистолеты образца 99, а также ручные гранаты. Каждый имел на поясе большой складной нож, а также небольшую лопату.

К сожалению, в то время основное вооружение не было приспособлено для прыжков с ним с парашютом, что было крайне неудобно. Легкие пулеметы, которые пулеметчики имели при себе, а также гранатометы разбирались. Отдельные части их гранатометчики крепили на груди и в таком виде прыгали с парашютом. Другое же вооружение, в том числе карабины, а также и боезапас были упакованы в контейнеры. Патроны с собой брали в лентах, которыми парашютисты перепоясывались через плечо, как это делали солдаты китайской армии в 1937 году.

Карабины (кавалерийского образца), которыми были вооружены парашютисты, мешали во время прыжка, что вызывало у парашютистов сильное беспокойство. Поэтому каждому разрешили брать с собой карабин по своему усмотрению, учитывая печальный опыт приземления во время десантирования в Манадо. Я, например, решил взять карабин с собой, так как он мог сразу же понадобиться в бою.

Все парашютисты были в стальных касках и специальных "бутсах парашютиста" (зашнуровывающиеся кожаные высокие ботинки на каучуковой подошве). Таково было боевое оснащение десантников. В целом каждый парашютист во время прыжка с самолета имел при себе около 20 кг груза.

При выброске всего десанта в одном месте в случае окружения, как это было в Манадо, действия парашютистов могли

бы оказаться неэффективными, поэтому на этот раз было решено выбрасывать десантников не в одном месте, а в нескольких. Первой в качестве авангарда десантировалась 1-я рота, которой командовал я. В 4-5 км от нее десантировало ядро десанта. Таков был порядок десантирования.

Из Кендаро

Как бы сплюснутый водами Арафурского моря и моря Банда вытянулся вдоль 10-й параллели малоизвестный остров Тимор. С аэродрома Купанг, расположенного почти на самом побережье острова, до северного берега Австралии по карте всего лишь 350 миль. Овладев этим аэродромом, наши средние бомбардировщики и истребители могли совершать налеты на Австралию.

О чем же думали молодые парашютисты, сидевшие в самолетах? Несколько тысяч миль отделяли их от родины. Кругом, куда ни глянь, простиралась безбрежная голубая гладь моря, в воздухе особенно ощущалось огромное расстояние до родных берегов. Самый близкий путь на родину лежал через Купанг-пункт, где ожидалась встреча с сильным противником. Это был трудный путь тяжелых боев и побед. Погода стояла хорошая, самолеты не болтало, слышался ровный гул моторов. Вот появился один из островов восточной части Малых Зондских островов. Парашютисты развернули походные завтраки, чтобы утолить голод. Внизу была видна прибрежная полоса острова, она казалась белой от морской пены. Лететь до Купанга оставалось не более сорока минут.

Вот уже позади остался последний остров из группы Малых Зондских островов. Пока не встретился ни один самолет противника. Наблюдая за воздухом, парашютисты стали одевать парашюты. Вдали показался остров Тимор.

Люди насторожились.

- Желаю успеха в бою. Держитесь крепче! - проговорил командир нашего отряда транспортных самолетов капитан 3 ранга Мори, передавая мне бутылку сидра. В свою очередь я передал ему свою бутылку.

Парашютисты и летчики стали пить сидр, обмениваясь бутылками. То и дело слышались возгласы: "Кампай! Кампай!"[16]

- Внимательно следить за воздухом!-раздалась команда. Летчики и парашютисты молча устремили взгляды вперед: не появятся ли самолеты противника?

Отряд транспортных самолетов, летевших на большой высоте, сделал широкий правый разворот и вышел на остров Тимор.

Этот остров сверху нам показался целым континентом, видимо, потому, что во время полета мы видели только морские просторы. Остров казался почти оголенным, если не считать участка густого леса, расположенного в центре. В других частях острова лес был очень редким.

Вражеские зенитки пока еще огня не открыли. Остров казался безлюдным.

Командир отряда Мори отдал команду: "Рассредоточиться! Принять боевой порядок!"

Самолеты постепенно выстроились в колонну по одному за кораблем командира, на котором находился и я.

- Следить внимательно за зенитными пулеметами на высотах! - раздалась команда.

Впереди под нами можно было уже различить огромную поляну, покрытую зеленой травой, внезапно появившуюся перед покрытыми лесом высотами. На нее мы и должны были приземлиться.

По команде самолет начал снижаться. Резкая перемена атмосферного давления сразу дала о себе знать болью в ушах и в носоглотке. Парашютисты учащенно глотали слюну.

Первый эшелон был готов к выброске десанта.

Раздались два привычных сигнала зуммера, которые означали: "Выходим на курс, приготовиться к прыжку!" Парашютисты, ожидавшие этого сигнала, уже пристегнули карабины вытяжных веревок и приготовились покинуть самолет. Он, снижаясь, проходил над возвышенностью, покрытой густым лесом. С небольшой высоты можно было ясно различить отдельные кокосовые пальмы, как на ладони. Мы пришли к выводу, что пулеметных точек на высотах нет, иначе противник давно уже открыл бы по самолетам огонь. Для начала это было неплохо.

Промелькнула последняя высота, приближалось широкое зеленое поле.

Раздались три сигнала зуммера: "Внимание!" Вслед за этим послышались звуки разрывов бомб, сброшенных на зеленое поле нашими самолетами.

Наконец, последовал один протяжный сигнал зуммера: "Пошел!" Ориентируясь по столбам пыли, поднятым взрывами, парашютисты покинули самолет.

Учитывая, что после приземления мне придется руководить боевыми действиями, я прыгнул пятым. Под тяжестью оружия я

падал головой вниз, хорошо различая землю. Все шло как во время тренировочных прыжков. Только на сей раз казалось, что тело будто стало легче и устремлялось куда-то вверх. Видимо, скорость падения была меньшей, чем раньше. Когда раскрылся купол, я, управляя стропами и усиленно работая руками и ногами, старался сделать поворот вправо.

Вдруг раздалась резкая пулеметная очередь, "Наверное, противник!" мелькнуло у меня в голове. Я схватил гранату, зубами выдернул предохранительную чеку. Однако тревога моя оказалась напрасной: огонь вел наш истребитель.

Первые парашютисты авангарда были почти у земли. Истребители летали в разных направлениях, прикрывая выброску десанта огнем пулеметов. После печального опыта боев за Манадо была предусмотрена поддержка парашютистов с воздуха огнем из пулеметов до тех пор, пока они не приземлятся и не изготовятся к бою.

Я приземлился удачно. Ноги вязли во влажной почве, покрытой высокой травой. Она хорошо маскировала. Но стоило мне лечь на землю, как я потерял из виду своих.

Приземлялись все новые партии парашютистов. От бомбодержателей отделялись контейнеры с оружием.. Порядок сбрасывания оружия строго выдерживался, Грузовые парашюты были окрашены в красный, желтый и зеленый цвета в зависимости от содержания контейнеров, а обычные парашюты имели белую окраску. На фоне голубого неба появилось множество ярких разноцветных точек. Картина была изумительно красивая, но ее можно было наблюдать недолго.

Я бросился к контейнеру с оружием, на котором стояла большая цифра 1. Она означала, что контейнер принадлежит 1-й роте. Он упал в десяти метрах от места моего приземления.

Ко мне поспешили мичман Сэнно и посыльный матрос 1 класса Дан. Мы вместе распаковали контейнер. Я из бинокля начал осматривать прилегающую местность, но не увидел ни одного вражеского солдата.

Авангард парашютного десанта постепенно собрался вокруг меня. Пулеметы были наготове. Наши истребители продолжали из пулеметов обстреливать прилегающую местность.

Примерно в 200 м от нас приземлился штаб батальона. Мы не встретили никаких препятствий, созданных противником, да и самого противника не обнаружили. На некоторое время нас охватило разочарование.

Десант приземлился благополучно. Все подразделения приняли боевой порядок и приготовились к боевым действиям.

Командир батальона Фукуми отдал приказ:

"В авангарде-1-я рота. Она двигается на 250 м впереди основных сил десанта, являясь его охранением".

Ожесточенный бой в джунглях

По данным аэрофотосъемки воздушных разведчиков и по нашим наблюдениям с самолетов, место приземления представляло собой большую ровную поляну, покрытую травой и вполне подходящую для выброски авиадесанта. Однако когда мы приземлились, то грунт на этой поляне оказался очень вязким. Танки противника при всем желании не могли окружить нас. Если бы такие же условия местности были в Манадо, то мы не понесли бы больших потерь. (Позднее разведка выявила, что грунт по мере приближения к побережью моря становился все более вязким, что затрудняло передвижение.)

Конечно, здесь противник не мог оборудовать позиций. Мое подразделение приземлилось благополучно, но к чему были нужны бомбардировка и обстрел из пулемета района десантирования? Это была бесполезная трата боеприпасов.

Настроение было отвратительное, мы оказались в глупом положении. Противник не оказывал никакого сопротивления. Нам даже не верилось, что мы передвигаемся по вражеской территории. Все было очень похоже на сухопутные маневры, в которых мы участвовали в Японии.

Продвинувшись по густому лесу вдоль дороги на Купанг метров на тысячу от места нашего приземления, авангард вышел на открытую поляну, но, пройдя по ней около 200 м. опять углубился в густые заросли кокосовых пальм.

В это время от передового дозора было получено донесение о том, что впереди, примерно в трехстах метрах, замечены временные казарменные постройки противника.

Меня беспокоило отсутствие командира 1-го взвода младшего лейтенанта Нагаминэ. Я не видел его с момента приземления. Я думал, что он, будучи горячим человеком, идет где-либо по лесу впереди нас. Я справился о нем у дозорного.

- Командир 1-го взвода с двумя посыльными скрылся вон в том лесу, а после я их больше не видел,- ответил дозорный.

Внимательно осмотрев в бинокль видневшиеся впереди заросли кокосовых пальм, я ничего не заметил.

Я распорядился выпустить 5-6 мин по лесу. Вот в воздухе засвистели мины, и скоро в лесной чаще послышались гулкие взрывы. Стали ждать ответных выстрелов, но их не последовало.

Вновь наступила мертвая тишина. Обстановка в лесу оставалась неясной.

Примерно в это время на противоположной стороне острова у мыса Марпи происходила высадка нашего морского десанта в составе пехотной бригады и отряда морской пехоты. Десант, видимо, намеревался захватить Купанг. Нам предстояло захватить аэродром. Для этого нужно было пересечь джунгли, и мы оказались бы у аэродрома. До него оставалось каких-нибудь 3 км.

Что же произошло с командиром, которого я потерял из виду? Дело обстояло так. Командир 1-го взвода младший лейтенант Нагаминэ с двумя ординарцами по своей инициативе решил провести разведку боем у вражеских казарм, но был окружен противником численностью в несколько десятков человек. Нагаминэ был ранен в бедро.

- Немедленно доложите обстановку командиру роты! - падая, крикнул он ординарцам.

- Мы не можем бросить своего командира,- последовал ответ.

- Авангарду грозит опасность. Идите скорее туда,- приказал Нагаминэ.

Более десятка вражеских солдат с пулеметами наготове ждали, когда поднимутся ординарцы. Со слезами на глазах они вынуждены были оставить своего командира. Отстреливаясь, ординарцы стали отходить. Скоро одного из них сразила вражеская пуля. Другому удалось прорваться. Он нашел меня и доложил подробно об обстановке. Это был матрос 1 класса Кобаяси. Я вызвал мичмана Сэнно и приказал ему заменить Нагаминэ.

Моя рота получила приказ:

"С боем пробиться через лес и, уничтожая противника, продолжать движение в направлении аэродрома;

боевой порядок - в два эшелона, в первом эшелоне слева двигается 1-й взвод, справа - 2-й взвод; резерв

3-й взвод; исходный рубеж - опушка густого леса слева от дороги".

Рота выдвинулась на исходный рубеж, развернулась и начала продвижение.

Сквозь кокосовые пальмы, примерно в ста метрах прямо перед нами, виднелись домики, которые и были временными казармами противника.

Солдаты 1-го взвода с ходу ворвались в дом. Он был пуст. Однако в столовой на столах нашли недопитые стаканы с еще теплым кофе, хлеб, масло, консервы.

- Да они только что убежали! - крикнул кто-то.

Скоро ко мне приволокли нескольких пленных австралийских солдат. Я впервые встретился с австралийцами. Одеты они были в тропическую форму: шортсы, носки до колен, рубашки с короткими рукавами, широкополые зеленые шляпы. Длинноногие, худые, лежали они на земле, вид у них был очень жалкий. Вскоре мы увидели еще несколько хижин местных жителей. Раскрыли карту и узнали, что находимся в деревне Бабау. Кто-то обнаружил склад с пивом. Доложили мне. Я отдал распоряжение, чтобы пивом особенно не увлекались, а довольствовались мясными консервами.

Пока шли разговоры о пиве, к нам подошло ядро десанта. Я приказал доставить пленных в штаб на допрос. Слабое знание английского языка не дало нам возможности выяснить что-либо у пленных.

Слева из густых зарослей начал бить вражеский пулемет. Туда сразу же выдвинулся 2-й взвод.

- Командир, пленные могут убежать. Что с ними делать? - спросили меня.

- Привяжите их к деревьям. Их еще нужно допросить. Если попытаются бежать, пристрелите,- отдал я распоряжение.

Впереди, справа, среди деревьев замелькали фигуры солдат противника, двигавшихся по дороге. Один, два, три... всего около тридцати человек. За ними могли быть еще. Противник, видимо, нас не замечал и двигался в нашем направлении. Вот нас уже отделяло не более 30 м. Мы хорошо различали рослых длинноногих австралийцев. Они походили на тех солдат, которые только что были захвачены в плен.

Пулемет открыл по ним огонь. И в ту же секунду раздались ответные выстрелы. Над нашими головами просвистели пули.

- Быть начеку, противник прямо перед нами! - предупредил я своих.

Для того чтобы закрыть незначительный разрыв, образовавшийся между подразделениями 2-го взвода, противостоявшего противнику, укрывшемуся на склоне, я приказал слева выдвинуться на первую линию резерву - 3-й роте.

2-й взвод уже перешел в контратаку. Чтобы определить силы противника, надо было с ним сблизиться по крайней мере на 20 м. Он укрылся в густых зарослях, и нам никак нельзя было определить, какими силами и средствами он располагает. Перед нами могла быть группа в 400-500 человек, и притом ее оборона могла быть эшелонирована в глубину.

Бой разгорелся вовсю. 3-я рота под командованием лейтенанта Миямото развернулась в зарослях кокосовых пальм справа от дороги. Моя 1-я рота вела бой слева на участке от

дороги до высоты. В тылу у меня развернулся штаб батальона.

Таким образом, все силы десанта находились всего лишь в нескольких десятках метров от противника, боевой состав которого нам был неизвестен. Обе стороны старались маскироваться в густых зарослях. Гранаты наших тяжелых гранатометов со свистом летели в сторону противника и рвались где-то в его тылу. Однако причиняли ли они какой-либо урон противнику, об этом мы не знали, да и выяснить это не представлялось возможным. Противник вел ожесточенный огонь, кругом свистели пули. То тут, то там они вырывали свои жертвы. Одни, пораженные прямо в сердце, падали замертво без единого звука, другие что-то кричали в последнюю минуту. Скоро лес наполнился безумными криками раненых и умирающих с той и другой стороны.

- Командир! Такасаки убит! - скоро доложили мне о гибели командира 2-го взвода. Командиром взвода я назначил унтер-офицера Хирасаки, который через некоторое время тоже был убит.

Когда я отдавал приказ о назначении нового командира взвода, пуля вражеского снайпера пробила мой комбинезон.

- Командир, осторожней! - крикнул лежавший впереди меня ординарец, матрос 1 класса Дан; он приподнялся и своим телом загородил меня. Я в душе поблагодарил матроса. Сообразив, что снайперы выискивали офицеров, я приказал командирам взводов снять знаки различия и сам сделал то же.

Бой становился все ожесточеннее. Прошло более двух часов, как мы вступили в деревню Бабау, а продвинулись мы за это время всего лишь на какую-нибудь сотню метров.

Вдруг у нас над головами застрочил пулемет, он бил в сторону противника. Что такое? Посмотрел вверх и не поверил своим глазам. Низко, почти касаясь верхушек кокосовых пальм, летел наш самолет "Дзэро" с поплавками. Видимо, летчик решил поддержать нас, чтобы загладить свою вину перед нами за Манадо.

- Командир, с воздуха вымпел!-доложили мне и передали записку. В ней было сказано: "Молим бога, покровителя воинов, за ваши боевые успехи". А противник все ожесточеннее поливал нас свинцом.

К сожалению, скоро мы были вынуждены ослабить огонь, так как нужно было экономить боеприпасы. Я отдал приказ стрелять только наверняка, а враг непрерывно строчил из пулеметов, не разбирая цели.

К этому времени дистанция между нами и противником сократилась до 20 м. Стоило врагу перейти в атаку, и нам бы

пришел конец.

Вот доложили о гибели командира 3-го взвода мичмана Сакамото. Я распорядился, чтобы командование взводом принял на себя унтер-офицер Такано.

Таким образом, в моей 1-й роте были убиты все три командира взвода. Последовал приказ развернуться взводу управления, а затем в бой был введен резерв. Я со своей ротой несколько выдвинулся вперед. Вдруг из-за поворота дороги, скрытого густыми зарослями, показался бронетранспортер противника. Один из парашютистов, поднявшись во весь рост, начал стрелять по нему из карабина. Это был матрос 1 класса Фукунага. По нему начал бить пулемет противника. Фукунага спрятался за деревья. Умело маскируясь, он продолжал вести огонь по вражеской машине. Ему удалось убить водителя, но, когда он уже вскочил на бронетранспортер, пулеметный огонь из леса усилился и его сразила пуля врага. Вот несколько парашютистов сделали рывок вперед и окружили бронетранспортер. Вокруг машины, лишенной водителя, разгорелась ожесточенная схватка. К тому времени 3-я рота, действовавшая справа от дороги, захватила еще несколько бронетранспортеров противника.

Впереди нас загорелся дом. С треском запылало сухое дерево стоек, которые лизали яркие языки пламени. Дом, видимо, поджег противник.

Старшина Идзу, ругаясь, выхватил гранату и бросился вперед. Но пуля врага поразила его прямо в грудь. Старшина вздрогнул и тяжело рухнул на землю. Враг открыл по нему бешеный огонь. К упавшему парашютисту подбиралось пламя, но из-за сильного огня никто не мог прийти к нему на помощь. Слышно было, как с обеих сторон на землю падали тела сраженных бойцов.

Из 1-го взвода, который почти вплотную приблизился к противнику, мне доложили по цепи, что напротив дома находится вражеский окоп. И действительно, на правом фланге напротив горевшего дома проходила траншея, которая была скрыта в тени пальм и других домов.

- Подготовиться к атаке на позиции противника против дома! - отдал я приказание. Вокруг меня стал сосредоточиваться взвод управления под командованием мичмана Мияо. Я коротко разъяснил задачу: "Как только наши гранаты прижмут противника к земле, врываемся на его позиции. Малейшая задержка - мы погибли. Противник сильно укрепился. Без рукопашной нам успеха не добиться". Затем я приказываю приготовить гранаты. По команде "разбить капсюли!" все разом выдернули

предохранительные чеки. У каждого в гранате с шипением загорелся дистанционный состав. По команде "огонь!" гранаты полетели в траншею, послышались характерные звуки разрывов, Одна из гранат, ударившись о карниз крыши, рикошетировала. Она упала примерно в метре впереди меня. Я весь сжался, стараясь укрыться за стальной каской, края которой были обрезаны. Я прижался к земле, закрыл глаза и стал ждать. Секунда, другая. Граната не взорвалась. Какое счастье! Я с облегчением вздохнул.

Я снова приказал приготовить гранаты к бою. Повторилось все сначала.

Гранаты вновь полетели в траншею. На этот раз мы поднялись и, минуя дом, устремились к траншее. От разрывов собственных гранат темнело в глазах. Солдаты противника прятали головы в траншее. И вот уже под моим мечом зазвенела стальная каска вражеского солдата. В это время противник открыл пулеметный огонь по атакующим. И в ту же секунду упали как подкошенные мичман Мияо и матрос 1 класса Хатта, которые следовали за мной. Весь 1-й взвод с карабинами наперевес дружно ворвался в траншею. Мой первый удар по голове вражеского солдата не удался. Стальная каска с широкими полями прикрывала не только голову, но и его плечи. Он уже собирался выстрелить в меня из винтовки, но я, изловчившись, вонзил ему меч в шею, которая на секунду показалась из-под каски. Солдат мешком осел на дно траншеи. (После этого случая я решил первым ударом опрокидывать врага, а вторым - отрубать голову мечом.)

В результате нашей штыковой атаки противник был смят. Он оставил траншею и обратился в бегство. Парашютисты стали преследовать убегающих. Не успевшие спастись бегством молили о пощаде, пятясь назад под дулами наших пистолетов.

Нас сильно беспокоило то, что главные силы противника могли начать отход из Купанга в нашем направлении, и нам пришлось бы вступить с ними в бой. Таким образом, мы могли погибнуть, находясь совсем близко от нашей цели - аэродрома.

Начало смеркаться. Мы ускорили движение к аэродрому, а чтобы избежать встречи с главными силами противника, решили уклониться влево, преодолеть лесистую возвышенность и подойти к аэродрому с тыла.

Последовал приказ воспользоваться временным затишьем и сосредоточить подразделения вблизи штаба батальона. Я со своей 1-й ротой должен был проложить путь до лесистой возвышенности слева. Рота почти вся собралась возле меня.

- Командир, справа на дороге противник! - доложили мне.

Скоро я и сам увидел вражеских солдат.

Один, два, три... всего около пятидесяти человек. Слева из леса противник возобновил пулеметный огонь.

"Неужели враг разгадал наши намерения?" - подумал я. Сердце защемило от одной мысли, что придется отступать.

Вдруг вперед выскочил с легким пулеметом смельчак, матрос 2 класса Ямамото из взвода управления.

- А ну, попробуй подойди, деревенщина,- закричал он на австралийских солдат и открыл огонь. В душе моля бога, чтобы матрос продержался хоть немного, я присоединился к 1-му взводу. Кругом со свистом пролетали пули. Из легкого пулемета открыл огонь по противнику унтер-офицер-командир отделения 1-го взвода Фудзисава. Под прикрытием двух пулеметов я стал пробираться к возвышенности, стремясь войти в густые заросли, за мною устремилась моя рота. Фудзисава и Ямамото держались стойко, прикрывая нас своим огнем. Я пробирался сквозь густые заросли с японским мечом в правой руке и пистолетом - в левой, держа палец на спусковом крючке. За мной двигались остальные, поддерживая под руки легкораненых, а тех, кто не мог идти, несли на себе. Тяжелораненых мы были вынуждены оставлять.

Передвигаясь с трудом, мы достигли вершины высоты, когда уже наступила ночь. Высоту, покрытую густыми зарослями, окутала такая тьма, что вокруг ничего нельзя было различить. Смельчак матрос 2 класса Ямамото, вызвавшийся добровольно прикрывать нас огнем в трудную минуту, погиб. Пали смертью храбрых матросы 2 класса Осэра и Тамэики. Не зная, что мы изменили направление, они продолжали пробиваться к дороге на Купанг. Мы узнали об их смерти позднее, когда противник был окончательно разгромлен. Их трупы нашли под кокосовой пальмой почти у дороги примерно в километре от деревни Бабау. Рядом был легкий пулемет, повернутый в сторону противника. Отступающий противник не мог не заметить их, но надругательств над ними никаких не сделал.

Позднее тяжелораненые рассказали, что санитары австралийской армии оказывали помощь японским солдатам, получившим тяжелые ранения, и оставляли их на месте. Мы не могли не благодарить их от всего сердца за это, хотя они и были нашими врагами.

Мы выручаем своих товарищей

Поздней ночью на высоте закончилось сосредоточение

оставшихся в живых парашютистов, которым удалось оторваться от противника. Всех беспокоила одна и та же мысль, что мы еще не выполнили поставленную перед нами задачу - овладеть аэродромом Купанг.

В бою, который нам пришлось вести в течение дня, мы понесли большие потери, поэтому для нового наступления и овладения аэродромом нам необходимо было привести в порядок оружие, распределить боеприпасы и, наконец, принять

пищу, так как мы с утра ничего не ели. Нигиримэси, которыми нас снабдили в поход, так сильно пахли антисептическим средством, что их нельзя было взять в рот. Парашютисты с удовольствием пили только воду. Многие хотели захватить аэродром ночью, но для перегруппировки требовалось время, поэтому пришлось от этого отказаться. Выступать решили на рассвете.

Моя рота, которая днем приняла на себя, всю силу вражеского удара, имела самые большие потери. Все командиры взводов были убиты, погибла половина личного состава. Потому ее назначили в арьергард.

До аэродрома оставалось менее двух километров. Нас волновала судьба двух наших тяжело раненых товарищей - младшего лейтенанта Нагаминэ и матроса 3 класса Йоцумото, оставленных в деревне Бабау. Было решено сходить за ними.

В сопровождении ординарца матроса 1 класса Дана и трех-четырех парашютистов из взвода управления я отправился на их розыски.

Скоро мы достигли деревни Бабау. Приблизились к одинокой хижине. Мы действовали очень осторожно. Меня могли убить, а тогда кто бы стал командовать ротой в самый ответственный момент - при захвате аэродрома. Послышались шорохи. Мы напряженно вслушивались. В зубах мы держали полотенце, чтобы заглушать звуки собственного дыхания. По вот шорохи смолкли, и мы не смогли определить, кому они принадлежали - вражеским разведчикам или диким свиньям, собиравшим отбросы.

Стояла мертвая тишина, деревня казалась безлюдной, только изредка раздавался отдаленный лай собак. Кругом была непроглядная тьма. Неужели в деревне нет противника? Да у нас и не было ни малейшего желания вступать в бой с врагом, нам нужно было отыскать своих товарищей.

Вдруг снова послышались какие-то странные звуки. Мы замерли. Что-то двигалось в нашем направлении. Я до боли напряг глаза и в черной тени, которая приблизилась к нам, разглядел бездомную собаку. Невольно вырвался вздох облегчения. Только бы не залаяла, тогда беда. Я лег на траву и

замер. Остальные сделали то же самое. Вот собака остановилась совсем рядом. Тут я вспомнил про рассказ из школьного учебника о том, как один мальчик в лесу притворился мертвым и его медведь не тронул, Я решил сделать то же самое, только слегка приоткрыл глаза, чтобы быть наготове на всякий случай. Животное обнюхало меня с головы до ног и удалилось. Опасность, миновала.

Двигаясь дальше, мы заметили на дороге бронетранспортер, отбитый у противника во время дневного боя. Поблизости никого не было видно.

Держа наготове пистолет, я осторожно приблизился сбоку к бронетранспортеру и негромко произнес: "Раккасан!"[17]. Внутри послышался шорох. Я крикнул еще раз и услышал ответ: "Раккасан!" Оказалось, что там сидели разыскиваемые нами командир взвода младший лейтенант Нагаминэ и матрос 3 класса Йоцумото. Подошли сопровождавшие меня парашютисты, и мы вытащили из бронетранспортера своих товарищей. Я взвалил на плечи Йоцумото, дал ему в руки свой пистолет, и мы тронулись в обратный путь.

Услышав шаги, сидевшие в бронетранспортере Нагаминэ и Йоцумото подумали, что приближается враг, чтобы захватить их в плен. Они уже приготовили ручные гранаты.

По очереди неся на спине раненых, мы благополучно возвратились на высоту, но пришли туда значительно позже намеченного времени. За нас беспокоились, так как уже началась подготовка к выступлению.

Матрос 3 класса Йоцумото, раненный в плечо, скончался, едва мы вернулись в расположение батальона. Ему не помогла перевязка из индивидуального пакета. Перед смертью этот совсем еще молодой матрос жадно выпил несколько глотков воды и вскоре затих.

- Всем примкнуть штыки! - раздалась приглушенная команда командира батальона. Мы с волнением примкнули штыки, взяли карабины на караул и отдали последние почести умершему воину. В темноте зловеще поблескивали лезвия штыков. Установилась мертвая тишина. Затем эту тишину нарушила новая команда: - Вперед, на вражеский аэродром!

Аэродром был пуст

Мертвая тишина стояла в густом лесу в этот ночной час. Казалось, что деревья погрузились в глубокий сон. Даже москиты, которые постоянно досаждали нам, и те притихли.

Еще днем нам удалось задержать четырех местных жителей. Мы их решили использовать в качестве проводников. Они шли в голове нашего батальона. Трое из них скоро сбежали, оставшегося

пришлось привязать на веревку.

В моей роте было много раненых, необходимо было нести их на плечах или поддерживать под руки. Особенно тяжело было преодолевать спуски и пробираться сквозь колючий кустарник и деревья, опутанные лианами. Всех мучила жажда. Останавливались пить у каждого источника, который попадался на пути. Люди пили и наполняли водой пакеты из целлофана, чтобы захватить с собой.

По грубым подсчетам, до аэродрома должно было быть примерно два километра. Мы планировали до рассвета быть на месте, однако просчитались. Времени потребовалось значительно больше. И когда мы достигли последнего холма, с которого был виден аэродром, уже наступил рассвет.

Угостив здесь туземца конфетами, мы отпустили его. И тут произошел забавный инцидент. Вдруг один из парашютистов отчаянно завопил. Туземец внезапно впился ему губами в руку. Парашютист подумал, что тот его собирается убить, но, видимо, у туземцев так было принято выражать свою благодарность.

Несмотря на то, что батальон понес большие потери и мы не успели до рассвета подойти к цели, парашютисты были полны решимости атаковать аэродром и захватить его. Я взял бинокль и стал внимательно наблюдать за обстановкой на аэродроме. В стороне от взлетно-посадочной полосы виднелся одинокий барак, видимо, там был командный пункт. Но кругом ни одного самолета! Пусто? А может быть, это не аэродром Купанг?

Кругом царила необыкновенная тишина. Никаких внешних признаков нахождения поблизости противника не удалось обнаружить.

Вскоре возвратился наш дозор и доложил, что солдат противника не видно, а наши войска уже здесь.

В Купанге к тому времени уже были наши сухопутные части. На аэродром под командованием мичмана Накао прибыли два взвода из состава морского десанта.

Противник одновременно с высадкой морского десанта оставил Купанг и отошел по шоссе, идущему из Купанга к португальскому порту Дилли, расположенному в северо-восточной части острова Тимор.

Так как у нас было много раненых, командир батальона Фукуми обратился к командованию с просьбой выслать нам на помощь медиков. В тот же день около полудня на аэродроме приземлился транспортный самолет, на котором прибыл военный врач Когима и с ним необходимый медицинский персонал.

Охрана аэродрома Купанг

В тот же день, то есть 21 февраля, когда первый эшелон парашютного десанта вступил на аэродром Купанг, оставленный врагом, второй эшелон десанта численностью около 250 человек под командованием лейтенанта Сакурада должен был быть выброшен на ту же поляну, покрытую зеленой травой, где приземлились и мы. По этой долине проходила единственная дорога, которая шла через деревню Бабау и связывала Купанг с восточной португальской частью острова. Как раз по этой дороге и отступал противник.

Наш парашютный десант, задачей которого было овладение аэродромом Купанг и обеспечение его охраны, не должен был попусту вступать в бой с отходящим противником.

Командир батальона отдал приказ обеспечить продвижение второго эшелона десанта к аэродрому Купанг, не вступая в схватки с противником. Для того чтобы провести второй эшелон к аэродрому, было решено послать навстречу ему знаменосца батальона старшину Уэхара и еще двух парашютистов. Старшина Уэхара был энергичным, остроумным парнем; я его знал еще с периода 1-го набора испытателей парашютов.

Получив задание, парашютисты, невзирая на усталость, сразу же отправились по тому пути, по которому продвигался первый эшелон. Им пришлось пересечь путь отступающего противника, даже вступить в перестрелку. В долине парашютисты нашли второй эшелон и провели его к аэродрому. Противник продолжал отходить по дороге на Купанг. Все же и второму эшелону пришлось столкнуться с врагом.

У выхода на дорогу, ведущую через густые заросли к аэродрому Купанг, парашютистов окликнули по-японски:

- Вы японские солдаты? Покажитесь! Кто-то из парашютистов попытался выйти из зарослей на прогалину, но в этот момент раздалось сразу несколько выстрелов и над ним, сбивая листья и сучья, защелкали по деревьям вражеские пули. С этого момента парашютисты стали осторожнее.

Пробираясь через густые заросли, изредка отстреливаясь, они наконец оторвались от противника и уже в сумерках прибыли на аэродром. Не обошлось без потерь. Погибло несколько человек, в том числе старший унтер-офицер Тогути.

Появление нашего десанта замедлило отход противника. Но он был настигнут главными сухопутными силами и уничтожен только через день после того, как мы прибыли на аэродром Купанг.

Одна пехотная рота, высадившаяся на мысе Мали, обходным

маневром пересекла путь отступавшим войскам противника. Это произошло на следующий день, после того как был сброшен второй эшелон парашютного десанта. Рота оборудовала позиции на высотах вдоль дороги на Купанг и встретила огнем главные силы отступающего противника. Однако в результате танковой атаки и обстрела тяжелой артиллерией противника она была почти полностью уничтожена вместе с командиром. Остались в живых один-два солдата.

Скоро к нам на аэродром прибыл офицер из штаба пехотной части и в беседе с командиром батальона Фукуми задал ему следующий вопрос:

- Почему ваш батальон, ведя бой с главными силами противника, не информировал об этом армейское командование? Пехота, высадившаяся без боя, была поражена, не встретив противника в городе Купанге, и ничего не предпринимала, оставаясь в неведении о противнике.

По этому поводу мне хотелось бы сказать несколько слов. Это произошло в основном из-за отсутствия средств связи в армии. Если в ВМФ придавали большое значение радио и всемерно развивали современные средства радиосвязи, то в сухопутных войсках дело обстояло совершенно по-иному. Один специалист по связи указывал, что радиосвязь в сухопутных войсках была еще только в зачатке. Мы вполне разделяли его мнение и с самого начала нашей операции не надеялись на радиосвязь с сухопутными частями. Я сам пришел к такому выводу, что надо было учесть все слабые стороны нашей операции в районе Манадо, тогда бы мы действовали с меньшими потерями в операции по захвату аэродрома Купанг.

Непреложным фактом остается то, что противник не хотел вступать с нами в бой. Мы вынудили его к этому сами, оказавшись на его пути к отступлению. Может быть, мое сравнение будет грубым, но получилось как по пословице, которая гласит, что "загнанная в угол крыса бросается на кошку".

Излишек бывает так же нежелателен, как и недостаток, Будь у нас на вооружении не устаревшее пехотное оружие, а новое, автоматическое, с которым легко воевать в густых лесах, имей наша армия на вооружении портативные радиопередатчики - все обстояло бы гораздо проще, мы, несомненно, выполнили бы задачу с меньшими потерями.

Мы хотели победить в бою, мы должны были во что бы то ни стало выйти победителями. Таким образом, наше желание было в то же время и требованием. Бои были серьезные, каждый должен был относиться к ним с полной ответственностью. У нас оставался только один путь - продвижение вперед.

На аэродроме нам достались 40-мм зенитные пулеметы противника в полной исправности. Боеприпасов к ним было вполне достаточно, поэтому мы оборудовали вокруг аэродрома восемь пулеметных точек и поставили там трофейные пулеметы вместо наших 20-мм пулеметов.

Подразделение аэродромного обслуживания, высадившееся вместе с сухопутными частями, сразу же приступило к своим обязанностям, и через несколько дней аэродром был готов к приему самолетов.

Ночью самолеты противника совершали налеты с территории Австралии и бомбили аэродром. Самолеты летали на большой высоте, так что огонь 40-мм зенитных пулеметов был им не страшен, однако в то же время и сброшенные бомбы не попадали в цель, поэтому взлетно-посадочная полоса оставалась целой.

Вскоре на аэродром прибыли истребители "Дзэро" 3-го авиационного отряда. Ежедневно днем над аэродромом появлялись один-два самолета типа "Локхид". Как правило, их у нас на глазах сбивали наши истребители.

Позже самолеты противника стали летать на бреющем полете, причем они появлялись непременно со стороны суши. Заметив на горизонте вражеские самолеты, наши истребители немедленно подготавливались к вылету, но часто случалось и так, что какой-либо самолет не успевал подняться и его накрывали вражеские бомбы.

Для своевременного оповещения о появлении самолетов противника мы решили оборудовать посты ВНОС в 20-30 морских милях от аэродрома на трассе, по которой совершали полеты вражеские самолеты. В деревню Блайн с этой целью были посланы два отделения. Они по радио сообщали на аэродром о появлении самолетов врага (радарных установок в то время еще не было).

Однажды на старшего унтер-офицера 1-го взвода Такано, когда он направлялся на наблюдательный пункт в сопровождении нескольких парашютистов отряда, неожиданно напали местные жители. Такано выхватил меч, нанес удар, и голова одного туземца отлетела прочь. Остальные в страхе разбежались. После этого случая Такано прослыл героем среди туземцев. С созданием поста ВНОС в деревне Блайн была ликвидирована опасность внезапного налета вражеских самолетов.

Позже на аэродром прибыли наши средние бомбардировщики. Они начали совершать налеты на порт Дарвин. Их прикрывали истребители "Дзэро".

Так аэродром Купанг стал важной авиационной базой, опираясь на которую можно было наносить удары

непосредственно по Австралии.

Боевые действия по умиротворению. Переформирование

Оба парашютных батальона, действовавших в районе Манадо на острове Целебес и в районе Купанга на острове Тимор, в последующем получили приказ на проведение операций по умиротворению на близлежащих островах.

Для выполнения этой задачи потребовалось несколько месяцев.

Батальон Хориути, действовавший на острове Целебес, в ходе боев за Лонбокен, Тонпасо и другие пункты на полуострове Минахаса захватил много пленных, потеряв при этом всего несколько парашютистов.

1-й взвод 2-й роты, посланный для охраны аэродрома Давао на острове Минданао (Филиппины), при отражении ожесточенных налетов авиации противника был почти полностью уничтожен.

В последней декаде апреля 1942 года батальон Хориути был направлен с острова Целебес на Малые Зондские острова для проведения операции по умиротворению, В мае он высадился с моря на островах Ломбок, Сумба, Сумбава и Флорес и выполнил поставленные задачи.

Батальон Фукуми, завершив боевые действия в раине острова Тимор, в мае 1942 года передислоцировался на остров Амбоину, занимающий господствующее положение в северной части моря Банда. Используя этот остров в качестве плацдарма, батальон с боем высадился с кораблей на острова Кай, Ару, Танимбар и овладел ими.

В это время на острове Новая Гвинея и Соломоновых островах продолжались ожесточенные бои. В качестве подкрепления командование направило туда часть флота, действовавшего в районе Южных морей. В сентябре 1942 года отдельные корабли были срочно переброшены к острову Мили (Маршалловы острова) для обеспечения его обороны.

В конце 1942 года парашютные батальоны вернулись в Японию для переподготовки.

Вскоре после прибытия на родину командир батальона Фукуми, сильно подорвавший свое здоровье в результате длительного пребывания на фронте (с первых боев под Шанхаем в 1937 году до окончания описанных выше боевых действий в районе Южных морей) и отсутствия должной медицинской помощи, попал в военно-морской госпиталь и через некоторое время умер.

Для прохождения специальной подготовки личный состав обоих батальонов был направлен в военно-морскую артиллерийскую школу в Татэяма. Меня тоже прикрепили к инструктору, и я всецело отдался изучению способов ведения борьбы с авиацией противника и тактики наземных действий десантников.

В марте 1943 года подготовка в указанной школе была закончена. Личный состав обоих батальонов был снова сведен в одну парашютную часть, получившую название 1-го особого парашютно-десантного отряда военно-морской базы Йокосука.

Командиром отряда был назначен капитан 3 ранга Карасима, а его заместителем капитан-лейтенант Мураяма, окончивший военную школу вместе со мной. Отряд получил пополнение, и его численность достигла 1500 человек. Для завершения формирования он был переброшен в район Курихама (префектура Канагава), где разместился во временных казармах на берегу моря.

Парашютная подготовка личного состава отряда проводилась на базе военно-морской авиации Кисарадзу (префектура Тиба), куда он был направлен из района Курихама. Здесь же отряд заканчивал приготовление к выступлению.

Как уже отмечалось выше, еще до войны, во время проведения тренировочных прыжков с парашютами на авиационной базе Татэяма были случаи нераскрытия парашютов в воздухе, которые приводили к потерям в личном составе. Однако мы не имели тогда возможности принять все меры к устранению причин аварий и были вынуждены отправиться на выполнение боевых заданий с несовершенными парашютами. Теперь же, после возвращения на родину, мы снова стали настойчиво добиваться улучшения парашютов, и дело увенчалось успехом. Усилия парашютистов и специалистов из соответствующих органов в конце концов привели к тому, что парашют образца 1 был значительно усовершенствован. Производство более совершенных парашютов системы "Найно" (см. подробно о них в Приложении) было налажено на заводе компании "Фудзикура", которая стала снабжать ими отряд.

Новые парашюты, конечно, полностью не гарантировали нас от несчастных случаев. Но зато теперь исключалась возможность нераскрытия парашютов в воздухе и, следовательно, гибель парашютистов по этой причине.

При подготовке к проведению выброски десантов в районах Манадо на острове Целебес и Купанга на острове Тимор прыжкам с парашютами обучались только боевые подразделения. Личный состав подразделений обслуживания к этому виду подготовки не

привлекался.

Однако опыт боев в указанных районах показал, что наши взгляды на этот счет и действия были ошибочными. Во время боев за Купанг мне и моим товарищам приходилось переносить на себе раненых, в результате чего значительная часть парашютистов не могла активно участвовать в выполнении боевых задач. Кроме того, личный состав боевых парашютных подразделений по своему моральному уровню существенно отличался от личного состава подразделений обслуживания, и это затрудняло управление отрядом в целом. Тогда я понял, что бой должен вестись совместными усилиями всех родов войск и служб, Поэтому было решено в будущем при проведении воздушно-десантных операций с парашютами выбрасывать весь личный состав отряда, включая так называемые подразделения обслуживания.

Были приняты также меры по улучшению вооружения парашютистов.

Во время боевых действий в районах Манадо и Купанга парашютисты имели при себе пистолеты и ручные гранаты. Прыгать с более громоздким оружием, например, с карабинами и легкими пулеметами, было очень трудной опасно, так как это могло привести к нераскрытию парашютов. Правда, в районе Купанга отдельным парашютистам удалось выброситься, имея при себе легкий пулемет или тяжелый гранатомет, но такой прыжок не всегда мог быть удачным.

До начала войны мы неоднократно поднимали вопрос о специальном оружии для парашютистов. Но ввиду того, что военно-морской флот в то время не имел собственных предприятий по производству вооружения для воздушно-десантных войск и вынужден был получать его у сухопутной армии, наши требования и конкретные предложения остались невыполненными, и мы были вынуждены первый раз отправиться на фронт с обычным оружием.

Теперь же, после возвращения в Японию, наши желания были удовлетворены: мы получили разборное и складное оружие. Например, карабин или винтовку можно было легко разъединить на две части и затем снова без труда собрать. У модернизированного легкого пулемета сошки складывались надвое, и когда ствол отделялся от рамы, то пулемет представлял собою две компактные части.

Во время проведения тренировочных прыжков мы освобождали ранец запасного парашюта, подвешиваемого на груди, и помещали в него оружие в разобранном виде. Это позволяло нам легко совершать прыжки с оружием. (Для прыжков

с оружием в боевой обстановке потом были изготовлены специальные приспособления.)

Попытка спасти остров Атту

Создание отряда "Сирагику"[18]

Личный состав нашего парашютного отряда, размещенного в районе Курихама, через некоторое время был переброшен на базу морской авиации Кисарадзу, где с ним усиленно проводились занятия по парашютной подготовке и тактике наземных действий с целью быстрее и лучше подготовить батальон на случай срочного выступления.

Я занимал должность командира 1-й роты и одновременно отвечал за парашютную подготовку всего отряда, поэтому безотлучно находился в Кисарадзу.

В то время в районе Новой Гвинеи и Соломоновых островов продолжались напряженные бои за отдельные острова и важные опорные пункты.

С августа 1942 года, когда противник высадил десанты сначала в Тулаги, а затем на острове Гуадалканал, части нашей сухопутной армии и военно-морского флота вели тяжелые бои. В феврале 1943 года японские войска закончили планомерный отход с острова Гуадалканал и в связи с активизацией действий противника, создавшего в этом районе перевес в силах, стали переходить к обороне .

На южном участке фронта, в районе Новой Гвинеи и Соломоновых островов, создалось серьезное положение. Даже молодежь в армии, до этого мечтавшая только о блистательном наступлении, поняла, что в будущем предстоят еще большие трудности, и прониклась чувством большой ответственности.

12 мая 1943 года американские войска неожиданно начали высадку на остров Атту. Таким образом, противник начал переходить к наступательным действиям не только на южном, но и на северном направлениях. Военная обстановка все более складывалась не в нашу пользу.

Гарнизон острова Атту был изолирован. В случае его гибели наша оборона на северном направлении могла оказаться под угрозой. Более того, утрата острова Атту и находившегося на нем гарнизона могла отрицательно повлиять на моральное состояние других наших гарнизонов на обширном театре военных действий.

В целях удержания острова Атту и, что более важно, поднятия боевого духа личного состава вооруженных сил верховная ставка и морской генеральный штаб приняли решение срочно направить туда на средних бомбардировщиках образца 1 сводное

парашютное подразделение численностью 800 человек (500 человек для укомплектования этого подразделения должна была выделить армия, остальных-военно-морской флот).

Для успешного выполнения задачи такими небольшими силами необходимо было тщательно отобрать людей. Не дожидаясь сформирования сводного парашютного подразделения, наш командир Карасима отобрал из числа подчиненного ему личного состава 300 лучших парашютистов и организовал из них отряд , которому мы сами дали название "Сирагику". Командиром этого отряда был назначен я. Мы сразу же, не теряя времени, начали подготовку к предстоящим действиям в условиях севера. Отряд, состоявший почти из одних унтер-офицеров, представлял собой цвет японских парашютистов ВМФ.

На задание отряд должен был вылетать с авиабазы военно-морского флота в Титосэ на острове Хоккайдо. Поскольку средние бомбардировщики, на которых мы должны были лететь, едва покрывали расстояние до острова Атту, а также ввиду большой облачности над этим островом и скорости ветра, достигавшей 20м/сек, операция была крайне опасной. Но экипажи самолетов и парашютисты были преисполнены решимости выполнить задачу во что бы то ни стало, понимая, что надежды вернуться на свою базу у них нет.

После получения приказа о подготовке к проведению воздушно-десантной операции на острове Атту в целях обеспечения ее секретности нам запретили увольнения из расположения отряда. Все время отнимали занятия, в ходе которых отрабатывались прыжки с парашютами И наземные боевые действия десантников.

В это время в военно-морской госпиталь Нокоро, находившийся недалеко от Курихама, в тяжелом состоянии был помещен мой младший брат, служивший на подводной лодке в качестве старшего артиллерийского офицера. В период боевых действий в водах Соломоновых островов он заболел лихорадкой, к которой затем прибавились сильные боли в области грудной клетки. Состояние здоровья брата было тяжелое; он находился при смерти. Однако я из-за чрезмерной занятости по службе совершенно не имел времени навестить его. В самый последний момент, перед вылетом на остров Атту, мне все же удалось побывать у него в госпитале.

Выслушав мой рассказ о смелой операции, в которой мне предстояло участвовать, брат очень обрадовался. Сильно похудевший и окончательно прикованный болезнью к постели, он слабым голосом подбадривал меня.

Вернувшись в Кисарадзу, я через несколько дней получил

телеграмму о смерти брата. Немедленно выехав в госпиталь, я застал холодный труп, накрытый покрывалом. С помощью друзей, искренне сочувствовавших мне в постигшем горе, я похоронил брата.

Утрата была очень тяжелой для меня. Я потерял горячо любимого брата. Но плакать я не мог - уже не было слез. Они еще раньше были израсходованы на оплакивание многих товарищей, погибших на моих глазах. К тому же личное горе оплакивать нельзя.

"Я отомщу врагу за тебя, брат! Возможно, и мне в скором времени придется лечь рядом с тобой",- так рассуждал я, пытаясь отделаться от охватившей меня печали.

Мой брат умер в одиночестве, молясь за победу в войне и безопасность родины. Его черные глаза, ставшие безжизненными, еще несколько дней назад выражали сначала успокоение, а затем радость от того, что я был рядом с ним. Я чувствовал себя виноватым перед ним. Если бы я чаще навещал его, было бы лучше. Но война, служба, положение командира и сама совесть не позволяли мне сделать это. Я никогда не забывал о служебном долге, даже за чаркой сакэ в свободное время. Воинская дисциплина, дух императорского флота и, наконец, борьба были превыше всего.

Трудно перечислить всех Молодых людей, которые расстались с жизнью в годы войны, будучи такими же чистыми и невинными в своих мыслях, как мой брат.

Когда самолеты, которые должны были доставить отряд "Сирагику" на остров Атту, сосредоточились на авиационной базе военно-морского флота Кисарадзу и уже закончили подготовку к вылету, пришло известие о том, что героически сражавшийся гарнизон острова Атту погиб. Верховная ставка и морской генеральный штаб, считая, что наша воздушно-десантная операция на острове Атту не поможет выправить создавшееся положение, да к тому же ее было трудно осуществить технически из-за сильных ветров и туманов в районе этого острова и значительного расстояния до него, отменили приказ. Настроение у нас от такого оборота дела резко ухудшилось.

Парашютный отряд, забытый в районе Южных морей

Положение на южном фронте в районе Соломоновых островов, где основной нашей базой был Рабаул (остров Новая Британия), становилось все более напряженным. Ежедневно с утра до наступления темноты там шли ожесточенные воздушные бои.

В ходе этих непрерывных тяжелых боев выявилась нехватка у нас самолетов и летного состава.

Хотя Япония выпускала значительное количество самолетов и широко развернула подготовку летного состава, этого все же было далеко не достаточно, чтобы полностью удовлетворить потребности фронта в условиях подавляющего материального превосходства противника и высоких темпов его наступления,

Вследствие этого многие оперативные планы, разрабатывавшиеся японским командованием с целью воспрепятствовать противнику вести активные наступательные действия, оказались неосуществленными. Такая же участь постигла и воздушно-десантную операцию, которую намечалось провести на острове Атту с целью оказания помощи осажденному гарнизону.

Спустя некоторое время пошли слухи о готовившейся воздушно-десантной операции с целью захвата аэродрома у подножия хребта Оуэн-Стэнли на острове Новая Гвинея. Этот аэродром использовался противником для вывоза золота с прииска. Он имел также большое военное значение: захватив его, мы смогли бы обеспечить себе превосходство в воздухе в этом районе и оказывать поддержку наземным войскам в случае их контрнаступления на острове Новая Гвинея. Однако время для осуществления и этой операции было упущено.

Наступил сентябрь 1943 года. Парашютный отряд, располагавшийся в районе Курихама, получил приказ командования направить роту Сумида и роту Миямото на уединенный остров Науру для несения гарнизонной службы. Главные силы отряда в составе трех парашютных рот, а также подразделений: скорострельной артиллерии, связи, медицинского, транспортного, инженерного и финансового, общей численностью около 900 человек во главе с командиром Карасима были переброшены на остров Сайпан (Маршалловы острова).

Переброска на Сайпан устраивала парашютистов по

следующим причинам. Во-первых, они сами неоднократно обращались в морской генеральный штаб с просьбой предоставить им возможность участвовать в боевых действиях; штаб принял решение перебросить главные силы нашего отряда на остров Сайпан, полагая, что отсюда при необходимости отряд без особого труда может быть брошен на любой участок южного фронта. Во-вторых, смерть даже в результате несчастного случая во время тренировочных прыжков на острове Сайпан можно было считать как гибель на боевом посту, тогда как в случае нахождения в самой Японии этого нельзя было сказать. Далее, остров Сайпан в отличие от Японии в тот период был богат сахаром и фруктами, что, безусловно, должно было обрадовать парашютистов. Одним словом, решение морского генерального штаба о переброске отряда на остров Сайпан явилось, с одной стороны, проявлением чуткости к парашютистам, а с другой-мероприятием, направленным на усиление обороны во внутренней зоне района Южных морей.

По прибытии на Сайпан меня, как и раньше, назначили ответственным за проведение парашютной подготовки личного состава. Однако, к большому сожалению, нам не было выделено ни одного самолета, пригодного для совершения с него прыжков с парашютами. Дело в том, что все самолеты были постоянно заняты на доставке вооружения и боеприпасов войскам, действовавшим на южном фронте. И мы не имели никакой возможности получить хотя бы один самолет.

Нас расквартировали на территории базы гидросамолетов на западном побережье центральной части и в помещениях аэродрома Аслито в южной части острова. Наша подготовка заключалась преимущественно в отработке способов ведения наземных действий десантников. Самолетов на аэродроме в то время совсем не было, если не считать тех, которые совершали рейсы из Японии на фронт и иногда делали здесь посадку.

Однажды на базе гидросамолетов произошел трагический случай, который навсегда останется в моей памяти. На базу прибыла большая летающая лодка с летчиками на борту. Эти летчики были сняты с отдаленных мелких островов, входящих в группу Маршалловых. Летчиков везли в Японию. На взлете от резкого толчка взорвалась бомба весом в 60 кг, подвешенная на всякий случай. Все, кто находился на борту лодки, погибли.

Личный состав парашютного отряда из-за отсутствия транспортных самолетов был обречен на бездействие на уединенном острове, до которого противник еще не добрался.

После воздушных боев в районе острова Бугенвиль в конце ноября 1943 года противник высадил морские десанты на

островах Тарава и Макин. И несмотря на это, у нас все оставалось по-прежнему-никакого приказа об использовании нашего отряда не последовало. Мы были в положении постороннего наблюдателя, который, сложив на груди руки, следит за происходящим на его глазах. Это означало, что наш отряд уже перестал являться боевой единицей, которую можно было бы бросить на передовую линию. Создавшаяся к тому времени сложная обстановка на фронтах и нехватка самолетов привели к тому, что отряд оказался в положении сироты, забытой в водах далеких Южных морей.

Чувствовалось, что в войне на море действия авиации стали играть ведущую роль. И нам было ясно, что Япония ощущает острую нехватку в летчиках и самолетах. Чтобы выправить положение, требовались прежде всего самолеты и летчики, а для решения этой проблемы необходимо было время.

Разве нет возможности задержать продвижение противника?

На южном фронте по-прежнему шли ожесточенные бои. Однако у нас на острове Сайпан день за днем проходил мирно и спокойно.

Аэродром Аслито почти пустовал. На нем в день приземлялось всего один-два самолета. Он расположен на отлогом склоне огромного холма в южной части острова. С аэродрома хорошо было видно, как поблескивает синее море в лучах яркого солнца.

В Аслито начинается автомобильная дорога, которая проходит по морскому побережью через населенные пункты Чаранканоа, Ореай до Гарапана, находящегося в центре острова и являвшегося единственным цветущим городом.

В этом городе имелись здания административных учреждений и компании, жилые дома японских резидентов, торговые лавки, закусочные и т. д. По своему виду он очень напоминал японский городок. Но жизнь на богатом сахаром острове Сайпан была гораздо легче, чем в Японии.

Парашютисты вскоре завоевали большую любовь японских резидентов, которые называли их "тигрятами острова". Женское общество "Защита родины" и другие организации устраивали для парашютистов театральные представления, между спортсменами отряда и местными японцами проводились состязания. Все это способствовало установлению дружественных отношений.

Ананасы и прекрасное виски из сахарного тростника доставляли нам огромное наслаждение. По сравнению с Японией этот остров казался нам сказочным роскошным дворцом, земным раем.

В штабе эскадры, действовавшей в центральной части Тихого океана (эскадрой командовал вице-адмирал Минамигумо), уверяли, что противник не станет занимать этот остров.

Штаб соединенной эскадры и морской генеральный штаб, вероятно, считали, что противник, овладев Соломоновыми островами, в дальнейшем нанесет удар по Рабаулу или устремится на остров Трук. Ввиду этого не только береговые орудия, но даже и зенитная артиллерия, присланная для обороны острова Сайпан, была срочно переброшена на остров Трук и в Рабаул. В результате этого гарнизон, оборонявший Сайпан, оказался почти лишенным артиллерии.

Смена времен года обогащает чувства людей и позволяет

дольше хранить воспоминания о прошлом. Но в южных странах, где нет заметного деления на времена года, положение несколько иное. (Правда, если присмотреться к природе внимательно, то можно заметить, что листья даже вечнозеленых растений примерно в течение одной декады осени темнеют и увядают, что напоминает листопад в Японии, но обычно этого не замечают.) Если пожить там больше года, прошлое не исчезнет совсем из памяти, но трудно будет сохранить точное представление о минувших событиях, если не вести дневник, так как они не будут ассоциироваться со временем и человек не сможет установить их последовательность. Людей, у которых наблюдался такой "упадок памяти", называли "слабопамятными Южных морей".

Среди личного состава нашего отряда имелись и такие парашютисты, которые оптимистически смотрели на все и с издевкой подсмеивались над теми, кто отваживался высказывать опасения за будущее. У некоторых даже совсем притупилось чувство бдительности.

Подходил к концу 1943 год, а наш парашютный отряд, томившийся от вынужденного безделья, все более и более превращался в группу "слабопамятных Южных морей". Военная обстановка складывалась не в нашу пользу. Японские войска все чаще вынуждены были переходить к обороне. Под влиянием неблагоприятных вестей с фронта настроение у личного состава отряда ухудшалось.

В конце концов было решено послать в морской генеральный штаб офицера с поручением добиться использования нашего отряда в боевых действиях. Выбор пал на меня, и я вылетел в Японию.

В штабе мне сухо сказали, что пока не представляется возможности использовать наш отряд в боевых действиях. Пораженный холодным ответом, я решил остановиться на несколько дней в токийском морском клубе "Суйкося" и ежедневно ходить на переговоры с начальством, пока не добьюсь своей цели.

В самой Японии народ также был обеспокоен создавшейся обстановкой на фронте. Когда я первый раз зашел поужинать в столовую клуба и присел за стол, ко мне, загорелому, одетому в полевую форму, которая свидетельствовала о том, что я только что прибыл с южного фронта, подошли сразу несколько человек обслуживающего персонала и стали задавать различные вопросы. Все они касались будущего положения Японии. Я заверил своих собеседников, что все будет хорошо, и дал им понять, что если противник попытается предпринять наступление на Японию, то он будет непременно разгромлен и что поэтому не следует

беспокоиться.

В разговоре я намекнул на сакэ. Шеф-повар шепотом сказал мне, что их столовую посещают главным образом старшие и высшие офицеры и, несмотря на это, сакэ здесь не подается. (Я был тогда всего-навсего капитан-лейтенантом.) Но в конце концов в знак благодарности за проведенную с ними беседу он принес мне бутыль сакэ емкостью около 2 л, которую я взял с собой. При этом шеф-повар предупредил меня, чтобы я никому не говорил об этом.

Такое чуткое отношение до слез тронуло меня, фронтовика. Когда я увидел, как простой народ обеспокоен создавшимся положением, во мне с новой силой заговорило чувство долга. И, выпив сакэ, я стал раскаиваться в том, что позволил себе такую блажь в столь трудное для родины время.

Находясь в столице, я продолжал ходить в морской генеральный штаб. Но каждый раз приходилось слышать одно и то же: "Самолетов нет и использовать ваш отряд не можем. В создавшейся обстановке не представляется возможности проводить воздушно-десантные операции".

Однако мне казалось просто нелепым в такой серьезной обстановке на фронте держать отлично подготовленную часть численностью около 1000 человек в бездействии. Я спрашивал, для чего создавали парашютный отряд, если он не нужен. Я говорил, что мы буквально до самопожертвования занимались подготовкой, стремясь как можно лучше отшлифовать свое мастерство, поэтому нас не должны игнорировать, наконец, я даже просил расформировать наш отряд, если он стал лишним. Меня успокаивали, разъясняя, что воинскую часть невозможно так просто создать или расформировать: на это требуется высочайшая санкция самого императора.

После такого ответа я уже собрался было направиться в резиденцию императора, но, подумав, что из моей затеи ничего не выйдет, отказался от своего намерения.

Тогда я стал просить, чтобы нашему отряду поручили какое-нибудь интересное дело. И тут-то я и узнал многое о военной обстановке.

Хотя молодым людям, таким, как я, и не были известны оперативные планы морского генерального штаба, но я чувствовал, что там изучают различные способы остановить наступление противника, продвигавшегося в северном направлении и постепенно занимавшего Соломоновы острова. Одновременно принимались меры к тому, чтобы форсировать производство самолетов.

В то время в составе вооруженных сил Англии имелось

несколько хорошо подготовленных диверсионно-разведывательных отрядов, называвшихся "Командос".

Эти отряды действовали обычно ночью, причем, перед тем как отправиться на задание, личный состав прибегал к маскировке: переодевался в форму противника, окрашивал руки и лица черной краской и т. п. Нащупав слабые места в расположении немецких войск, которые были сильно растянуты на широком фронте, отряды "Командос" скрытно проникали в занятые немцами пункты на западном побережье Европы. Они совершали налеты на управления портов, радио- и телефонные станции и т. п., сильно беспокоя противника. Одним словом, с помощью этих небольших подразделений англичанам удавалось добиваться значительных результатов.

Противник, стремясь поддерживать высокие темпы продвижения в районе Соломоновых островов, не уделял должного внимания обороне занятых районов. В его слабо защищенном тылу были сосредоточены большие запасы боеприпасов, горючего и других военных материалов.

Имелась реальная возможность воспользоваться опытом действий английских диверсионно-разведывательных отрядов. Неожиданные налеты на тылы противника могли вызвать замешательство, что привело бы к замедлению темпов его наступления, и это можно было бы использовать в целях форсирования производства самолетов. Несмотря на то, что необходимо было как можно быстрее подготовиться к проведению таких операций, дробить для этой цели наш парашютный отряд было нецелесообразно. Поэтому командование, решив осуществить ряд ударов по тылам противника, наметило сформировать один отряд за счет части сил нашего парашютного отряда, закончившего к тому времени подготовку на острове Сайпан, и еще несколько отрядов создать и обучить в Японии.

При этом была дана установка, что такие отряды должны будут перебрасываться в район действий на подводных лодках, скрытно высаживаться в расположении противника и внезапными налетами вызывать у него беспорядки.

Помимо обычного вооружения, имевшегося в нашем парашютном отряде, диверсионно-разведывательный отряд должен был иметь фугасные и зажигательные заряды замедленного действия, а также специальные сигнальные свистки, с помощью которых можно подражать голосам птиц, обитающих в южных странах.

Парашютисты, действующие с подводных лодок

Вернувшись на остров Сайпан, я подробно доложил командиру отряда Карасима о результатах своей поездки в Токио, и мы сразу же приступили к формированию диверсионно-разведывательного отряда, который должен был действовать с подводной лодки.

Однако среди офицерского состава парашютного отряда нашлось много таких, которые неодобрительно смотрели на это дело. Они считали, что в будущем обязательно представится возможность проводить воздушно-десантные операции, а поэтому предлагали парашютному отряду не связываться с "неповоротливой черепахой", как они с пренебрежением называли подводную лодку. Они подвергали сомнению идею создания диверсионно-разведывательных отрядов, утверждая, что эта затея приведет только к ненужной гибели людей.

В то же время среди парашютистов было немало и таких, которые, услышав о предстоявших операциях, стали просить о зачислении во вновь создаваемый отряд.

Я не меньше, чем кто-либо другой, питал чувство любви и привязанности к парашютному отряду, на обучение которого отдавал все свои силы с первого дня его существования. Но я понимал, что при сложившейся военной обстановке невозможно рассчитывать на проведение воздушно-десантных операций, вследствие чего был согласен с формированием за счет парашютного отряда другого подразделения, которое могло бы активно участвовать в боевых действиях даже, если потребуется, с так называемой "неповоротливой черепахи".

В моей роте служил младший лейтенант Сэнно. Он отлично владел приемами штыкового боя и был хорошим гребцом, не раз одерживал победу на состязаниях, проводившихся между армией и флотом. Этот офицер являлся ветераном войны, участвовавшим в боевых действиях с начала войны против Китая, отличался здравым суждением. Я не раз пользовался его советами, которые были весьма ценны.

Во время нашего пребывания на юге Сэнно каждый вечер перед тем, как повесить над постелью защитные сетки от москитов, обязательно разводил под полом жилья огонь, дым которого отгонял этих надоедливых насекомых. По его совету были вырублены все деревья и кустарники, росшие у наветренной стороны жилья. Благодаря этому у нас по сравнению с другими

подразделениями было очень мало случаев заболевания малярией. Сэнно поучительно говорил мне: "Командир, в походных условиях не следует устраивать роскошные казармы, обставлять их и т. п., чтобы жить в них с такими же удобствами, как в Японии. Дело в том, что во время перемещений после длительного пребывания на одном месте возникнет много забот и беспокойств, что может явиться причиной ухудшения морального состояния личного состава". Я понимал, как справедливы эти слова, и чувствовал, что настало время, когда наш отряд на Сайпане должен будет наделе последовать этому совету. Советы Сэнно касались и парашютной подготовки.

Известно, что в прошлом даже великим людям нелегко было следовать принципу: "В мирное время не следует забывать о войне". А про нас, обыкновенных смертных, охваченных слепым благоговением перед мощью императорского военно-морского флота, нечего и говорить. Подобное благоговение испытывал и я, так как мне сравнительно много пришлось соприкасаться с высшими кругами со времени начала первых опытных прыжков с парашютом.

Новый отряд был создан в основном на базе моей 1-й роты. Он получил название-101-й особый десантный отряд военно-морской базы Сасебо. В его состав вошло свыше десятка парашютистов с большим боевым опытом из других рот. Среди них был и знаменосец парашютного отряда Уэхара. Это произошло 10 января 1944 года.

В Японии тем временем в военно-морской артиллерийской школе в Татэяма формировался 101-й особый десантный отряд военно-морской базы Куре, командиром отряда был назначен капитан 3 ранга Ямаока. Несколько позднее начал создаваться 102-й особый десантный отряд военно-морской базы Сасебо во главе с капитан-лейтенантом Цунэбан.

Эти по существу диверсионно-разведывательные отряды, предназначавшиеся для действий с подводных лодок, получили название "особых отрядов S", а операции, которые они должны были проводить,- "особых операций S".

Из Японии на Сайпан срочно прибыл специалист - офицер управления кораблестроения, и под его руководством стали проводиться практические занятия по применению фугасных и зажигательных боевых зарядов замедленного действия.

Имевшиеся в моем отряде взрыватели замедленного действия представляли собой небольшую коробочку объемом 20 см 3. В ней вместо часового механизма помещался предохранитель в виде проволочки из платинового сплава. К одному из концов этого предохранителя присоединялся детонатор. Как только

происходил разрыв предохранителя, детонатор срабатывал. Перед самым подрывом или поджогом объекта коробочка наполнялась специальной жидкостью (ее название я забыл), которая разъедала предохранитель. Время замедления взрыва зависело от диаметра проволочки предохранителя. Насколько мне припоминается, у нас имелось четыре разных предохранителя, которые обеспечивали замедление взрыва соответственно на 1, 3, 15 и 30 минут.

Фугасные и зажигательные заряды были небольшими, удобными для переноски, они весили около 3 кг.

Однако взрыватели замедленного действия были несовершенны. Они срабатывали неточно, что представляло собой серьезную опасность. В связи с этим я дважды вылетал в Японию, но безрезультатно.

Скоро до меня дошел слух об изобретении нового взрывчатого вещества огромной разрушительной силы, небольшое количество которого (размером со спичечную коробку) будто бы может разнести целое здание. Говорили, что якобы изобретатели этого вещества погибли при проведении опытов. Я попробовал сделать запрос об этом взрывчатом веществе в морской генеральный штаб, но мне ответили, что слухи не соответствуют действительности.

Отправляться на выполнение сопряженных с большим риском для жизни специальных заданий, имея несовершенные заряды весом до 3 кг, было крайне опасно. Мне казалось, что в таком большом военно-морском флоте, каким являлся наш, должны быть более совершенные и мощные средства. Я писал в штаб, что с оружием, которое мы получаем от армии, можно только легко погубить себя, а не добиться крупных военных успехов, на которые рассчитывает командование, и просил помощи. В своем запросе я не стеснялся, так как меня крайне беспокоила судьба 250 дорогих, преданных мне подчиненных, которые могли через месяц расстаться с жизнью.

"Я не обманываю вас. Это все, что мы можем дать вам при настоящих возможностях Японии. Ведь вам должно быть известно, что мы до сих пор стремились удовлетворить все запросы вашего отряда, обеспечивая его по сравнению с другими воинскими частями самыми лучшими образцами оружия",ответил мне работник морского генерального штаба. От этих откровенных слов мне стало не по себе. Действительно, что можно было еще требовать, если в эту войну пришлось уделять главное внимание производству самолетов и подготовке летного состава, поскольку авиация превратилась в главную силу.

В результате непрерывных боев на истощение военно-

морской флот к тому времени был серьезно ослаблен. В личном составе флота появилось много совсем молодых розовощеких юнцов, которые были направлены на фронт после непродолжительного обучения и теперь участвовали в жарких боях с противником. Однако имелось еще и немало "старичков", прослуживших в армии по 20 и 30 лет, которые теперь оставались без дела. Находясь, подобно нашему парашютному отряду, на отдаленных островах, которые не интересовали противника, они вынуждены были изнывать от скуки.

Некоторые злые шутники из числа летчиков говорили, что в мире существуют три совершенно ненужные вещи: египетские пирамиды, Великая китайская стена и японский линейный корабль "Ямато".

И в самом деле, для Японии с ее скудными ресурсами иметь такой крупный корабль было роскошью. Неужели не было другого, более разумного пути развития флота? Однако в условиях, когда господствовала теория создания крупных кораблей с мощной артиллерией, японские военные руководители, будучи приверженцами английских концепций в вопросах военно-морского строительства, не стремились последовать примеру американцев, и никакие новые идеи не встречали поддержки. Чувствовалась недооценка исследовательской работы и ее отсталость.

Рассчитывать в таких условиях на получение более совершенных видов оружия для диверсионных действий отряда было бесполезно. Оставалось только положиться на способности подчиненного личного состава и судьбу.

"Ладно,-про себя решил я,-будем врываться в расположение противника с 3-килограммовыми подрывными зарядами. Мощь нашего удара скажется в том, что от наших подрывных зарядов будут взрываться бомбы противника, причиняя ему ущерб".

Специальная подготовка к "операции S"

Из Японии на остров Сайпан прибыла подводная лодка "И-43", которой командовал капитан-лейтенант Фукуда, окончивший военную школу вместе со мной. На ее борту находился "специальный катер S". Он устанавливался на палубе, и подводная лодка могла погружаться с ним и двигаться в подводном положении. В днище катера имелся продолговатый вырез длиной 80 см и шириной 50 см, который после всплытия подводной лодки на поверхность задраивался крышкой с резиновой прокладкой. Двигатель катера предохранял водонепроницаемый металлический кожух.

Во время высадки в расположение противника десантники должны были почти одновременно с всплытием подводной лодки быстро выбраться через люк на открытую палубу, освободить крепления катера и задраить отверстие в днище. После этого подводная лодка должна была погрузиться, а катер с десантникамиостаться на плаву. В это время требовалось снять с двигателя водонепроницаемый кожух, запустить двигатель, включить гребной винт и самостоятельно двигаться к берегу или нужному объекту.

Личный состав отряда прежде всего отрабатывал посадку на подводную лодку, затем действия во время ее погружения и всплытия и, наконец, посадку в катер для самостоятельного движения. Особых трудностей в этом деле не встретилось, и через несколько дней десантники уже могли в течение 5 мин. после всплытия подводной лодки подготовить катер для следования к объекту. Затем личный состав отряда целиком переключился на отработку приемов, которые были необходимы при выполнении различных заданий.

По внешнему виду японцы значительно отличаются от англосаксов, поэтому здесь у нас было мало шансов на то, чтобы подделываться под европейцев. Однако, зная, что солдаты противника носят волосы, командир приказал всему личному составу отряда в нарушение существовавшего во флоте порядка завести прически, и мы с большим нетерпением ожидали, когда отрастут волосы.

Основное внимание в нашей подготовке обращалось на развитие способности видеть в ночных условиях. Личному составу отряда раздали специальное пособие-брошюру, которая называлась "Способы развития силы зрения в ночных условиях".

В этом пособии говорилось, что сетчатка глазного дна имеет два вида нервов, один из которых чувствителен к световым лучам днем, а другой - ночью. Мы должны были стремиться к тому, чтобы, применяя научный метод, максимально развивать нерв, чувствительный к световым лучам ночью. С этой целью в брошюре рекомендовалось принимать больше пищи, богатой витамином А, и в течение длительного времени находиться в темноте с открытыми глазами. В связи с этим мы стали проводить занятия только ночью.

С заходом солнца по сигналу трубы, означавшему для нас подъем, мы вставали, приводили себя в порядок, шли не то завтракать, не то ужинать, а потом отправлялись на занятия. В течение всей ночи отряд совершал передвижения по острову, отрабатывая учебные задачи. С восходом солнца мы прекращали занятия и, "поужинав", весь день спали под защитными сетками от москитов в казармах, которые сильно накаляло южное солнце. Сначала нам не спалось днем, во всем теле чувствовалась усталость, голова была как будто не своя. Но через две недели после перехода на новый режим самочувствие улучшилось. Привычка большое дело!

В парашютном отряде также приходилось проводить занятия в ночное время, но они там не доходили до такой степени напряжения, как теперь у нас.

В результате систематических занятий через месяц после их начала мы были настолько подготовлены, что могли действовать в ночное время почти с таким же успехом, как и днем.

Однако как бы сильно ни был развит нерв, с помощью которого человек видит в ночное время, он не может различать предметы при полном отсутствии световых лучей. Мы убедились в этом на практике.

В центральной части Сайпана находится самая высокая гора острова-Тапотчау. У ее подошвы растет очень густой лес, в его чаще даже в полдень очень темно.

Однажды в этом лесу с нами произошел такой случай. Мы осторожно пробирались по тропинке, которая вела в глубь огромной лесной чащи. Вдруг я почувствовал, что моя нога, не встретив опоры, повисла в воздухе. Я успел схватиться за куст. Оказалось, что нахожусь на краю крутого обрыва. Не успел я прийти и себя от испуга и подать сигнал остальным, как раздался пронзительный крик. Это с обрыва сорвался старшина, сигнальщик Кимэбаиа. Немедленно был подан сигнал о прекращении движения, и мы с электрическими фонарями отправились на поиски сигнальщика. Наконец, он был найден. Во время падения старшина получил много ран и ушибов, состояние

его было очень тяжелое.

Некоторые стали даже завидовать животным, собакам и обезьянам, которые, как они думали, могут видеть в абсолютной темноте. Но это продолжалось недолго. Мы встретились с таким фактом, В том же лесу мы наткнулись на небольшую обезьяну, которая сидела на нижнем суку дерева. Еще миг - и один из парашютистов коснулся бы лицом ее морды. Обезьяна вначале не шевельнулась и не проявила никакого беспокойства, но потом поспешно убежала. После этого случая парашютисты стали думать, что и обезьяна, подобно человеку, ничего не различает в темноте при полном отсутствии света. А может быть, она спала в это время. Тем не менее после этого случая у многих пропала зависть к хорошему зрению животных.

Впоследствии, находясь на острове Трук, мы привлекали местных жителей для наблюдения за самолетами противника в дневное время. У них очень хорошее зрение, и, к немалому нашему удивлению, они, как правило, замечали самолеты противника раньше, чем лучшие наблюдатели из числа японцев.

Наш 101-й особый десантный отряд состоял из четырех взводов:

1-й взвод-командир лейтенант Сасада;

2-й взвод-командир младший лейтенант Каваути;

3-й взвод-командир младший лейтенант Нисио;

4-й взвод-командир младший лейтенант Яио.

Во взводе было по четыре отделения численностью по 10 человек, включая командира отделения. Отделение состояло из трех групп по 3 человека в каждой. Группа предназначалась для действий против одного какого-либо объекта.

Один из членов группы был вооружен легким пулеметом. Он обеспечивал огневую поддержку двум другим десантникам, которые имели карабины или автоматы, а также боевые заряды, при помощи которых гни производили подрыв или поджог объекта.

Такими объектами являлись самолеты, склады боеприпасов и горючего, электростанции, штабы и т. п. На острове были выбраны подходящие учебные объекты, на которых отрабатывались нужные приемы. Весь личный состав отряда был строго предупрежден о том, чтобы в ходе занятий не врываться в жилища и не позволять каких-либо других действий, которые могли бы встревожить жителей или личный состав отряда. Несмотря на это, однажды несколько шутников незаметно подкрались к радиолокационному посту на горе и с громким криком напали на часового сзади, сильно напугав его. Придя в себя, часовой долго смеялся вместе с виновниками этого

происшествия.

Неудавшийся налет на остров Моно

Меня вызвали на оперативное совещание (и одновременно для получения поздравления в связи с моим новым назначением) в штаб эскадры, находившийся на борту флагмана-линейного корабля "Ямато", стоявшего в то время на якоре у острова Трук.

В штабе эскадры я встретился с капитаном 2 ранга Такао, который когда-то руководил нашей учебной группой в военной школе. Теперь он стал штабным офицером эскадры по артиллерийской части. Такао многое сообщил мне о ходе войны. Он тогда сказал мне:

"Я не думал, что ты оставишь парашютный отряд и станешь командиром особого отряда. Хотя даже если бы и удалось сейчас провести воздушно-десантную операцию, от которой все пришли бы в восторг, все равно не удалось бы изменить военную обстановку, сложившуюся не в нашу пользу".

Уже по этим словам можно было судить об атмосфере, царившей в штабе соединенной эскадры. А обстановка в то время действительно с каждым днем становилась все более напряженной. Видимо, и сам командующий соединенной эскадрой переживал тяжелые дни.

"Теперь я уже не мечтаю о блестящей воздушно-десантной операции. Такие операции являются лишь средством для сближения с противником. Но прибегать к ним только ради этого нет необходимости",-ответил я Такао. Меня самого тогда точил червь сомнения.

Мне казалось, что медлительность с нашей стороны будет только на руку противнику: она позволит ему укрепить свои позиции, и тогда вряд ли добьются успеха наши диверсионно-разведывательные отряды. Я думал, что лучше сейчас начать действия с "неповоротливой черепахи", пока имеются какие-то возможности.

"Ямабэ! Не спеши найти себе могилу. Ведь с тех пор, как стали испытываться парашюты, уже немало погибло парашютистов, к тому же ты потерял своего любимого брата",-говорили мне некоторые офицеры в отряде. Но я отнюдь не собирался умирать собачьей смертью. Я хотел сражаться и погибнуть в бою.

Мне казалось, что метод внезапного нападения, к которому прибегал военно-морской флот в начале войны, снова увенчается успехом даже и в условиях неблагоприятной для нас обстановки,

И вот настало время, когда нужно было отказаться от мысли выжить. Только боевые действия, в которых люди заранее

обрекли себя на смерть, могли теперь обеспечить непременную победу. (Впоследствии, когда пал остров Сайпан , я еще не считал, что все потеряно, но у меня уже не было уверенности в победе. Настроение было такое, что я готов был делать все, не задумываясь, к чему это приведет.)

Мой отряд был подчинен штабу эскадры, действовавшей на юго-восточном направлении.

Вскоре из Рабаула на остров Сайпан прилетел штабной офицер по артиллерийской части капитан 3 ранга Дои. Он был прислан в качестве представителя штаба эскадры, ответственного за операции, которые должен был осуществлять наш отряд. Доставленный им приказ гласил: "Выйти из Рабаула, скрытно подойти ночью к острову Моно (Соломоновы острова), произвести высадку десанта и стремительным налетом уничтожить штаб противника, склады боеприпасов и горючего, самолеты и т. д."

В конце февраля 1944 года мой отряд, погрузившись на подводную лодку и моторное судно, покинул остров Сайпан и взял курс на Рабаул.

Члены женского общества "Защита родины" изготовили для нас знамя, которое было освящено в синтоистском храме острова. Перед самым отплытием я под звуки барабана, в который бил настоятель храма, торжественно пронес знамя на борт подводной лодки и водрузил его на мачту.

Это знамя должно было поднять боевой дух личного состава. На нем под изображением шести старинных монет - гербом моей родной деревни Синдэнко уезда Уэда префектуры Синано-была написана крупными иероглифами молитва: "Наму Хатиман Дайбо-сацу" [19].

Провожавшие нас парашютисты и японские резиденты от души желали нам счастливого пути. Они говорили: "Желаем удачи! Будем молиться о наступлении вечного мира". Жаль было покидать Сайпан и расставаться с боевыми соратниками. Никому, кроме бога, не ведомо было, что мы прощались навсегда,

У всех у нас вызывало гнев лицемерие англосаксов, которые на словах стремятся показать себя друзьями восточных народов и много распространяются о демократии, а на деле считают за людей только себя.

По плану, мой отряд сразу же по прибытии в Рабаул должен был действовать против острова Моно. Поскольку времени у нас оставалось очень мало, я решил вместе со штабным офицером Дои отдельно от отряда выехать в Рабаул раньше для уточнения деталей и разработки предстоящей операции, 20 февраля мы переправились на соседний с Сайпаном остров Тиниан, откуда затем намеревались вылететь в Рабаул на самолете Кусадзика -

начальника штаба эскадры, действовавшей в юго-восточном направлении,

На остров Тнниан прибывали из Японии самолеты 1-й воздушной эскадры, которой командовал вице-адмирал Сумида, бывший начальник учебного отдела военной школы, где я обучался. Эта эскадра создавалась за счет сосредоточения в ней всех остававшихся в Японии самолетов. Она представляла собой в тот момент единственную боеспособную эскадру базовой авиации.

В сопровождении Кусасика мы побывали в штабе воздушной эскадры, где встретили немало офицеров, которые также были склонны перебраться в Рабаул после обеспечения господства в воздухе во внутренней зоне района Южных морей.

В то время от нашего патрульного самолета поступило донесение о том, что на востоке движется быстроходное оперативное соединение противника. Началась подготовка к отражению возможного ночного воздушного налета.

Ночью я вместе с Кусасика и Дои зашел в клуб "Нанье Кохацу", который находился далеко от аэродрома в западной части острова. Здесь мы фотографировались на память с детьми японских служащих, пили ром, приготовленный из сахарного тростника, ели сукияки [20] из курицы. Из клуба отправились спать с сознанием того, что, возможно, на следующий день придется участвовать в бою.

На утро, еще до рассвета, мы вместе с начальником штаба эскадры осмотрели позиции на морском побережье, которые занимала рота Сайто из состава парашютного отряда. Ночью большая часть личного состава этой роты была направлена на аэродром для сооружения капониров, чтобы укрывать самолеты. На позициях оставалось не более. 20 человек. Если бы противник предпринял попытку высадиться в этом районе, создалось бы исключительно тяжелое положение. Но, к счастью, этого не случилось.

На рассвете отдельные палубные бомбардировщики и истребители противника совершали одиночные, а затем качались массированные налеты на остров.

В результате загорелись здания сахарной компании, одно за другим получали повреждения или шли ко дну небольшие суда, стоявшие на якоре в порту.

Во время воздушных налетов противника было повреждено много наших самолетов. Самолет начальника штаба эскадры также был выведен из строя.

Через несколько дней я вылетел на бомбардировщике на остров Трук. Подводная лодка "И-43", на которой отправились в

Рабаул 70 человек из состава моего отряда под командованием младшего лейтенанта Каваути, не давала о себе знать. В штабе 4-й эскадры мне сказали, что эта подводная лодка могла быть потоплена в прибрежных водах острова Трук во время недавних воздушных налетов противника. Однако не исключалась и возможность того, что она, не заходя в порт острова Трук, направилась прямо в Рабаул. Молясь о благополучном исходе дела, я в тот же день вылетел на самолете с острова Трук.

Ввиду того, что истребители противника несли непрерывную патрульную службу в воздухе, производить посадку днем было бессмысленно. Поэтому мы рассчитали свое время так, чтобы проскочить к Рабаулу после захода солнца.

Миновав Кавиенг, наш самолет попал в сильный ливень, который не давал возможности обнаружить сверху аэродром в Рабауле. При посадке в таких условиях мы могли врезаться в гору. В конце концов на какой-то миг нам удалось через разрыв в облаках увидеть аэродром и благополучно приземлиться.

В Рабауле я нашел часть моего отряда под командованием Сасада, прибывшую туда на моторном судне. Первым долгом я спросил Сасада о подводной лодке с группой Каваути. Он ответил, что подводная лодка в Рабаул не прибывала. Я тут же отправился в штаб эскадры, но и там ничего не знали о судьбе моих людей. Подводная лодка "И-43" с частью моего отряда бесследно исчезла, и мы о ней ничего не узнали. Это был очень тяжелый, если не смертельный удар для моего отряда. Трудно было пережить такую утрату.

В течение моего месячного пребывания в Рабауле авиация противника совершала ожесточенные налеты на порт. Почти все наземные сооружения были разрушены. Не уцелел даже кран, предназначенный для подъема специального катера на подводную лодку.

Скоро Рабаул из-за непрерывных налетов авиации противника стал опасным и не пригодным для стоянки подводных лодок.

Если раньше мы были лишены транспортных самолетов, то теперь вследствие резкого изменения обстановки на фронте оказались без подводных лодок. Подразделения Яно и Нисио-последние подразделения моего отряда, которые также должны были прибыть в Рабаул на подводных лодках, так и остались на острове Трук.

Наши истребители перестали появляться в воздухе. Полностью прекратилось сообщение по воздуху. Только иногда отдельные самолеты с большим риском вылетали на остров Трук и возвращались обратно, выполняя особо важные задания или

доставляя хинин для больных малярией.

В сложившейся обстановке наша операция против острова Моно, к которой мы так усердно готовились, не могла быть осуществлена. Напрасно погибли 70 дорогих мне подчиненных во главе с младшим лейтенантом Каваути. Глубоко скорбя об этих жертвах, мы вынуждены были отказаться от проведения задуманной операции.

В штабе эскадры мне предложили возвратиться на остров Трук, а оттуда я вылетел в Японию для решения дальнейшей судьбы моего отряда.

Как было ни тяжело, но я вынужден был пока оставить подразделение лейтенанта Сасада в Рабауле.

В апреле 1944 года я отплыл из Рабаула на подводной лодке, которой командовал Итакура. Это была последняя подводная лодка из базировавшихся в Рабауле.

Итак, воздушная крепость Рабаул, которая наводила ужас на противника, теперь превратилась в осажденный лагерь, брошенный на произвол судьбы в 2600 милях от родины. В условиях полного превосходства противника в воздухе там каждую минуту можно было ожидать высадки десанта.

Сколько бы дивизий ни обороняли Рабаул, судьба его представлялась мне крайне печальной. И все это потому, что у нас в Рабауле не было самолетов.

План контрвысадки на остров Сайпан

Острова Южных морей - это острова мечты, песни и романтики. И удивительного цвета вода, и ярко-зеленая растительность под ослепительными лучами знойного южного солнца вызывают здесь какие-то особенные чувства, совершенно отличные от тех, которые возникают у людей, например, в Японии.

Остров Трук, один из таких чудесных островов, произвел на меня такое сильное впечатление, которое, вероятно, до самой смерти не изгладится из памяти. Когда мы еще во время тренировок подходили к этому острову, то я испытывал чувство, подобное тому, какое бывает у счастливого человека с незапятнанной душой, человека, любимого родителями и любящего все на свете.

Оказавшись на берегу этого замечательного острова по прибытии из Рабаула, я увидел прежде всего свежие следы недавней бомбардировки. И хотя по-прежнему сияло яркое южное солнце, такой же прекрасной оставалась растительность и так же чудесно выглядела морская вода, я не ощутил в этот раз прилива чувства радости. Теперь мне Трук уже не казался островом мечты и романтики: он предстал передо мной во всей своей суровой действительности, которую можно назвать одним словом - война. Возможно, другое отношение к острову появилось под влиянием впечатления, которое произвела на меня слабость 4-й эскадры, не сумевшей отбить жестокие удары палубной авиации быстроходного оперативного соединения противника. Личный состав находившегося на этом острове штаба этой эскадры приобрел худую славу. Эту эскадру стали называть "мертвой эскадрой".

На острове меня ожидал личный состав двух подразделений моего отряда, которым так и не удалось попасть в Рабаул. Подразделения размещались в казармах недалеко от берега моря. Несмотря на систематические бомбардировки, эти казармы остались совершенно невредимыми.

Таким образом, положение моего отряда в то время было незавидным. Примерно одна треть его нашла смерть в морской пучине, а оставшиеся подразделения были разрозненны: два находились здесь, а одно- в Рабауле.

Побыв некоторое время со своими людьми, я вылетел в Японию для получения дальнейших указаний непосредственно от

морского генерального штаба относительно дальнейшей судьбы отряда и его действий.

В морском генеральном штабе мне сказали, что военное положение Японии очень тяжелое и что не может быть и речи ни о каких наступательных действиях, надежда на проведение которых все еще теплилась в моей душе. Я понял, что командованию не до нас. Мне было предложено вернуться на остров Трук и ожидать там распоряжений. Скрепя сердце я вынужден был подчиниться этому приказу.

В пути самолет сделал посадку на острове Сайпан для заправки. Улучив свободную минутку, я побывал в родном парашютном отряде. Когда я подошел к его расположению, группа парашютистов во главе с лейтенантом Кавасима, который служил в отряде с первых дней его создания, перевозила упакованные парашюты в пещеру у подножия горы Тапотчау. Мне сообщили, что отряд временно передан в непосредственное подчинение штаба эскадры, действовавшей в центральной части Тихого океана, и на него была возложена задача по обороне одного из районов острова Сайпан. В связи с этим парашюты пока стали не нужны.

Таким образом, парашютный отряд военно-морского флота окончательно перестали считать подразделением, предназначенным для действий на первой линии, и у него уже не оставалось шансов, чтобы проявить присущие ему качества. От этого у меня на душе стало грустно.

На пристани у Гарапана повсюду были навалены материалы, выгруженные прибывшими на остров сухопутными войсками, а в самом городе беспорядочно располагались только что высадившиеся пехотные части, вопрос о размещении которых еще не был решен.

Девушки, прислуживавшие в ресторанчике, в котором парашютисты иногда проводили время, днем уходили на работу по трудовой повинности, и поэтому, когда я зашел туда, никого из них не застал. Мне сказали, что они находятся на земляных работах в районе Ореай, где строилась запасная посадочная площадка.

На острове оставалось много японских граждан, в том числе женщин и детей, которые еще не успели эвакуироваться. Был среди них со своей семьей и мой земляк Мисайду, заведовавший больницей в городе Гарапан. Он не раз приглашал меня к себе и хорошо угощал. Он мне говорил, что в Японию он не поедет, а если противник высадится на остров, то он передаст флоту все свое имущество вплоть до автомашины и пойдет воевать.

Мне рассказали, что, после того как транспортное судно с

японскими репатриантами вскоре же после его выхода из порта было потоплено подводной лодкой противника на глазах у населения города Гарапан, почти у всех отпало желание возвращаться в Японию.

Так как на острове царила страшная суматоха, я спросил, не ожидается ли высадка вражеского десанта. Мне ответили, что особых оснований к тому нет. Считали, что противник скорее всего попытается высадиться в Рабауле или на острове Трук, и поэтому мне настоятельно советовали быстрее вернуться на остров Трук и принять меры к усилению его обороны.

На острове Сайпан весь личный состав парашютного отряда вместе со своим командиром Карасима отрывал окопы в районе маяка Катори (между городом Гарапан и базой гидросамолетов), где мы еще во время учебных занятий часто практиковались в инженерном оборудовании позиций.

В последней декаде апреля я вернулся в свой отряд на остров Трук.

15 июня 1944 года противник неожиданно начал высадку на остров Сайпан. Эта новость ошеломила личный состав моего отряда, в котором насчитывалось всего 120 человек. Она особенно поразила меня.

Я живо представил себе положение на острове Сайпан перед высадкой противника. Там находилось большое количество японских резидентов, которые не успели вернуться на родину. Части сухопутных войск только-только закончили размещение по своим участкам и приступили к оборудованию позиций. Кроме батареи из четырех 150-мм орудий, установленных на берегу залива Лаулау, другой морской тяжелой артиллерии на острове не было. К тому же эти орудия были установлены в том месте, где еще перед первой мировой войной производили высадку германские войска. Теперь же противник избрал для высадки участок побережья в районе Ореай.

На острове Маниагасса, находящемся у входа в порт острова Сайпан (мы называли его "военным кораблем"), было установлено еще одно 150-мм орудие, хотя оно могло не уцелеть в результате налетов авиации и артиллерийского обстрела с кораблей противника.

Парашютный отряд был вооружен легким оружием или оружием облегченного типа, которое не подходило для обороны острова. Наконец, неясно было, как будут обороняться части сухопутных войск.

Согласно радиосообщению, поступившему с острова Сайпан, в первую ночь высадки десанта парашютный отряд смело атаковал его и как будто полностью уничтожил. Однако, согласно

радиосообщению, полученному на третью ночь, на аэродроме Аслито велась ожесточенная перестрелка трассирующими снарядами. Предполагали, что противнику удалось окружить пехотную часть или остатки парашютного отряда.

Как раз в это время я получил приказ высадиться со своим отрядом на остров Сайпан, чтобы помочь гарнизону острова ликвидировать вражеский десант. Нам представлялась возможность, которую мы давно ждали,- принять непосредственное участие в боевых действиях. На остров Трук прибыла подводная лодка, чтобы перебросить мой отряд.

Итак, нам предстояло высадиться на хорошо знакомый остров, где находился родной парашютный отряд, и нанести удар по противнику, который высадился там.

Однако в тот день неожиданно поступила телеграмма, в которой сообщалось, что противник с помощью радаров обнаружил наши подводные лодки, занявшие боевые позиции для атаки вражеских военных кораблей в водах острова Сайпан, и потопил семь из них. Это означало, что мы не сможем приблизиться к острову и произвести высадку.

Снова мы оказались связанными из-за транспорта по рукам и ногам. Мысль о том, что гарнизон острова Сайпан погибнет, вызвала слезы горечи и печали.

"Операция Z", которую военно-морской флот намечал провести с целью достижения таких же решающих результатов, как в морском сражении у Гавайских островов, не увенчалась успехом, и остров Сайпан в конце концов пал.

С этого момента Япония оказалась в зоне действий американских бомбардировщиков В-29. Негодованию, охватившему нас в связи с происшедшим, не было предела.

В моей памяти и по сей день сохраняются печальные образы оставшихся на Сайпане японских граждан, в том числе женщин и детей, которые вместе с жизнерадостными молодыми парашютистами жили верой в благополучие своей родины[21]

План воздушно-десантной операции на Марианских островах

Итак, благодаря перипетиям военной обстановки парашютный отряд военно-морского флота, который командование перестало рассматривать как боевое подразделение первой линии, закончил свое существование. Личный состав отряда погиб, так и не проявив в полной мере присущих ему особых качеств. 101-й особый десантный отряд военно-морской базы Сасебо, созданный за счет парашютистов и предназначавшийся для диверсионно-разведывательных действий с подводных лодок, оставался разделенным на две части: одна располагалась на острове Трук, другая - в Рабауле. Из-за отсутствия транспортных средств личный состав отряда бездействовал. Таково было положение, которое сложилось к этому времени. В Японии же не было ни одного обученного парашютного подразделения [22].

Перед самым окончанием войны, когда я находился на острове Трук, поступила телеграмма о переводе меня в Японию. По-видимому, мне предстояло участвовать в высадке парашютного десанта на острове Окинава, так как гроза надвигалась уже на Японские острова.

На Трук прибыла подводная лодка, доставлявшая предметы снабжения гарнизонам отдаленных островов. Мне было приказано отплыть на ней. Но, к немалому моему удивлению, как раз перед самым отплытием поступила вторая телеграмма с указанием отложить выезд на некоторое время. Это было связано с тем, что появился императорский указ о прекращении военных действий.

Долгожданный приказ о проведении воздушно-десантных операций, как теперь мне известно, все же состоялся, но это произошло в то время, когда моему отряду оставалось только бороться с голодом на далеких островах.

Однако намеченным воздушно-десантным операциям не суждено было осуществиться, так как этому помешал императорский указ о прекращении военных действий. Этот акт главы государства был вынужденным шагом, сделанным в условиях стремительных темпов наступления противника и в связи с беспрецедентным применением последним атомного оружия против нашей страны[23].

Воздушно-десантные операции должны были сыграть исключительно важную роль. На десантников и подводных

смертников[24] возлагались надежды как на последний козырь в решающем сражении за Японские острова. Командование военно-морского флота прилагало все силы к тому, чтобы быстрее закончить приготовления. Таким образом, воздушно-десантные операции в этот период стали насущной необходимостью.

Ниже я расскажу о намерениях командования перед самым окончанием войны, которые были известны только ограниченному числу лиц высшего командного состава и командиров соответствующих отрядов. Я узнал об этом из бесед с командирами 101-го особого десантного отряда военно-морской базы Куре и 105-го особого десантного отряда военно-морской базы Йокосука, которые должны были участвовать в операциях.

"Побежденные не говорят о сражениях"-гласит пословица. Поэтому командиры двух упомянутых выше отрядов также не хотели мне рассказывать о планах, хотя они и остались только на бумаге. Однако я все же их упросил, и они согласились на то, что я опубликую сообщенные ими сведения. Мне кажется, что огласка этих данных поможет понять все трудности военно-морского флота, намеревавшегося отразить высадку союзных войск на Японские острова, и представить себе, как высок был дух личного состава отрядов, которые должны были участвовать в операциях.

В июле 1944 года пал остров Сайпан, и через четыре месяца начались налеты бомбардировщиков В-29 на Японию. В марте 1945 года та же участь постигла остров Иводзима, и с этого времени Япония оказалась в зоне действий не только бомбардировщиков, но и истребителей противника. В японских городах запылали пожары.

Наши истребители в условиях господства противника в воздухе не могли проводить активные действия. К тому же уровень подготовки летного состава сильно снизился по сравнению с тем, что было в начале войны. Одним словом, над Японией безраздельно господствовала авиация противника.

Тактико-технические данные бомбардировщиков В-29 непрерывно улучшались в ходе войны. Наступательные и оборонительные возможности этих самолетов значительно возросли, и они уже выходили победителями даже в единоборстве с нашими истребителями. Массированные налеты бомбардировщиков наносили большой ущерб.

Сначала они разрушали аэродромы, а потом стали бомбить военные предприятия на территории Японии. В последующем противник направил свои удары против баз нашей авиации и особых подводных средств, которые считались последним козырем в решающем сражении за Японские острова.

Очевидно, что если бы противнику было позволено

действовать и дальше в таком же духе, то планы решающего сражения за метрополию оказались бы неосуществимыми. Встала задача уничтожить бомбардировщики B-29. В случае успешного выполнения этой задачи Япония избавилась бы на некоторое время от ожесточенных бомбардировок и получила бы возможность продолжать производство особо необходимого ей оружия, и таким образом повысились бы шансы на то, чтобы выиграть решающее сражение за Японские острова.

Основной замысел главной ставки и морского генерального штаба в намечавшемся сражении заключался в следующем. Военно-морской флот, которому отводилась главная роль, должен был уничтожить одну треть сил десанта противника до достижения ими побережья. Остальные две трети в случае их высадки должны были быть разгромлены на суше подвижными группами сухопутной армии.

В июне 1944 года пал остров Окинава. Следовало ожидать, что за этим последует высадка противника на один из японских островов. Предполагалось, что это будет в сентябре или октябре месяце.

Командование поставило перед собой задачу, несмотря ни на какие трудности, уничтожить бомбардировщики B-29, так как это был единственный путь к успешному проведению операций с целью воспрепятствовать войскам противника высадиться на территории собственно Японии.

Истребительная авиация, безусловно, была не в состоянии справиться с такой задачей. Нужно было изыскать другое средство. И вот у высшего командования зародился план проведения воздушно-десантных операций, которые, по его мнению, должны были привести к уничтожению бомбардировщиков на их базах. В порядке подготовки к этим операциям был намечен ряд секретных мероприятий.

В разработке плана принимали участие; покойный вице-адмирал Ониси Такидзиро, его высочество принц Такамацу, представитель морского генерального штаба капитан 2 ранга Сикано, офицеры штаба главнокомандующего капитан 2 ранга Урабэ и капитан 3 ранга Тихая, а также ответственный за проведение испытаний капитан 2 ранга Сумида из Йокосукского авиационного отряда.

В то время на аэродромах на Марианских островах, главным образом на островах Сайпан, Тиниан и Гуам, находилось около 1200 бомбардировщиков B-29. По оценке того времени, ежемесячное производство бомбардировщиков в США составляло 170 машин. Следовательно, если бы удалось уничтожить 1200 самолетов, Япония месяцев на шесть избавилась бы от

массированных бомбардировок. За это время мы смогли бы полностью закончить все приготовления к решающим боям за Японские острова.

Готовя свой план, командование уже имело в виду несколько примеров смелых действии десантников на вражеских аэродромах. Так, армейский десантный отряд на трех тяжелых бомбардировщиках "Донрю" произвел в сумерках смелую посадку на аэродроме противника на острове Лейте (Филиппины) и в течение полутора суток удерживал его в своих руках. В другом случае армейское подразделение Котихо, посаженное на 11 тяжелых бомбардировщиков "Донрю", предприняло попытку приземлиться на аэродроме Короку на острове Окинава. Девяти самолетам удалось это сделать, и десантники удерживали захваченный аэродром в течение недели.

Противник, упоенный победами, был охвачен одним стремлением-наступать на собственно Японию, и не заботился об обороне своих тыловых районов. Его авиабазы на Марианских островах в 1300 милях от фронта были забиты самолетами, и оборона этих баз была организована крайне слабо. Используя такую беспечность противника, можно было по примеру действий упомянутых выше армейских десантных подразделений успешно провести скрытную высадку десантов на аэродромы Марианских островов.

Таким образом, в создавшихся условиях надо было принимать все меры не к тому, чтобы сбивать бомбардировщики В-29 в воздухе, а уничтожать их на собственных базах. Это было бы более эффективным и единственно правильным способом действий.

В связи с этим и разрабатывался план проведения воздушно-десантных операций и велась необходимая подготовка к ним. Формировалось несколько посадочно-десантных отрядов численностью по 300-400 человек каждый.

Эти отряды получили название "Отори". Они были приданы 3-й воздушной эскадре и находились под общим руководством вице-адмирала Ониси.

Первым при морском авиаотряде в Татэяма был сформирован 105-и особый десантный отряд военно-морской базы Йокосука. Командиром отряда был назначен капитан 3 ранга Кага.

По окончании обучения и оснащения отряд перевели на авиационную базу Мисава (префектура Аомори), откуда он должен был вылететь на задание. В составе этого отряда насчитывалось около 300 человек в возрасте 18-20 лет.

Укомплектование отрядов "Отори" проводилось особым порядком: в них по приказу начальника управления личного

состава зачислялись только отборные унтер-офицеры.

В целях сохранения готовящихся операций в тайне план и решения по их осуществлению доводились до командиров отрядов устно через штабных офицеров. От письменных приказов и других документов, которые ранее применялись в таких случаях, совершенно отказались. (Следовательно, никаких документов по этим операциям не существует.)

Вкратце план борьбы с вражеской авиацией сводился к следующему. В первом эшелоне для нанесения сильных бомбо-штурмовых ударов по самолетам В-29 на аэродромах намечалось использовать реконструированные самолеты "Гинка" двух типов. Самолеты первого типа имели по двадцать 20-мм пулеметов, направленных стволами вниз; самолеты второго типа были снабжены большим количеством малокалиберных бомб. Эти самолеты составляли первый эшелон. Вслед за ними вступали в действие посадочно-десантные отряды, составлявшие второй эшелон.

Их задача заключалась в том, чтобы произвести посадку на самолетах на аэродромы противника и затем с помощью специальных подрывных зарядов уничтожить находящиеся на аэродроме бомбардировщики В-29.

Эти операции должны были явиться действительно особыми наступательными операциями, проведение которых было связано с огромным риском. Поскольку от них зависела судьба Японии, личный состав этих отрядов был преисполнен решимости идти на самопожертвование. Но провести задуманные операции было чрезвычайно трудно, и поэтому невольно возникало сомнение в их успехе.

Уже не было уверенности в том, что война на Тихом океане приведет к победе Японии. Однако большинство личного состава отрядов "Отори" как патриоты эры Сёва[25] горело желанием своими смелыми действиями сослужить службу будущему поколению поверженной Японии, как это сделали приверженцы сёгуната в последние дни его существования.

В военно-морском флоте Японии обучение проходили под девизом: "Храбрым и смелым может быть только тот, кто имеет высокую выучку". Но какими бы прекрасными качествами и высоким духом ни обладал личный состав отрядов, трудно было в условиях стремительных темпов наступления противника обучить людей должным образом.

В то время мой отряд был разбит на две части, которые находились в разных местах: одна на острове Трук, а другая-в Рабауле. Моральное состояние личного состава отряда было неудовлетворительное. В лучших условиях находился 101-й

особый десантный отряд военно-морской базы Куре, сформированный с той же целью. Из-за отсутствия подводных лодок его должны были перебросить в район действий на транспортных самолетах. Этот отряд проходил обучение главным образом в военно-морской артиллерийской школе в Татэяма. В июне 1944 года он был пополнен за счет расформированного 102-го особого десантного отряда военно-морской базы Сасебо, и его численность увеличилась до 450 человек. Личный состав этого отряда, начиная с командира, капитана 3 ранга Ямаока, представлял собой опытных, хорошо подготовленных воинов.

101-й особый десантный отряд военно-морской базы Куре первым из отрядов "Отори" получил боевой приказ о проведении высадки на Марианских островах. Объектами для его действий были избраны бомбардировщики B-29, находившиеся на островах Сайпан, Тиниан и Гуам.

Для доставки отряда на эти острова по всей Японии было собрано 30 средних бомбардировщиков, которые начали подготовку к операции при авиационном отряде Мисава. Здесь же сосредоточился весь личный состав отряда в количестве 450 человек.

В процессе подготовки было высказано опасение, что вследствие того, что фюзеляж и крылья бомбардировщиков B-29 имеют гладкую отшлифованную поверхность, взрывчатка не будет держаться на них. Кроме того, полагали, что из-за высокого расположения крыльев десантникам трудно будет прикреплять к ним заряды. Чтобы облегчить работу подрывникам, были изготовлены специальные присоски к подрывным зарядам, которые позволяли очень быстро прикреплять взрывчатку в любом месте самолета.

Поскольку уровень подготовки летного состава в то время по сравнению с начальным периодом войны был значительно ниже, летчики были малоквалифицированными, поэтому не представлялось возможности всей группе самолетов совершить перелет в район действий темной ночью. Было решено провести операцию при лунном свете, хотя в течение месяца для осуществления операции можно было использовать только несколько лунных ночей.

Сначала вылет был намечен на 14 июля. На каждый самолет предполагалось посадить по 15 человек. Однако в этот день самолеты маневренного оперативного соединения противника совершили массированные налеты на районы Тохоку и Хоккайдо, в результате которых были уничтожены почти все транспортные самолеты, подготовленные для переброски десантников. В связи с этим командование перенесло проведение операции на 19

августа.

Снова с огромным трудом было собрано и подготовлено 60 средних бомбардировщиков. Таким образом, вопрос обеспечения отряда самолетами был решен.

Однако события развивались с необычайной быстротой.

6 августа 1945 года американцы сбросили атомную бомбу на город Хиросиму, а через несколько дней- на Нагасаки. Прошел слух, что самолеты, доставившие эти бомбы, взлетели с аэродрома, находящегося на острове Тиниан. Необходимо было как можно быстрее вывести этот аэродром из строя. Но перед тем как наступила долгожданная лунная ночь, был объявлен императорский указ о прекращении военных действий. Это случилось как раз за четыре дня до намеченной даты проведения воздушно-десантной операции, получившей кодовое название "Кэн" (Меч).

Если бы лунная ночь наступила четырьмя днями раньше, возможно, из личного состава 101-го особого десантного отряда военно-морской базы Куре не осталось бы никого в живых.

У парашютистов моего отряда, часть которого находилась на острове Трук, осталось в памяти от подготовки к предстоящей операции всего лишь то, как они тогда носили аккуратно причесанные с помощью кокосового масла на косой пробор длинные волосы.

Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Счастье и несчастье ходят вместе.

Судьба человека предопределена раз и навсегда, и узнать ее невозможно. Законы природы вечны и неизменны. Хотелось бы, чтобы такой же неизменной была и любовь к нашей родине ее сынов.

Парашютный отряд на острове Сайпан

Боевые товарищи погибли

Парашютный отряд, оставшийся на острове Сайпан, погиб в ожесточенном бою.

К счастью или к несчастью, я за три месяца до высадки противника на этот остров вылетел в Рабаул. То ли благодаря резкому изменению военной обстановки или по воле судьбы - я остался в живых.

Переводы военнослужащих из одной части в другую приводят, как считал покойный командующий соединенной эскадры Ямамато Исороку, к снижению боеспособности. Поэтому до самого окончания войны никаких перемещений среди личного состава парашютного отряда, за исключением раненых, не производилось. В результате того, что в военное время повышение в звании происходило быстро, в составе моего 101-го особого десантного отряда военно-морской базы Сасебо еще за год до прекращения военных действий не осталось никого ниже унтер-офицера.

В других подразделениях военнослужащие, получившие унтер-офицерские звания, не привлекались к выполнению таких неприятных работ, как дежурство по кухне, чистка отхожих мест и т. п. В моем отряде этого осуществить было нельзя. Новоиспеченные унтер-офицеры, на долю которых выпадала такая работа, только иногда выражали недовольство ею.

В военно-морской флот я пошел ради парашюта. Поступая в военную школу, я предавался всевозможным мечтам и надеждам. У личного состава парашютного отряда была примерно такая же судьба. Все, начиная от командира отряда и кончая рядовыми, любили парашют. Во время войны мы спали под одной крышей, питались из одного котла и вместе переносили трудности и лишения. Среди личного состава установились близкие, почти родственные отношения. Мне особенно трудно забыть тех, кто был на Сайпане, и особенно дорогих мне товарищей, вместе с которыми я начал испытывать парашюты.

Заместитель командира отряда Мураяма, окончивший военную школу в одно время со мной, был смелым и энергичным, к которому я питал чувство глубокого уважения. Он очень завидовал мне, когда я уезжал в Рабаул для проведения операции

в тылу противника. Занимаемая им должность заместителя командира отряда не давала ему свободы действий, и мне особенно хорошо было понятно его душевное состояние от вынужденного бездействия накануне высадки противника на остров Сайпан.

Перед выездом из Японии Мураяма должен был жениться. Он обратился ко мне за советом, как найти наилучший предлог, чтобы отказаться. В конце концов он как-то вышел из этого положения.

Капитан-лейтенант Сайто Минору незадолго перед войной справил свадьбу. Ему удалось прожить вместе с женой всего лишь около месяца. Это был молодой, энергичный мужчина, все время мечтавший о прыжках с парашютом.

Командир отряда капитан 3 ранга Карасима был добрым человеком. Когда мой отряд готовился к отправке в Рабаул, он, зная, что нас там не обеспечат должным образом, отдал нам почти все автоматы, необходимые для ближнего боя.

В парашютном отряде служили также Такэноути и Кавасима. Оба были командирами рот. Такэноути был холостяком, а у Кавасима, должно быть, имелась большая семья.

Я был закоренелым холостяком. Снимать квартиру мне не хотелось, поэтому я постоянно жил в казарме вместе с отрядом. Иногда по вечерам у меня собирались друзья, и тогда мы непринужденно беседовали за бутылкой сакэ.

И теперь в моей памяти один за другим, как в калейдоскопе, проходят образы парашютистов отряда, заброшенного на остров Сайпан.

Я слышал, что парашютный отряд смело ворвался в район высадки десанта противника и почти целиком погиб в жарком бою.

Но как все это произошло? Такой вопрос возникал у меня всякий раз, когда я вспоминал о тех, кто был в этом отряде. Я просматривал архивные документы, касающиеся боевых действии на острове Сайпан. В них подробно описывается общая обстановка на острове, но отсутствуют сведения об отряде Карасима.

Однако желание знать о последних днях парашютного отряда было велико. Хотелось почтить память погибших бойцов. Так мне подсказывала моя совестьсовесть человека, оставшегося в живых, который в свое время руководил парашютной подготовкой в этом отряде.

Как-то ко мне на квартиру зашел один из парашютистов, оставшихся в живых во время гибели отряда на острове Сайпан. Это была незабываемая встреча спустя более десяти лет. От него я

впервые узнал о последних днях существования любимого парашютного отряда.

Поэтому мой рассказ о последнем бое, в котором решилась судьба отряда, я буду вести с его слов.

Однако, прежде чем перейти к описанию этого боя, я должен сделать оговорки.

Во-первых, то, что читатель прочтет ниже, не является художественным рассказом; это всего-навсего хронологическое изложение фактов, действительно имевших место. Мне кажется, что выбор такой формы изложения имеющегося у меня материала наиболее правилен, так как я не имею права приукрашивать боевые факты и тем более излагать их в увлекательной форме.

Во-вторых, примерно за две недели до начала работы над данной книгой я получил в подарок от одного человека, узнавшего о моем намерении, книгу "Синие воды Сайпана", написанную Аоки Такаси-еще одного члена парашютного отряда, оставшегося в живых. (Эта книга была издана несколько лет назад, но прочитать ее раньше я не имел возможности, так как до самой ратификации мирного договора как военный преступник был лишен свободы действий.) Ознакомившись с этой книгой, я снова задумался над тем, как мне лучше изложить материал.

Дело в том, что ни из книги Аоки, ни из рассказа посетившего меня парашютиста мне не удалось узнать интересовавших лично меня деталей гибели парашютного отряда. Оба этих человека, будучи по своему положению унтер-офицерами, хорошо знали боевую обстановку лишь на своих участках, но они, естественно, не имели полного представления о том, что происходило на других участках. Следовательно, они не могли знать всех подробностей боя, который явился последним для парашютного отряда. Поэтому, сколько бы я ни писал об этом бое, его картина останется неполной. Я решил привести в этой книге только достоверные факты, даже в ущерб полноте изложения. Причем положение в отряде в то время я решил обрисовать на основании того, что было известно мне самому, а о последнем бое рассказать со слов посетившего меня бывшего парашютиста. Этот парашютист был одним из немногих членов отряда, которых противник взял в плен. На острове Сайпан он был унтер-офицером отделения взвода управления 1-й роты.

После высадки десанта противника на остров гарнизон в течение десяти дней продолжал оказывать организованное сопротивление, пока общее положение окончательно не определилось. После этого остатки гарнизона стали вести бродячую жизнь, скрываясь в лесах и пещерах. Много их погибло от огнеметов противника, а некоторые даже покончили жизнь

самоубийством. Защитники острова верили и надеялись, что родина будет в безопасности и что к ним обязательно придет помощь.

Бродячая жизнь на острове продолжалась долго, и наступил момент, когда исчезла всякая надежда на помощь. Это произошло тогда, когда противник, обосновавшись на острове, в последней декаде августа начал в крупных масштабах прочесывание острова. Вследствие применения им огнеметов жить в пещерах было уже опасно.

У парашютиста, который рассказал мне о судьбе отряда, зародилась идея бежать с острова. Он и десять его товарищей решили захватить большую моторную лодку, стоявшую на якоре в порту Гарапан.

Под покровом ночи парашютисты вышли из леса и осторожно приблизились к берегу моря. Вдруг неподалеку раздался взрыв огромной силы. Это по какой-то причине взорвались торпеды, лежавшие на берегу. Через мгновение прожекторы кораблей противника, стоявших на внешнем рейде, разом осветили место взрыва.

"Все пропало!"-заключили парашютисты и вернулись в лес. Таким образом, попытка совершить побег на моторной лодке не увенчалась успехом.

И опять потекла бродячая жизнь. Обдумывались новые планы побега с острова, и, в конце концов, было решено совместно с оставшимися в живых летчиками захватить самолет противника и улететь на нем.

В течение недели парашютисты ждали удобного случая. И он, наконец, представился. Это было в середине сентября.

На восточном побережье острова, около поселка Донни, противник закончил строительство аэродрома. На его взлетной площадке стояли самолеты "Локхид". Летчики заверили парашютистов, что они смогут управлять таким самолетом. Вместе с парашютистами они скрытно пробрались на аэродром. Однако и на этот раз их постигла неудача. Противник заметил беглецов и открыл сильный огонь. Спасая свою жизнь, они вынуждены были отступить.

Неоднократные попытки парашютистов спастись бегством привели к тому, что противник отвел в море на несколько десятков метров от берега все лодки и другие плавсредства и крепко связал их цепями.

Тогда парашютисты решили прибегнуть к последнему средству-построить плот. Скрытно от противника они рубили деревья в лесу на горе Тапотчау и затем переносили их на берег. За день удавалось доставить только одно дерево. В результате

истощения из-за плохого питания парашютисты еле двигались. В упорном и опасном труде прошло 15 дней, однако последние отчаянные усилия опять не увенчались успехом. Подготовленный плот был обнаружен и уничтожен противником.

Наступил ноябрь. Карательные мероприятия противника все более усиливались. Действовать группой стало невозможно. Парашютиста, со слов которого я веду рассказ, покинули силы, и он порой, не будучи в состоянии держаться на ногах, уже передвигался ползком. Чтобы не быть обузой для остальных, он остался совершенно один. Однако и в таком тяжелом положении его не покидала мысль о побеге. Он решил попытаться захватить каноэ и на нем переплыть на ближайший остров. "Если не удастся это сделать, тогда умру здесь",-таково было его окончательное решение. Переодетый в форму противника, парашютист спустился с горы и направился к тому месту, где обычно у берега находились каноэ местных жителей. Это было в районе Ореай. Парашютист был очень слаб и поэтому все время спотыкался и падал. Каноэ у берега как назло не оказалось-они все были в море. От досады силы совсем оставили измученного беглеца. Пока он находился на берегу, его заметил часовой противника и дал знать своим. Тут же на "джипе" приехали американские солдаты, которые окружили переодетого парашютиста и взяли в плен.

Положение отряда перед высадкой противника на острове Сайпан

Как уже говорилось выше, оба парашютных батальона, действовавших в районах Манадо и Купанга, после возвращения в Японию были сведены в один отряд. Получив пополнение, отряд в марте 1943 года приступил к боевой подготовке. В сентябре того же года последовал приказ о переброске отряда на острова центральной части Тихого океана.

Основу отряда составляли пять парашютных рот. Кроме того, в непосредственном подчинении штаба отряда находились взвод скорострельной артиллерии (пять противотанковых орудий), хозвзвод, подразделение связи, а также медицинское, финансовое, транспортное и инженерное подразделения. Общая численность личного состава отряда достигала 1327 человек.

Рота состояла из трех стрелковых взводов и одного пулеметного взвода, имевшего на вооружении два тяжелых пулемета. Каждый взвод состоял из трех стрелковых и одного

гранатометного отделений (четыре тяжелых гранатомета). В стрелковых отделениях имелось по два легких пулемета.

Кроме пулеметов и гранатометов, отряд имел на вооружении карабины. Они предназначались для действия в густых лесах и в ближнем бою. В отряде было также некоторое количество автоматов иностранной марки и отечественных образца 100 (потребности отряда в этом оружии были удовлетворены далеко не полностью, так как склады ведомства военного снабжения не имели его в достаточном количестве). Как указывалось выше, непосредственно у каждого парашютиста имелось также по одному пистолету и по нескольку ручных гранат.

Отряд был снабжен противотанковыми гранатами. Кроме того, имелось небольшое количество малогабаритных гранат "Татэки", составлявших в то время гордость сухопутной армии. Такой гранатой можно было стрелять по танкам из карабина, насадив ее на дульную часть.

В то время в авиационно-техническом арсенале служил незаурядный специалист капитан 3 ранга Арисака. Он достиг выдающихся успехов в создании радиоаппаратуры и мог быстро изготовить по заказу радиостанцию с нужными техническими данными.

В отличие от типовых радиостанций, имевшихся в военно-морском флоте, нашему отряду необходимы были такие походные рации, которые были бы прежде всего устойчивыми к динамическим нагрузкам, возникающим в момент раскрытия парашюта в воздухе и в момент приземления, легкими, малогабаритными, но в то же время обладавшими большой дальностью действия.

И благодаря такому специалисту, как Арисака, за короткий срок для парашютного отряда была разработана малогабаритная легкая передаточно-приемная коротковолновая радиостанция (название ее я не помню). Она позволяла осуществлять связь на расстоянии 500 морских миль. Перед отправкой из Японии наш отряд был оснащен такими рациями.

Во время подготовки японских войск к наступлению на острове Гуадалканал американцам удалось с помощью наземных технических средств подслушивания перехватить важные сообщения и тем самым сорвать намерения нашего командования. В военно-морском флоте тоже были разработаны подобные средства, которые затем стали поступать в части.

Отряд был снабжен специальными походными кухнями, на которых можно было быстро приготовлять пищу. Такая кухня была удобна в передвижении. В качестве топлива для нее употребляли мазут. Правда, с одной такой кухней на острове

Сайпан произошел несчастный случай: во время приготовления пищи она взорвалась, в результате чего обслуживающий ее матрос получил сильные ожоги и умер.

В зависимости от района действий парашютные подразделения обеспечивались разборными и складными велосипедами с багажным прицепом, которые можно было сбрасывать на парашютах. Эти подвижные средства использовались ординарцами для связи и в других целях,

Все упомянутые выше виды оружия и имущества были самыми новыми и совершенными в то время в японском военно-морском флоте. Но потребности парашютного отряда в них не были полностью удовлетворены, хотя без преувеличения можно сказать, что наш отряд по сравнению с другими десантными частями флота пользовался приоритетом в вопросах материально-технического обеспечения.

Парашютный отряд представлял собой организационно оформленную и хорошо оснащенную часть. Однако в связи с ухудшением военной обстановки его силы постепенно распылялись. Так, две роты из его состава под командованием Сакурада и Миямото были посланы на остров Науру для несения гарнизонной службы, а в сентябре 1943 года большая часть отряда во главе с капитаном 3 ранга Карасима была переброшена на остров Сайпан. Отряду не было выделено ни одного транспортного самолета, в результате чего не представлялось возможности заниматься парашютной подготовкой. Возмущенный таким положением и не желая сидеть сложа руки, я с болью в сердце расстался с парашютным отрядом и стал командиром нового подразделения- 101-го особого десантного отряда военно-морской базы Сасебо, в которое вошел личный состав 1-й роты и около десяти человек из других рот парашютного отряда. Это подразделение, как я уже говорил выше, предназначалось для диверсионных действий с подводной лодки в тылу противника. В результате того, что часть сил парашютного отряда перешла вместе со мной в особый отряд, парашютный отряд был значительно ослаблен. Для восполнения образовавшейся нехватки в личном составе отряда из Японии было прислано пополнение из новобранцев в возрасте около 20 лет, почти не имевших никакой военной подготовки, не говоря уже о парашютной. Рассчитывать на получение кадровых военнослужащих не приходилось, так как военно-морской флот в то время испытывал большой недостаток в подготовленных кадрах. За счет прибывшего пополнения была сформирована 3-я рота, командиром которой был назначен лейтенант Кавасима. (В роте насчитывалось примерно сто новобранцев.)

К этому времени в составе парашютного отряда было всего около 500 человек, в том числе:

1-я рота капитан-лейтенанта Сайто- около 200 парашютистов;

2-я рота лейтенанта Такэноути- 200

3-я рота лейтенанта Кавасима- 100 новобранцев.

22 февраля, когда мой 101-й особый десантный отряд военно-морской базы Сасебо, погрузившись на подводную лодку и моторное судно, отплыл с острова Сайпан, направляясь в Рабаул, острова Тиниан и Сайпан подверглись налету истребителей и бомбардировщиков противника, поднявшихся в воздух с кораблей быстроходного оперативного соединения. Однако в последующем на острове Сайпан снова потекли спокойные дни.

Находясь на этом острове, невозможно было реально представить себе всю сложность создавшейся военной обстановки, при которой парашютный отряд не мог рассчитывать на получение даже одного транспортного самолета. Однако сообщения из Рабаула, где наши войска вели тяжелые кровопролитные бои, пытаясь сдержать контрнаступление противника, а также падение в феврале островов Квадженелейн, Браун и других (Маршалловы острова) убедительно говорили о том, что для Японии действительно сложилось крайне неблагоприятное положение, в условиях которого ей придется все более и более переходить к обороне.

В боях на отдаленных Маршалловых островах погиб контр-адмирал Абэ, бывший начальник военно-морской артиллерийской школы в Татэяма, и Такаки, бывший инструктор по тактике наземных действий десантников. Когда я вспоминаю о них, у меня всякий раз становится тяжело на душе.

Я слышал также, что личный состав двух рот, Посланных на далекий остров Науру, который находится примерно в 300 милях к югу от Маршалловых островов, был полон решимости отразить все попытки противника высадить десант. Парашютисты хорошо укрепились на позициях на берегу моря.

Располагавшийся на острове Сайпан штаб военно-морской эскадры, действовавшей в центральной части Тихого океана, считал, что противник, по всей вероятности, не будет пытаться овладеть этим островом. В противном же случае единственной надеждой флота был парашютный отряд Карасима, который называли правой рукой командующего эскадрой Минамигумо.

Одно время прошел слух, что парашютный отряд снова будет возвращен в Японию для доукомплектования и обучения. Однако он оказался ложным.

Штаб эскадры, действовавшей в центральной части Тихого океана, располагался в самой высокой части города Гарапан.

Немного южнее находился отряд связи штаба эскадры.

Парашютный отряд размещался на территории базы гидросамолетов Танапаг, несколько севернее Гарапана. На возвышенности в районе маяка Катори, между городом и базой гидросамолетов, отряд строил оборонительные укрепления, в том числе укрытия на случай воздушных налетов противника. Здесь же он занимался боевой подготовкой.

В районе Ореай, между городом и аэродромом Аслито, силами населения острова, привлеченного к трудовой повинности, спешно подготавливалась площадка для вынужденной посадки самолетов.

Бой, в котором погиб парашютный отряд

11 июня 1944 г. Из штаба военно-морской эскадры поступило сообщение о том, что наш патрульный самолет заметил быстроходное оперативное соединение противника.

Это было второе появление оперативного соединения после налетов его самолетов на острова Тиниан, Сайпан и Гуам.

"Нужно встретить и уничтожить противника!"-таково было намерение парашютистов. Однако с помощью имевшихся в отряде 20-мм зенитных пулеметов можно было сбить только палубный истребитель, да и то при большом снижении. На наши истребители не приходилось рассчитывать, так как их было очень мало. Тем не менее защитники острова были полны решимости сразиться с врагом.

Как и предполагалось, в начале второй половины дня авиация противника начала свои действия налетом на соседний остров Тиниан. Оттуда доносились звуки разрывов бомб. Затем противник обрушился на Сайпан. Сначала атаке подвергся аэродром Аслито, а потом и база гидросамолетов. Весь остаток дня авиация противника ожесточенно бомбардировала остров, одна волна самолетов непрерывно сменяла другую. В налетах участвовало несколько сот палубных истребителей и бомбардировщиков. Противник был беспощаден. Наших истребителей было очень мало, и они, поднявшись в воздух, сразу же затерялись в гуще вражеских машин.

Перед заходом солнца самолеты противника ушли в сторону моря.

Парашютисты получили временную передышку. Они расценили все происшедшее за день как прелюдию к решительному бою.

12 июня. Как и накануне, ударам с воздуха в первую очередь подвергались аэродромы на острове Тиниан и на Сайпане. Противник был беспощаден, как и вчера, его самолетам не было счета.

Парашютный отряд, заняв позиции в районе горы "Маяк", приготовился к борьбе с вражескими самолетами.

Через некоторое время начались воздушные атаки на порт и базу гидросамолетов. Там и сям запылали суда на воде и постройки на берегу.

Скоро самолеты стали наносить удары также и по наземным позициям. Подверглись бомбардировке позиции парашютистов на горе "Маяк". Между ротами и взводами все время нарушалась телефонная связь. Связисты не успевали ее восстанавливать.

Перед заходом солнца, так же как и 11 июня, воздушные налеты прекратились,

13 июня. Едва забрезжил рассвет, как корабли противника начали бороздить прибрежные воды.

И в этот день с самого утра вражеские самолеты буквально висели над островом. В море были видны многочисленные корабли противника, а в небе-его самолеты.

Вражеская эскадра разделилась на две части: одна из них находилась в водах острова Сайпан, а другая- около острова Тиниан. Это хорошо было видно с горы "Маяк". По грубому подсчету, около Сайпана действовало 4 линкора, 10 крейсеров и 15-20 эсминцев. Среди кораблей, сосредоточившихся у острова Тиниан, было 4 линкора. Донесений о приближении вражеских транспортов пока не было.

Корабельная артиллерия противника в 9 часов открыла огонь по острову.

"Одна, две, три..."-начали про себя отсчитывать секунды парашютисты, когда раздался первый артиллерийский выстрел. На 35-й секунде последовал взрыв. Таким образом, полет снаряда длился 35 секунд. Не прекращая огня, корабли стали медленно приближаться к берегу острова.

После 4-5 часов артиллерийского обстрела все строения в городе Гарапан и на базе гидросамолетов были разрушены, всюду виднелись груды развалин, пепелища.

Когда многие объекты, расположенные на побережье, были уничтожены, эсминцы противника, подойдя вплотную к прибрежным рифам, стали накрывать огнем из своих орудий цели в глубине острова. Так смело и дерзко противник вел себя потому, что совершенно бездействовала наша эскадра. Парашютисты надеялись, что она вот-вот появится и нанесет врагу сокрушительный удар.

Ожесточенный огонь корабельной артиллерии являлся признаком того, что противник собирался высадиться на острове.

Обстрел продолжался три дня. Самолеты противника нанесли парашютному отряду значительный урон. Наша эскадра так и не показалась. У защитников острова возникло сомнение относительно того, появится ли она вообще. Перед наступлением темноты на третий день с начала нападения корабли противника прекратили обстрел и отошли от острова.

Через некоторое время из штаба эскадры поступило сообщение: "В районе острова Гуам замечена группа транспортов противника". Это означало, что противник направил к Сайпану десант,

По отряду был отдан приказ следующего содержания: "Подготовиться к отражению десанта. Всем подразделениям изменить боевой порядок, принятый для борьбы с вражеской авиацией, и подготовиться к ведению активных боевых действий. С этой целью всем подразделениям отряда, оставив необходимое количество наблюдателей на позициях на горе "Маяк", сосредоточиться в пещерах и ожидать дальнейших распоряжений".

Пещер в горе "Маяк" было две, причем они находились на разной высоте. В верхней пещере разместились 2-я и 3-я роты, а в нижней-штаб отряда, 1-я рота, а также личный состав медицинского, финансового, транспортного и инженерного подразделений. Здесь личный состав отряда стал готовиться к боевым действиям.

14 июня. Становилось все очевиднее, что противник готовится высадить десант. Для парашютного отряда наступал ответственный момент, и он усиленно готовился к этому.

Точно так же, как 13 июня, корабельная артиллерия противника на рассвете начала обстрел. Одновременно над островом появились самолеты. Все внимание отряда было сосредоточено на том, чтобы не прозевать начало высадки десанта и уничтожить его, где бы он ни был высажен. Иногда парашютисты от скуки собирались у входа в пещеры и наблюдали за действиями противника.

Каковы же были наши силы на острове, которые должны были оборонять его?

Военно-морской флот здесь был представлен парашютистами (650 человек), отрядом наземной охраны численностью 400 человек, располагавшимся на окраине города Гарапан, а также авиационным отрядом и отрядом связи, обслуживавшим и базу.

Армейские силы были представлены двумя дивизиями, которые являлись основной силой гарнизона острова, и

несколькими подразделениями. Только одна дивизия имела боевой опыт. Дивизии пробыли на острове несколько месяцев, а подразделения прибыли туда совсем недавно. Сухопутные войска только что закончили размещение по участкам и едва успели оборудовать свои позиции.

Дивизии имели жалкий вид. Транспорты, на которых они были переброшены на остров, на переходе подверглись атаке вражеской подводной лодки, в результате чего более половины личного состава совершенно лишилось даже винтовок.

В составе сухопутных войск было много пожилых солдат в возрасте примерно 40 лет, имевших неряшливый вид. Иногда создавалось впечатление, что на остров прибыли не воины, а переселенцы. Всего в составе сухопутных войск насчитывалось свыше 20000 человек, однако оружия хватало только для 10000, причем основным оружием были винтовки; тяжелых огневых средств имелось очень мало.

Таким образом, сухопутные войска, хотя и насчитывали в своем составе свыше 20000 человек, не представляли собой большой боевой силы, поэтому трудно было на них рассчитывать.

Общая численность защитников острова, включая сухопутные войска и подразделения военно-морского флота, достигала 30000 человек.

Однако как бы ни ограниченны были средства, находившиеся в распоряжении наших войск, они были полны решимости отразить все удары врага. Мы тогда полагали, что оперативный замысел соединенной эскадры заключается, по-видимому, в том, чтобы подпустить противника к острову и одним ударом уничтожить его.

Было ясно, что, если противнику удастся захватить остров Сайпан, под угрозой воздушного нападения окажется сама Япония. Наш военно-морской флот не должен был допускать этого. Необходимо было разгромить противника в море и до конца оборонять этот остров.

"Вот увидите! Скоро вступит в действие наша соединенная эскадра, и тогда американцам придется туго",- говорили парашютисты.

С наступлением вечера корабли противника, как и накануне, ушли в открытое море, и артиллерийский обстрел прекратился.

15 июня. Ночь прошла спокойно. Близился рассвет. На востоке белел край неба, от чего постепенно светлела темная гладь океана.

Скоро сделалось совсем светло, и океан стал светло-голубым. Такой его вид в утреннем спокойствии бодрил парашютистов, вдохновляя их на новые боевые подвиги.

Парашютный отряд находился на Сайпане более восьми месяцев. Воды, омывающие этот остров, стали родными для всех парашютистов. Более того, они превратились для них как бы в воды самой Японии.

Однако утро 15 июня было иным. С рассветом в водах острова появилось большое количество вражеских кораблей, среди которых имелись транспортные суда. В проливе, отделяющем Сайпан от острова Тиниан, было сосредоточено несколько сот кораблей и судов.

Прежде парашютистам никогда не приходилось видеть такого большого количества кораблей. На миг они забыли даже об опасности и с восхищением наблюдали открывшуюся картину.

Создалось необычное, критическое положение. В таких условиях и наша эскадра ничего не смогла бы сделать. При этой мысли восхищение парашютистов невольно сменилось горечью.

Противник начал артиллерийский обстрел и воздушные налеты. От взрывов снарядов и бомб поднимались огромные клубы пыли и дыма. Стоя у входа в пещеру, парашютисты попробовали приблизительно подсчитать число кораблей и судов противника. Их было около 250.

Огонь артиллерии и удары авиации противника были сосредоточены по Ореай и району южнее его (в сторону Чаранканоа). Стало ясно, что противник намеревался произвести высадку десанта в районе Ореай.

Вдоль морского побережья на участке Ореай-Чаранканоа тянутся сплошные рифы, и считалось, что десантным судам противника не удастся преодолеть их и подойти к острову. Но как раз в районе Ореай противник и намеревался произвести высадку. Выслав катера к рифам, он начал проделывать в них проходы с помощью подводных взрывов.

В 8 часов масса десантных судов одновременно с двух направлений устремилась к берегу острова. Усилились артиллерийский обстрел и бомбардировка с воздуха.

Через некоторое время корабельная артиллерия противника перенесла огонь с побережья в глубину острова. Как только наши уцелевшие орудия открывали огонь, противник сразу же, ориентируясь по облачкам дыма от выстрелов, обрушивал на них град снарядов.

Части наших сухопутных войск попытались атаковать высаживавшиеся силы противника, но в результате губительного огня его артиллерии и ударов с воздуха успеха не добились.

Парашютному отряду никакого приказа из штаба эскадры не поступило. По-видимому, там думали использовать отряд в самый последний момент, а пока держали его в резерве.

При виде того, как американцы высаживались на остров, парашютисты с трудом сдерживали себя, чтобы немедленно не вступить с ними в бой.

Командир отряда Карасима и его заместитель Мураяма то и дело обращались в штаб эскадры и докладывали свои соображения о проведении атаки на пункт высадки противника.

В конце концов противнику удалось захватить плацдарм на побережье в районе Ореай.

По донесению 2-й роты, посланной для непосредственной обороны штаба эскадры, передовые подразделения противника сразу же начали продвижение в направлении на Гарапан.

Из штаба эскадры от парашютистов этой роты в отряд поступало одно донесение за другим.

"Силы десантных войск противника составляют около трех дивизий. Кроме того, по-видимому, имеются еще части второго эшелона".

"Высадившиеся на остров войска противника представляют собой моторизованные части, оснащенные танками. Наши войска ведут тяжелые оборонительные бои на занимаемых позициях, неся большие потери".

Наконец, из штаба эскадры командиру отряда Карасима по телефону был передан приказ провести вылазку. Об этом немедленно был извещен весь личный состав отряда. Когда все собрались, Карасима, получивший к тому времени чин капитана 2 ранга, стремительно поднялся с саблей в руке и обратился к парашютистам с речью. Его доброе лицо выражало твердую решимость. Он сказал:

"Благодаря смелым действиям наших войск высадившиеся подразделения противника несколько раз были вынуждены поворачивать обратно. Но в боях с ними наши войска понесли большие потери, что в конце концов позволило противнику закрепиться. Командование приняло решение силами нашего отряда во взаимодействии с частями сухопутных войск сегодня ночью неожиданно атаковать противника и сбросить его в море. Надеюсь, что вы не посрамите честь и традиции парашютного отряда и в полной мере проявите себя в предстоящем бою",

В заключение, обведя всех взглядом, полным отеческой любви, он добавил: "Ни в коем случае не сдаваться в плен".

Последние слова командира крепко запали в душу каждого парашютиста, и на мгновение всех охватило чувство неизбежности трагической развязки. Разве мог кто-либо рассчитывать на то, чтобы остаться в живых, если отряд предпримет попытку ворваться в самую гущу превосходящих сил противника?

Однако очень скоро парашютисты, которым предстояло участвовать в решающем бою, успокоились и смирились со своей участью. В ожидании приказа командира отряда о выступлении они решили немного отдохнуть.

Через некоторое время командир отряда сообщил командирам рот, а те своим подчиненным план проведения ночной атаки, который заключался в следующем:

"1. Исходный рубеж для ночной атаки-опушка густого леса в лощине, неподалеку от расположения штаба эскадры.

В 15 час. 00 мин. роты одна за другой выходят из пещеры и выдвигаются на исходный рубеж.

2. Боевой порядок: вдоль морского побережья атакует 1-я рота и несколько левее-3-я рота. Штаб отряда двигается с 1-й ротой.

3. Отряд выступает с исходного рубежа после 18 час. 00 мин. по особому распоряжению.

4. Одна из сухопутных частей (часть Кавамура) во взаимодействии с нашим отрядом атакует противника из района южнее Ореай с целью охвата высадившегося противника с обоих флангов".

Наконец, наступило время для начала выдвижения на исходный рубеж для атаки. В 15 часов весь личный состав отряда, повернувшись лицом в ту сторону, где находилась родина, совершил обряд молитвы.

Командир 1-й роты капитан-лейтенант Сайто вскинул вверх длинную пику (такими складными пиками был оснащен парашютный отряд) и, обращаясь к парашютистам, крикнул:

"Колите врага направо и налево! Больше удали и энергии!"

Смелость и энергия всегда выгодно отличали командира 1-й роты.

Воспользовавшись некоторым затишьем, роты начали самостоятельно выдвигаться на исходный рубеж. Над густым лесом, в лощине, где сосредоточивался отряд, спустились сумерки, и вскоре стало совсем темно. Каждый бооц вынул из кармана белую опознавательную тесемку и прикрепил ее к плечу.

Неожиданно вокруг стало светло. Противник начал обстрел осветительными снарядами. Раздалась команда:

"Ложись!"

Парашютисты залегли. Свет так же внезапно исчез, как и появился.

Вперед была выслана разведывательная группа из состава 1-й роты под командованием младшего лейтенанта Кабояси. Некоторое время парашютисты, следовавшие в хвосте этой группы, были видны в ярком свете осветительного снаряда, а

затем все исчезло в сплошном мраке. Эта группа так и не вернулась.

Внезапно раздалась команда: "Вперед!", и отряд, соблюдая тишину, начал движение с исходного рубежа.

Корабельная артиллерия противника вела огонь трассирующими снарядами. Огненные нити сходились пучком в направлении горного района. Вскоре недалеко от отряда один за другим упало несколько снарядов. Стреляли со стороны Ореай, где высадился враг. С ревом проносились реактивные снаряды, которыми вела ответный огонь наша армейская реактивная установка. Снаряды стали рваться чаще, поднимая столбы земли и выворачивая с корнем деревья. Часто попадавшиеся воронки и поваленные деревья мешали продвижению. Время от времени люди спотыкались и падали. Шедшие сзади перешагивали через них и продолжали движение.

Вот уже отряд миновал Гарапан. В городе еще продолжались пожары.

Однако противник пока не встречался. Осветительные снаряды сильно демаскировали отряд. Парашютисты то и дело ложились на землю, затем поднимались и двигались дальше, часто спотыкались, падали-все это сильно задерживало продвижение.

"Если и дальше будем так медленно двигаться, то не успеем до рассвета. При нашем вооружении можно атаковать только ночью. Если же начнет светать, то все пропало",- рассуждали бойцы.

Командир отряда решил не задерживаться из-за вражеских осветительных снарядов, и отряд стал двигаться быстрее.

Скоро отряд вышел на дорогу, связывавшую Ореай и Гарапан, и его движение еще больше ускорилось. Парашютисты шли по дороге и ее обочинам. "Может быть, противника уже там нет?"- говорили отдельные бойцы. По-видимому, отряд уже находился недалеко от площадки для вынужденной посадки самолетов. Но точно установить это было трудно вследствие того, что местность была изуродована снарядами и бомбами до неузнаваемости.

Пехотная часть Кавамура, как предусматривалось планом, должна была атаковать противника из района Чаранканоа и наступать в направлении запасной площадки для вынужденной посадки самолетов. Другие подразделения сухопутных войск, располагавшиеся левее отряда в горном районе, имели задачу прочно удерживать занимаемые позиции и, выбрав благоприятный момент, перейти в атаку с целью прижать противника к морю. Во взаимодействии с этими сухопутными войсками парашютный отряд должен был действовать с севера и

тем самым обеспечить выполнение общей задачи - сбросить противника в море.

Отряд увеличил темп продвижения. Люди спотыкались и с глухим шумом падали на землю, поднимались и опять шли. Их мучила жажда, но они не останавливались и упорно шли вперед. Всеми руководило одно:

"Только бы не опоздать!"

И парашютисты спешили не зря. Противник уже вклинился в горный район. Наши сухопутные войска контратаковали его. Артиллерия вражеских эсминцев била по нашим орудиям, ориентируясь по вспышкам выстрелов. Отряд как-то сразу оказался лицом к лицу с неприятелем. Рядом с парашютистом, со слов которого я веду рассказ об этом бое, оказался умиравший солдат, который был, наверное, из подразделения Акацуки, оборонявшего этот район. Он успел сказать ему:

- Мы у переднего края противника!

Скоро парашютист и сам увидел, как, освещенные осветительными снарядами, заблестели стальные каски на головах вражеских солдат. Это был не сон. Действительно, перед отрядом был живой противник. Кто-то крикнул: "Впереди противник!" Парашютистов охватил гнев.

- Приготовиться к атаке!-последовала команда.

Тяжелые гранатометы дали залп. Звуки выстрелов ободрили парашютистов.

- В атаку!

Отряд лавиной ринулся на врага. Впереди часто рвались гранаты. Противник усилил стрельбу осветительными снарядами. Отряд оказался полностью освещенным. Снаряды посыпались на него градом. В первых рядах с глухим шумом упало несколько сраженных парашютистов. На мгновение произошло замешательство. Но тут раздались ободряющие слова командира;

- Вперед, нажимай!

Перепрыгивая через трупы убитых, бойцы снова устремились в атаку.

Противник стал в беспорядке отступать. И чтобы не дать ему уйти, парашютисты удвоили свои усилия.

В конце концов передний край противника был прорван. Повсюду валялись трупы убитых наших и вражеских солдат. Нескольких наших пехотинцев нашли живыми в воронке от бомбы. Одним из них был поручик, видимо, из роты Акацуки. Поручик был весь в крови. Говорили, что от этой роты уцелело всего два человека.

- Вам нужно уйти отсюда и перевязать раны,- посоветовали ему парашютисты.

- Нет, я умру здесь. Пусть до конца держатся парашютисты! - был ответ.

Рота Акацуки стойко оборонялась и погибла в смертельной схватке с противником.

"Подразделение Акацуки храбро дралось. Нам нужно смелее теснить врага!"-думали парашютисты.

И отряд продолжал атаку, горя желанием сбросить противника в море. Враг отступал.

"А противник-то совсем слабый!"-мелькнуло у некоторых в голове.

Парашютисты изменили направление атаки, стремясь выйти к запасной площадке для вынужденной посадки самолетов.

В ходе атаки отряд раскололся на несколько групп, боевой порядок нарушился, и восстановить его было невозможно. Пехотная часть, которая должна была взаимодействовать с парашютистами, не показывалась. Как во сне, пролетела ночь. Разрозненные подразделения отряда, продвигаясь вдоль побережья, наконец достигли запасной посадочной площадки. Было уже 8 часов утра,

Здесь противник встретил парашютистов убийственным пулеметным огнем. Укрываясь за кучами земли, выброшенной взрывами снарядов, и в воронках от бомб, парашютисты стали отстреливаться. В это время по отряду открыла огонь артиллерия одного эсминца противника. Все заволоклось дымом и пылью. Кроме того, из района высадки противник начал обстреливать парашютистов реактивными снарядами.

Потери быстро росли. Создалось положение, при котором полное уничтожение отряда было только вопросом времени.

"Необходимо вплотную приблизиться к противнику. Тогда его корабельная артиллерия не сможет нас обстреливать",- решил командир.

Парашютисты оставили укрытия и по-пластунски стали продвигаться вперед. Огонь противника усилился.

- Впереди танк!-крикнул один из бойцов. Это был танк М-3, о котором мы часто слышали. Стреляя на ходу, он приближался к отряду. От каждого выстрела его орудия погибало пять-шесть парашютистов. Легкие пулеметы отряда открыли по танку огонь. Но что могли сделать пули против мощной брони.

- Приготовить противотанковые средства!-раздалась команда.

В этот момент из воронки, находившейся недалеко от танка, выскочил парашютист с противотанковой гранатой в руке и устремился в мертвое пространство. В следующее мгновение он бросил ее под машину.

Секунда, другая... Взрыв! Танк остановился и прекратил

стрельбу.

"Подорвали!"

Однако радость была преждевременной. Танк снова двинулся на парашютистов. Тогда к нему устремилось сразу несколько человек с противотанковыми гранатами, но они опоздали и были скошены пулеметным и орудийным огнем. Танк проскочил. Парашютисты очень сожалели, что у них не было противотанковой пушки.

Перед командиром 1-й роты капитан-лейтенантом Сайто оказалось сразу несколько американских солдат. Ненависть и ярость охватила парашютиста.

"Ну, держитесь, негодяи!"

Сайто решительно поднялся из воронки от снаряда, в которой укрывался, и, вскинув пику, ринулся на американских солдат. Но в него сразу же впилось несколько вражеских пуль. Сайто рухнул на землю и остался недвижимым.

К этому времени положение отряда сильно ухудшилось. О дальнейшем продвижении не могло быть и речи.

"Противник все время отходил, а теперь упорно сопротивлялся. Может быть, перед нами не американцы, а пехотная часть Кавамура. Нужно проверить",подумал заместитель командира отряда Мураяма. Он быстро вскочил на ноги и поднял вверх японский флаг. В этот же миг с противоположной стороны раздалось сразу несколько выстрелов. Мураяма упал.

Теперь все увидели, что это противник. Он был спереди, на флангах, сзади.

Под непрерывным обстрелом с эсминца и огнем танков парашютный отряд истекал кровью.

В нем царил полный хаос. Нет, это не точно. Отряда почти уже не существовало. Вслед за заместителем командира отряда погиб и сам командир-капитан 2 ранга Карасима.

Парашютисту, который рассказал мне об этом бое, казалось, что в живых остался только он один. Будучи тяжело ранен, он дополз до непростреливаемого пространства, и это его спасло. Ошибись он немного, и ему также пришлось бы расстаться с жизнью.

После разгрома парашютного отряда ожесточенный бой прекратился. К тому времени солнце почти скрылось за горизонтом. Как удалось этому парашютисту уйти от противника, он и сам не знает. В лесу, куда он уполз ночью, его подобрали солдаты пехотинцы и доставили в полевой госпиталь, размещавшийся в Донни.

Через несколько дней, когда рана немного зажила, он решил вернуться в пещеры, где располагался отряд. 18 июня он был уже

там.

В пещерах он нашел 50-60 тяжело раненных и 20- 30 здоровых парашютистов, которые стойко оборонялись на горе "Маяк".

К тому времени противник уже занял аэродром Аслито, гору Тапотчау и вступил в город Гарапан. Часть его сил атаковала позиции на горе "Маяк".

19 июня. В связи с гибелью отряда связи штаб эскадры переместился на гору "Телеграф". Тяжело раненые парашютисты были переведены в долину "Ад", у подножия горы "Телеграф". Здоровые парашютисты продолжали оборонять позиции на горе "Маяк". 19 июня до них откуда-то дошел слух, что соединенная эскадра собирается отбить у противника Сайпан, Это было тогда единственным лучом надежды.

"Мы будем до последнего держаться на острове",- так думала горсточка парашютистов, оборонявших гору "Маяк".

Однако соединенная эскадра так и не появилась в видах Сайпана. Мужественные защитники позиций на горе "Маяк", а их остались считанные единицы, были вынуждены отойти в долину "Ад".

Но и здесь положение было критическим. Дни этого последнего убежища были сочтены. Группе тяжело раненых парашютистов, находившихся в долине "Ад", грозил неминуемый плен.

Когда пробил последний час и солдаты противника, как призраки, появились перед глазами тяжело раненых парашютистов, раздались выкрики:

"Прощай, Япония, прощайте, отцы и матери!" "Банзай!"

За этими криками, словно по команде, прогремели выстрелы из пистолетов, которые слились в один залп и эхом отозвались в горах. Так сами лишили себя жизни все тяжело раненые парашютисты в долине "Ад".

5 июля. Остатки гарнизона, оборонявшего остров, вместе со своими соотечественниками из гражданского населения стянулись к Банадеру в самой северной части острова. Дальше было море. Создалось безвыходное, критическое положение.

7 июля. Неизвестно, откуда и от кого поступил приказ: "Подготовиться к генеральному наступлению!" Этот приказ, по-видимому, стихийно возник у кого-то из людей, жаждавших выйти из тяжелого положения, Кто-то закричал: "Сосредоточимся у Гарапана и затем перейдем в контрнаступление!" И все, как стая птиц, ринулись в направлении Гарапана.

Это уже были не войска. Отсутствовала всякая организация и управление. Это было сборище отдельных людей. Как эти люди

жили дальше, как сражались и как умирали, мне неизвестно.

Приложение

Парашют и прыжки с парашютом

Каково в общем самочувствие у парашютиста во время прыжка до момента раскрытия парашюта? Такой вопрос нередко приходится выслушивать даже теперь.

Разумеется, самочувствие во время прыжка зависит от личных качеств каждого отдельного парашютиста. Поэтому мой ответ на указанный вопрос нельзя считать вполне исчерпывающим.

Должен прежде всего сказать, что не правы те, кто даже после окончания войны считают обучение парашютных войск и прыжки с парашютом адски трудным делом.

Во всем имеются исключения. Слабовольные люди даже при езде на мотоцикле чувствуют себя неважно. Прыжки с парашютом им наверняка покажутся пыткой.

При описании парашютной подготовки в начале книги я не касался некоторых случаев, которые можно отнести к разряду исключений. Мне, например, известно, что во время первых опытных прыжков с парашютом в Йокосукском авиационном отряде отдельные молодые курсанты решались прыгать только при повторном подъеме. Я слышал, что и в авиационном отряде в Татэяма имело место нечто подобное с молодыми парашютистами, проходившими ускоренную подготовку. Там отдельные курсанты руками цеплялись за кран люка, повисали в воздухе, болтая ногами. Спустя некоторое время руки, не выдержав большой нагрузки, разжимались, и тогда парашютист срывался вниз. Но такие случаи-крайне редкое явление.

Хотелось бы сказать, что представление о прыжках с парашютом, основанное только на исключительных случаях, подобных вышеуказанным, приводит к неправильному пониманию самочувствия парашютиста во время прыжка.

Думаю, что прыжки с парашютом не являются делом только воздушно-десантных войск. Они должны получить широкое развитие как спорт, особенно среди молодежи.

Исходя из своего опыта, я считаю, что парашютизм имеет исключительно большое значение в том отношении, что занятие им укрепляет физическое состояние и вырабатывает высокие моральные качества.

В предыдущих разделах книги я касался парашюта и прыжков с ним в самых общих чертах. Поэтому ниже я попытаюсь более подробно остановиться на этих вопросах. И если мой рассказ

поможет читателям получить более правильное представление о парашюте и прыжках с ним, я буду весьма рад.

Но вернемся к вопросу о самочувствии парашютиста во время прыжка с парашютом. Каково оно? Похоже ли оно на самочувствие при дурном сне, когда человеку кажется, что он падает в пропасть, и потом вдруг просыпается? Нет, ни коим образом. Я уже говорил об этом там, где рассказывал о тренировочных прыжках, и в других местах книги. Поэтому, чтобы не повторяться, я хотел бы поделиться с читателями тем, что мне довелось слышать о высотных затяжных прыжках в Советском Союзе.

В Советском Союзе, который считается родиной парашюта, еще в 1929 году проводились опытные групповые прыжки с парашютами вооруженных солдат. Во время больших маневров Красной Армии в районе Москвы в ноябре 1936 года состоялись крупные учения парашютных частей, совершивших выброску десанта в глубоком тылу "противника". Этот факт явился тогда событием международного значения. Но в Советском Союзе, как указывалось в сообщениях в печати, прыжки с парашютом уже в то время были очень популярным видом спорта среди молодежи, В частности, в одном из сообщений говорилось: "В Советском Союзе повсеместно имеются парашютные школы, авиационные научно-исследовательские учреждения и организации, Центральный аэроклуб и т. д., где под руководством квалифицированных инструкторов проводится парашютная подготовка. В парках культуры и отдыха, на стадионах, в колхозах и т. д. построены парашютные вышки, число которых превышает тысячу. Юноши и девушки с увлечением прыгают с этих вышек. Только в 1935 году парашютным спортом занималось не менее 800000 человек".

Кроме обычных прыжков, отдельные мастера парашютного спорта совершают так называемые затяжные прыжки, когда парашютист, выбрасываясь, например, с высоты 10000 м, не раскрывает парашюта, пока до земли не остается 200-300 м. Был такой случай. Одна советская девушка, впервые наблюдавшая с земли за таким прыжком, настолько испугалась, что чуть не упала в обморок. Но потом заинтересовалась парашютом и сама стала парашютисткой. Сначала молодая спортсменка раскрывала парашют через 200-300 м после отделения от самолета, а потом постепенно стала увеличивать расстояние свободного падения и в конце концов установила рекорд высотного затяжного прыжка.

Мне кажется, что когда этот факт станет известен японцам, заявляющим, что самочувствие у парашютиста во время прыжка ужасное и что прыжки с парашютом являются адским занятием,

они, я думаю, не будут больше придерживаться такого мнения.

Чрезвычайно заинтересовавшись парашютно-десантными войсками Советского Союза, Германия, Франция и Италия начали скрытно проводить у себя парашютную подготовку и ставить эксперименты в этой области. Однако вооруженные силы Японии сильно запоздали с этим и приступили к развитию парашютизма только в конце 1940 года. Правда, в нашей стране еще за несколько лет до этого отдельные энтузиасты предпринимали кое-какие шаги в этом направлении. Я даже слышал о несчастном случае, который произошел в результате нераскрытия парашюта. Но масштаб таких начинаний был крайне малым, и заключались они в прыжках с аттракционных вышек или самолетов, имеющих небольшую скорость. Это, конечно, не удовлетворяло требованиям, предъявляемым к парашютно-десантным войскам, которые должны совершать прыжки с самолетов, летающих со значительной скоростью.

Правда, когда в военно-морском флоте применялись дирижабли, с них совершались прыжки с парашютом. Но эти прыжки были похожи на прыжки с вышек, а использовавшиеся тогда парашюты были слишком примитивными. В ноябре -1930 года в газетах была опубликована заметка под заголовком: "Неудавшнися эксперимент исключительной важности. Рекорд с парашютом Нонака не установлен. Экспериментатор погиб".

В заметке говорилось:

"21 ноября на аэродроме Симадзаки проводился опытный прыжок с парашютом системы Нонака (конструктором парашюта являлся Нонака Икухито), снискавшим себе мировую славу (лицензии на этот парашют приобретены рядом стран Европы и Америки, и в последнее время им весьма интересуются крупные государства). Эксперимент вызвал исключительный интерес за границей. В числе наблюдателей присутствовали военные атташе Англии, США, Турции, СССР и других государств.

В 13 час. 50 мин. на аэродроме появился 18-летний Хиго (техник предприятия, изготавливающего парашюты), которому предстояло совершить рискованный прыжок с парашютом системы Нонака (диаметр купола парашюта 7 м) с высоты 30 м. С такой малой высоты еще никто в мире не прыгал. Конструктор парашюта Нонака представил храбреца присутствовавшим, после чего Хиго сел в биплан "Самсон" и поднялся в воздух.

Предварительные испытания парашюта с куклами-манекенами прошли успешно. Но на этот раз парашют не раскрылся. Хиго, выпрыгнув в 13 час. 58 мин. с высоты 35 м над ангаром, камнем упал на землю примерно в 20 м от стоявших на аэродроме автомашин и мгновенно скончался".

Впервые в условиях боевой обстановки воздушно-десантные войска были применены не Советским Союзом-инициатором их создания, а Италией. В частности, во время агрессивной войны против Абиссинии итальянская авиация выбрасывала небольшие парашютные десанты на широком фронте, что позволило Италии быстро захватить эту страну, не имевшую удобных линий коммуникаций.

Советскому Союзу возможность использовать свои воздушно-десантные войска представилась в период войны с Финляндией. Одно из подразделений этого рода войск было выброшено в северной части Финляндии на большом удалении от линии фронта.

В Германии в 1935 году полицейское управление Берлина сформировало подразделение специального назначения, именовавшееся "Пятой колонной". В одном из предместьев Берлина это подразделение провело учение, в ходе которого был выброшен парашютный десант, имевший задачу атаковать при помощи различных средств условного противника. Создание указанного подразделения явилось началом организации немецких парашютных войск. Вскоре после этою был сформирован первый парашютно-десантный батальон, который в дальнейшем был постепенно развернут в полк, получивший название "Полк Геринг".

В период второй мировой войны немецкие воздушно-десантные войска принимали участие в молниеносных операциях против Бельгии и Голландии. Они нападали на такие важные опорные пункты, как Роттердам, Амстердам и Гаага, удивляя своими смелыми действиями весь мир. Особенно отличились они, захватив аэродром и Дордрехтские мосты в устье реки Маас, которые они удерживали 3 дня. В результате этого голландская армия оказалась расчлененной на две части и была обречена на полный разгром немецкими моторизованными войсками.

Что касается боевых действий воздушно-десантных вонск Японии, то как уже говорилось выше, 11 января 1942 года военно-морской флот выбросил парашютный десант в районе Манадо на острове Целебес, 14 февраля сухопутная армия сбросила десант в районе Палембанга на острове Суматра и 20 февраля военно-морской флот провел воздушно-десантную операцию с целью захвата Купанга на острове Тимор.

По сообщению информационного органа, которое появилось позже, из-за этих операций между флотом и армией возникли трения. Когда военно-морской флот осуществил выброску парашютного десанта в районе Манадо и собирался широко объявить об этой операции, сухопутная армия потребовала от

него пока не делать этого, так как это могло бы насторожить противника, что помешало бы армейцам выбросить свой десант в районе Палембанга. Моряки согласились с этим, но при условии, что флот и армия одновременно опубликуют свои сообщения после окончания воздушно-десантной операции флота в районе Купанга, которую намечалось провести вслед за выброской десанта в районе Палембанга. Однако армейцы, выбросив свой десант в районе Палембанга, сразу же сообщили об этом. Таким образом, они грубо нарушили ранее достигнутую договоренность, поскольку выброска десанта флотом в районе Купанга еще не была проведена. Это вероломство армии вызвало большое возмущение на флоте.

Взаимоотношения между армией и флотом были неважные. Испытания парашютов проводились ими, не делясь друг с другом опытом. И теперь мне становится ясно, что все это было глупо. Но факт остается фактом.

Воздушно-десантные войска при правильном выборе момента и умелых действиях могут добиться значительных боевых успехов. Однако ошибки могут привести к тому, что десант со своим облегченным оружием будет или полностью уничтожен или не добьется никаких результатов.

Немецкие воздушно-десантные части, блестяще действовавшие во время наступательных операций против Голландии и Бельгии, не смогли с таким же успехом проявить себя во Франции. Были у немцев неудачи и в Польше. Однажды крупный немецкий парашютный отряд, выброшенный в Верхней Силезии с задачей отрезать пути отхода польской армии, целиком попал в плен.

В минувшей войне наш парашютный отряд военно-морского флота использовался для внезапного нападения на авиационные базы противника с целью их захвата. Тем самым он облегчал действия морской авиации. Даже в тех случаях, когда отряду по независящим от него причинам приходилось действовать в качестве обычной пехотной части, он всегда выполнял поставленные перед ним задачи. Важнейшую роль в этом сыграли, по-видимому, высокие моральные качества его личного состава.

С момента окончания войны прошло уже более десяти лет, и все эти факты и события являются делом прошлого. В настоящее время, когда необходимо бороться за мир, когда мы должны молиться о спокойствии на Тихом океане, по-видимому, имеются люди, которые мечтают снова разжечь пожар войны.

Естественно, что для того, чтобы наше государство могло существовать и идти по пути независимости в международной

жизни, необходимо преодолеть многочисленные трудности и препятствия. Однако ради мира для людей не позволительно отказываться от духа смелой и решительной борьбы. Некоторым, может быть, кажется, что воздушно-десантные войска сходят со сцены и что парашютизм-дело прошлого. Но на самом деле это не так.

Прыжки с парашютом являются полезным занятием для молодежи, они способствуют ее физической и духовной закалке. И несомненно, что в недалеком будущем энтузиасты будут смотреть на прыжки с парашютом, как на спорт, а не только как на подготовку воздушно-десантных войск.

Ниже я попытаюсь популярно объяснить некоторые технические вопросы, непосредственно связанные с устройством парашюта и с совершением прыжка с парашютом.

Конечно, сведения, которые я сообщаю ниже, несколько устарели. Однако они отражают накопленный мною практический опыт. Я буду весьма рад, если эти сведения окажут читателю какую-либо пользу.

Виды парашютов

Существующие виды парашютов можно классифицировать следующим образом.

По назначению-на людские и грузовые; по способу ношения-на наспинные, парашюты-сиденья и носимые в руках; по способу раскрытия - на парашюты принудительного и свободного действия. Раскрытие парашюта может также производиться самим парашютистом при помощи вытяжного кольца с тросом или автоматически при помощи вытяжной веревки.

Способ раскрытия парашюта (основного) с помощью вытяжного парашюта заключается в том, что после отделения парашютиста от самолета из ранца в первую очередь выдергивается вытяжной парашют (диаметр купола 60-80 см). Наполнившись воздухом, он вытягивает купол и стропы основного парашюта. Однако следует иметь в виду, что при совершении прыжков с парашютом с самолета, летящего со скоростью 200 км/час и выше, вытяжной парашют от воздушного потока, создаваемого винтом, и в зависимости от положения парашютиста может отклониться в любом направлении, зацепиться за конечности парашютиста или прижаться к нему, и вследствие этого парашют может раскрыться с опозданием или совсем не раскрыться. Это не касается прыжков с вышек и

медленно летящих самолетов. В случае нераскрытия основного парашюта применяется запасной, если он имеется.

Почти все парашюты, которыми в настоящее время обеспечиваются летчики, раскрываются с помощью вытяжного парашюта.

В самом начале наши парашютные подразделения были снабжены парашютами принудительного действия. Они раскрываются после 55 м свободного падения, то есть примерно через 4 сек. Но и с этими парашютами в отдельных случаях может произойти то же самое, что и с парашютами свободного действия, раскрывающимися с помощью вытяжного парашюта. На это необходимо обращать внимание при проведении парашютной подготовки.

В целях обеспечения наибольшей безопасности прыжков для воздушно-десантных подразделений военно-морского флота был разработан парашют системы "Найно" [26] конструктивная особенность которого заключается в том, что купол и стропы этого парашюта укладываются в определенном порядке в особый шелковый чехол и в таком виде помещаются в ранец. С началом пользования таким парашютом у нас совершение прекратились случаи нераскрытия парашютов. По словам одного инженера, в Америке в настоящее время разрабатывается парашют такой же конструкции.

В момент раскрытия парашюта при скорости, равной скорости современного истребителя, парашютист должен испытывать огромную перегрузку, которую не всякий может вынести. С целью уменьшения перегрузки в момент рывка проводились специальные исследовательские работы, которые привели к созданию так называемого парашюта "Ояко"[27]. Он представляет собой комплекс из трех парашютов разных размеров: большого, среднего и малого, которые укладываются в чехол, а затем в ранец. Раскрытие парашюта "Ояко" начинается с вытягивания малого парашюта, а затем среднего и большого. Такой порядок снижает силу динамического удара, рассредоточивая его по времени.

Велись также работы по уменьшению перегрузок путем увеличения воздухопроницаемости ткани купола парашюта. Однако практически они пока ничего не дали.

Устройство парашюта

Существует несколько конструкций парашютов. Но я коснусь

парашюта образца 1, которым пользовался наш парашютный отряд.

Парашют состоит из шести основных частей: купола (из специального шелка), вытяжного парашюта (из специального шелка), строп (из шелкового шнура), ранца (из прорезиненного шелка и алюминиевой рамы), подвесной системы (из шелковой ленты) и вытяжной фалы или веревки (из шелкового шнура, сложенного вдвое, и стального троса).

Движение в воздухе до раскрытия парашюта

После отделения от самолета парашютист некоторое время летит в горизонтальном направлении со скоростью, равной скорости самолета. Но в результате сопротивления воздуха горизонтальная скорость постепенно уменьшается. Вместе с этим под действием силы земного тяготения парашютист с каждой секундой приобретает все большую вертикальную скорость и совершает ускоренное движение вниз. Однако по мере увеличения вертикальной скорости возрастает и сопротивление воздуха и в конце концов наступает такой момента когда скорость падения парашютиста достигает определенного предела и больше не увеличивается. Эта скорость называется критической (предельной) скоростью.

Следовательно, критическая скорость (V, м/сек) зависит от веса парашютиста (W, кг), средней площади сопротивления парашютиста (S, м2), массовой плотности воздуха (р) и коэффициента лобового сопротивления (Сх).

Если бы земной шар не был окружен воздушной оболочкой, скорость падения парашютиста с каждой секундой возрастала бы на 9,81 м (ускорение силы тяжести. g). Нетрудно себе представить, что случилось бы с ним в момент приземления. Однако, к счастью, земной шар окружен атмосферой и ее воздушные слои оказывают сопротивление движущемуся в ней телу. Поэтому через определенное время скорость свободно падающего тела стабилизируется. Через сколько же времени при свободном падении парашютиста наступит этот момент и какой величины достигнет скорость? Мне не приходилось совершать затяжных прыжков, и поэтому для ответа на этот вопрос я воспользуюсь данными, содержащимися в литературе. При прыжке с высоты 2000 м указанный момент наступит через 12 сек. свободного падения, а скорость достигнет 53 м/сек. Если прыжок совершается с высот 4000, 10000 и 16000 м, этот момент

будет соответственно наступать через 14, 18 и 23 сек. свободного падения, а скорость составит 59 (свыше 200 км/час), 80 (около 300 км/час) и 115 м/сек (свыше 400 км/час).

Как я уже упоминал выше, в Советском Союзе и других странах совершались высотные затяжные прыжки. Парашютисты при таких прыжках отделялись от самолета на большой высоте и раскрывали парашют в 200-300 м от земли. Ниже я привожу, правда, довольно устаревшие данные относительно рекордов, которые были установлены в свое время.

Обычный парашют рассчитан на раскрытие через 40-50 м свободного падения парашютиста, то есть спустя примерно 4 сек. после отделения от самолета. Другими словами, раскрытие происходит тогда, когда уже почти пропадает инерционная скорость. Так, при совершении нами прыжков парашют раскрывался примерно после

55 м свободного падения, или через 4 сек. с момента отделения от самолета.

В заключение приведу формулы, по которым определяется критическая скорость V и сила сопротивления воздуха R:

где S-средняя площадь сопротивления (парашютиста- 05-0,9 м2, парашюта-50 м2); р - массовая плотность воздуха (у земли-0,125, на высоте 6700 м- вдвое меньше, на высоте 500 м и ниже-в среднем 012)- Сх - коэффициент лобового сопротивления (парашютиста - 0,04, парашюта - 0.6-0,8, хорошо обтекаемого физического тела (при падении) - 0,025-0.03).

Движение в воздухе после раскрытия парашюта

С момента раскрытия парашюта до момента приземления каждую секунду под воздействием ветра происходит относ парашютиста. Например, при снижении с высоты 300 м при скорости ветра 5 м/сек и скорости снижения 5 м/сек парашютист пробудет в воздухе 60 сек. и, следовательно, его отнесет в направлении ветра на 300 м.

Для более точного определения величины сноса необходимо сделать поправку на расстояние, на которое сместится тело парашютиста с момента отделения от самолета до момента раскрытия парашюта в направлении полета самолета под действием сообщенной ему скорости. Но это смещение в общем принимается за 80% расстояния свободного падения до раскрытия парашюта (50 м).

Кроме того, и после раскрытия парашюта действует

горизонтально направленная сила инерции, которая также вызывает смещение тела парашютиста. Однако это смещение небольшое.

При наличии вблизи поверхности земли восходящего потока воздуха скорость снижения, конечно, будет уменьшаться. Даже при отсутствии восходящего потока скорость снижения в результате увеличения сопротивления воздуха будет иметь тенденцию к некоторому уменьшению в районе приземления.

При подтягивании строп начинается скользящий спуск, таким способом можно осуществлять некоторое управление парашютом.

В случае перекрытия в воздухе одного парашюта другим скорость снижения верхнего парашюта резко возрастает, и поэтому нужно быть особенно осторожным при приближении к земле [28].

Способы прыжков с самолета

Современные парашюты устроены таким образом, что их раскрытие гарантируется независимо от способа прыжка и положения тела парашютиста во время свободного падения.

Тем не менее важно хорошо знать следующие основные правила совершения прыжка.

Парашют не следует раскрывать, когда и как попало. Перед раскрытием парашют должен быть обращен в сторону самолета. Если прыжок совершается с наспинным парашютом, целесообразно, чтобы парашютист был в момент раскрытия парашюта обращен спиной в сторону самолета. При падении парашютиста головой или ногами вниз кровь будет перемещаться по вертикали, что может привести к ее излишнему накоплению или недостаточности в области мозговых центров. Ввиду этого лучше всего при падении стараться сохранять горизонтальное положение лицом вниз. В этом случае кровь будет отливать от живота к спине и парашютист будет сохранять ясное сознание. Для сохранения такого положения надежнее и проще всего развести руки и ноги в стороны под углом 45° и напрячь тело, особенно в области живота. Подобный способ применялся в Германии.

В нашем военно-морском флоте у парашютистов отмечались случаи травмирования плечевых суставов в результате динамического удара в момент раскрытия парашюта. Поэтому во время прыжка рекомендовалось напрягать плечи и сгибать обе руки.

В заключение хочу сказать несколько слов о технике отделения от самолета. Чтобы отделиться от самолета, нужно слегка наклонить корпус и с силой оттолкнуться от самолета. Почувствовав свободное падение, следует развести ноги и руки, согнуть последние и сохранять такое положение до раскрытия парашюта. Если парашютист будет падать головой вниз, то это хорошо, а если внизу окажутся ноги, то самочувствие во время падения будет не совсем удовлетворительное. Однако в свободном полете тело парашютиста само будет принимать положение головой вниз. Поэтому положение ногами вниз, особенно при прыжке с наспинным парашютом, почти исключается.

Способ приземлений

Способ приземления зависит от скорости снижений после раскрытия парашюта. Однако можно привести некоторые основные правила выполнения этого элемента прыжка.

Сила удара в момент приземления определяется результирующей величиной от скорости снижения и скорости ветра.

Сила удара, обусловливаемая только скоростью снижения, в общем такая же, как и сила удара при прыжке с 1,5-2,0-метровой вышки. Такое сравнение может показаться нелепым. Но на самом деле эта величина оказывает большое влияние на силу удара в момент приземления, и без проверки на себе трудно это понять.

Скорость снижения на десантном парашюте и парашюте, которым обеспечивались летчики, составляла соответственно 5,2 и 6 м/сек. Кажущаяся на первый взгляд незначительной разница в 0,8 м/сек на самом деле играет существенную роль. Для того чтобы парашютисты могли благополучно, без травм совершать приземление, с ними проводится общая физическая подготовка на парашютных транажорах и других снарядах. Для того чтобы легко переносить удар в момент приземления при скорости снижения 5,2 м/сек, необходимо в течение месяца заниматься физической тренировкой, а прыжки при скорости снижения б м/сек требуют физической тренировки на протяжении 3 мес. и больше. Эти выводы основаны на результатах наших испытаний парашютов. В целях максимального сокращения сроков групповой подготовки парашютистов у нашего десантного парашюта была уменьшена скорость снижения путем увеличения площади его купола по сравнению с парашютом, которым пользовались

летчики.

Итак, вернемся к способу приземления. Под действием ветра парашютист во время снижения раскачивается, как на качелях. Во время приземления следует учитывать три фактора: скорость ветра, скорость снижения и раскачивание парашюта.

Теперь рассмотрим данный вопрос конкретно. При совершении прыжка с высокой вышки опасно отделяться от нее спиной вперед, так как в этом случае человек, выполняющий прыжок, будет чувствовать себя неуверенно. Следовательно, прыгать с вышки нужно только лицом вперед.

Приземление с парашютом совершенно аналогично прыжку с вышки. В момент приземления парашютист под влиянием трех факторов непременно перемещается в результирующем направлении. Поэтому в ходе приземления обязательно будут иметь место поступательное (вперед) и обратное (назад) движения. Во время приземления парашютист должен принять положение лицом в направлении поступательного движения. Короче говоря, приземление происходит так же, как и прыжок с вышки, то есть лицом вперед. При отсутствии раскачивания парашюта следует развернуться по ветру. Если же происходит раскачивание парашюта, нужно быстро разворачивать тело в направлении поступательного движения парашюта. (Элементы приземления следует отрабатывать на земле. Для этого целесообразно использовать так называемые парашютные качели.)

Во время приземления ноги парашютиста должны быть сведены вместе и согнуты, а корпусу - придано напряженное полусидячее положение. Приземление следует совершать одновременно на носки обеих ног.

Если приземление осуществляется в направлении поступательного движения, то необходимо обязательно развернуться лицом в сторону движения. Попытка удержаться на ногах может привести к травмам, поэтому следует падать вперед и не сопротивляться тяге парашюта. Таким способом совершали приземление парашютисты нашего отряда. Важно запомнить, что в момент приземления нужно свести вместе ступни ног и, не пытаясь удержаться на них, упасть вперед.

Это правило не относится к приземлению с парашютом, имеющим малую скорость снижения. В остальных же случаях его следует строго придерживаться, чтобы избежать травмирования.

Динамический удар в момент раскрытия парашюта

При динамическом ударе в момент раскрытия парашюта перегрузка достигает (по опыту прыжков с десантным парашютом образца 1) 6-10 g (при скорости самолета свыше 200 км/час). Если принять вес человека в среднем 60 кг, то сила динамического удара в момент раскрытия парашюта составит 360-600 кг. Таким образом, человек испытывает значительную перегрузку, но так как она действует мгновенно, то в полной мере он ее не ощущает.

При совершении прыжков с парашютом, подвесная система которого устроена так, что стропы разделяются на два плеча, иногда в момент раскрытия купола вся сила динамического удара приходилась на одно плечо и вызывала травмы. В связи с этим позднее стал применяться парашют, у которого все стропы крепятся к подвесной системе в одной точке.

Прыжки на воду

Если парашютист вместе с парашютом окажется в воде, подвесная система, намокнув, сильно, обтянет его туловище и освободиться от нее будет очень трудно, тем более если это случится в ветреную погоду. Лишившись свободы действия в воде, парашютист может утонуть.

Как указывалось в начале книги, во время проведения учебных прыжков на авиабазе Татэяма произошел подобный случай, который привел к гибели парашютиста.

Следовательно, при спуске с парашютом на воду необходимо еще в воздухе освободиться от подвесной системы и на высоте примерно 10 м над морем отделиться от парашюта и прыгнуть в воду [29].

Учебно-тренировочное оборудование

Из-за малого объема книги вопроса о методике обучения парашютистов я не касаюсь. Кратко остановлюсь на минимуме оборудования, необходимого для этого обучения, которое включает следующее:

оборудованное место для роспуска и укладки парашютов;

место для проветривания и просушки парашютов;

парашютные качели, маты;

макет части фюзеляжа самолета с дверью или люком для

отработки элементов отделения от самолета во время прыжка:

спортплощадку со снарядами для физических упражнений, место для занятий борьбой и при необходимости парашютную вышку;

манекены для сбрасывания с парашютами.

Обмундирование парашютиста

Особое внимание следует обращать на одежду парашютиста. Поверхность ее должна быть гладкой, чтобы за нее не цеплялись стропы. Нежелательно иметь на внешней стороне одежды пуговицы, застежки и т. п. Хорошей одеждой для парашютиста может быть гладкий простой джемпер.

Брюки должны быть достаточно просторными, чтобы не мешать свободному сгибанию ног. Этому требованию вполне отвечают шаровары.

Ботинки должны иметь резиновую подошву для амортизации удара в момент приземления.

Летный шлем и перчатки предохраняют парашютиста от ссадин и царапин во время приземления.

Короче говоря, обмундирование должно обеспечивать удобство и безопасность действий парашютиста.

В практике отмечались случаи, когда вытяжной парашют зацеплялся за пуговицы обмундирования, тогда раскрытие парашюта задерживалось и парашютист оказывался в опасном положении. Поэтому на внешний вид одежды парашютиста надо обращать самое серьезное внимание.

То же самое относится к паковке грузов, сбрасываемых с парашютом.

Несчастные случаи во время прыжков с парашютом

Прыгающий с парашютом должен быть уверен в том, что парашют обязательно раскроется, и соблюдать правила прыжков, действуя разумно, точно и решительно.

Строгое выполнение этого положения гарантирует от несчастных случаев и, по-видимому, может рассматриваться как основное требование парашютной подготовки.

Предотвращение несчастных случаев при прыжках с парашютом немыслимо как без проведения исследовательских

работ по дальнейшему совершенствованию парашютных систем, так и без добросовестного отношения парашютистов к своему делу. Образно говоря, эти два условия - "колеса одной телеги, без каждого из которых невозможно ее движение".

Весьма желательно, чтобы в ближайшем будущем в конструировании парашютных систем и совершенствовании техники прыжков были достигнуты более значительные результаты, которые позволили бы не допустить повторения несчастных случаев, имевшихся у нас в прошлом.

Послесловие

Как я уже говорил, парашютный отряд военно-морского флота накануне войны находился в стадии организации. С началом воины он был вынужден спешно закончить подготовку и отправиться для проведения воздушно-десантных операции, несмотря на недостатки в обучении и материально-техническом обеспечении.

Во время воздушно-десантной операции в районе Монадо парашютисты выбрасывались на аэродром противника почти с одними пистолетами и ручными гранатами. И, несмотря на это они победили. Разумеется у противника на этом этапе войны еще не было должного боевого духа, и это явилось одной из причин нашей победы. Но главная причина успеха парашютистов заключалась, конечно, в их моральных качествах. Скорее всего, именно высокий боевой дух парашютистов способствовал победе над противником.

В начале испытательных прыжков у нас были не вполне надежные парашюты. Многие молодые люди в процессе парашютной подготовки и испытательных прыжков преодолевали исключительные трудности.

В этом им помогали их высокие боевые качества, их горячая любовь к родине.

Все молодые парашютисты были уверены в том, что своими делами они обеспечивают прекрасное будущее

Японии. Поэтому они и сражались, не щадя своей жизни.

Однако поражение и войне превратило все в прах. Усилия, которые прилагала молодежь, чтобы выиграть войну, оказались напрасными.

Теперь, обращаясь к прошлому, я рассказываю в своей книге о жизни и борьбе парашютистов. Я написал книгу о парашютном отряде. Для чего написал? Такой вопрос невольно возник у меня, когда работа была закончена. Я несколько раз брался за перо и столько же раз откладывал его в сторону. Но что же заставило меня довести начатое дело до конца?

Это - мужественные, очаровательные образы многих молодых людей, постоянно воскресающие в моей памяти. Это - кристально чистая, прекрасная их душа и высокий боевой дух, которые не перестают восхищать меня. Я и сейчас от всей души питаю к ним, уже погибшим, самое искреннее чувство благодарности.

Мне хотелось конкретнее и шире показать боевые дела многих погибших славной смертью парашютистов. Но ввиду отсутствия материалов, так как после войны уже прошло более 10

лет, я не смог этого сделать.

Только тогда, когда искренние помыслы и боевой дух молодых парашютистов, окропивших своей кровью белые полотнища парашютов, будут унаследованы в новых условиях строительства мирного государства, исключающего повторение им прежней ошибки, павшие будут спокойно спать вечным сном. И если моя книга чем-либо поможет этому, я буду вполне удовлетворен.

notes

Примечания

1

Рейнджерс - Специальные подразделения в армии США, предназначенные для диверсионно-разведывательных действий за линией фронта противника. - Прим. ред

2

Речь идет о договоре, подписанном 6 февраля 1922 года на Вашингтонской конференции представителями США, Великобритании, Франции, Японии, Италии, Бельгии, Голландии, Португалии и Китая. Этот договор подтвердил грабительскую в отношении Китая Доктрину "открытых дверей" и "равных возможностей", провозглашенную американскими империалистами, стремившимися обеспечить себе господствующее положение в Китае, По существу договор представлял собой сговор империалистов за счет Китая.- Прим. ред.

3

Касугаура - небольшой населенный пункт в 0,5 км севернее Йокосука.Прим. перев.

4

"Хотару но хикари" ("Мерцание светлячка") - песня, исполнявшаяся в торжественных случаях в старой японской армии.- Прим. перев.

5

Такэсита - В старой японской армии подразделения часто получали название по имени командира.- Прим. перев.

6

"Йокаса" (европейский зонтик) - военная организация японской молодежи. - Прим. перев.

Осима - Расположен против залива Сагами.- Прим. ред.

8

90 - Японское вооружение до войны обозначалось специальными номерами образцов. Чтобы узнать год выпуска образца, нужно цифру образца до 44 прибавить к 1867 году, а цифру образца от 87 и более-к 1840 году-Прим. перев.

дами - От английского слова dummy - манекен, кукла - Прим.. ред.

10

Сакэ - японская рисовая водка крепостью около 20°. Употребляется японцами обычно в подогретом виде. - Прим. ред.

11

... начали увеличивать скорость самолета - Здесь автор допускает ошибку. С увеличением скорости полета самолета соответственно увеличивается сила динамического удара при раскрытии парашюта. Чтобы снизить перегрузку при выброске с парашютом на больших скоростях полета самолета, вводится последовательное раскрытие парашюта, катапультирование и пр.- Прим, ред.

12

Скорость ветра у земли снизилась с 15-16 до 10 м/сек, что вполне позволяло прыгать с парашютом - Здесь автор допускает преувеличение. Скорость ветра у земли, позволяющая безопасное приземление, не должна в среднем превышать 6 м/сек.- Прим. ред.

13

Ввиду того, что в дальнейшем изложении в приказах командования эти подразделения иногда именуются батальонами, ниже мы будем так их и называть. Прим. ред.

14

Речь идет о налете на Пирл-Харбор 7 декабря 1941 года. В тексте автор указывает данное событие по японскому времени.- Прим. перев.

15

Манадо - город в северной части острова Целебес. - Прим. перев.

16

Кампай-возглас "Выпьем!", которым обычно сопровождается провозглашение тоста. - Прим. ред.

17

Раккасан - по японски паршют.- Прим. ред.

18

Сирагику в переводе на русский язык означает "Белая хризантема".Прим. перев.

19

Хатиман - Бог войны. Вся молитва примерно означает: С нами бог Хатиман! -Прим. ред.

Сукияки - Японское национальное блюдо.- Прим. перев.

21

Известно, что во время взятия союзниками острова Сайпан японская военщина совершила бесчеловечный акт насилия над своими соотечественниками. Женщин, в том числе имевших детей, чтобы они "не достались врагу", заставили покончить с собой, бросившись в море со скал. На этом и других фактах был создан антивоенный кинофильм "Трагедия острова Сайпан".-- Прим. ред.

22

Это утверждение автора не соответствует действительнести. По другим источникам, в конце 1944 года в Японии была сформирована ВДД из отдельных частей.-Прим. ред.

23

Общеизвестно, что один из решающих факторов, заставивших Японию капитулировать, было не атомное оружие, а разгром советскими войсками Квантунской армии, действовавшей в Китае.- Прим. ред.

Имеются в виду так называемые "кайтэнс", которые действовали при помощи сверхмалых подводных лодок (человекоторпед) и специальных взрывающихся катеров,- Прим. ред

25

Летоисчисление в Японии ведется по годам правления императоров. Сева-официальное название периода правления нынешнего императора Японии Хирохото (вступил на престол в 1926 г.).- Прим. ред

26

"Найно" в переводе на русский язык означает "мешок в мешке". - Прим. перев.

27

"Ояко" -парашют с переменной скоростью снижения. -Прим. ред.

28

Речь идет о так называемом явлении затенения. Заслуженный мастер спорта СССР В. Г. Романюк в своей книге "Заметки парашютиста-испытателя" приводит случай, когда у одного солдата во время группового прыжка в результате явления затенения парашют сложился совсем.- Прим. ред.

29

Так отделяться от парашюта нельзя: высота над водой может быть определена неточно, и это приведет к травмам. Целесообразнее оставить подвесную систему парашюта только в момент касания воды ногами.- Прим ред.